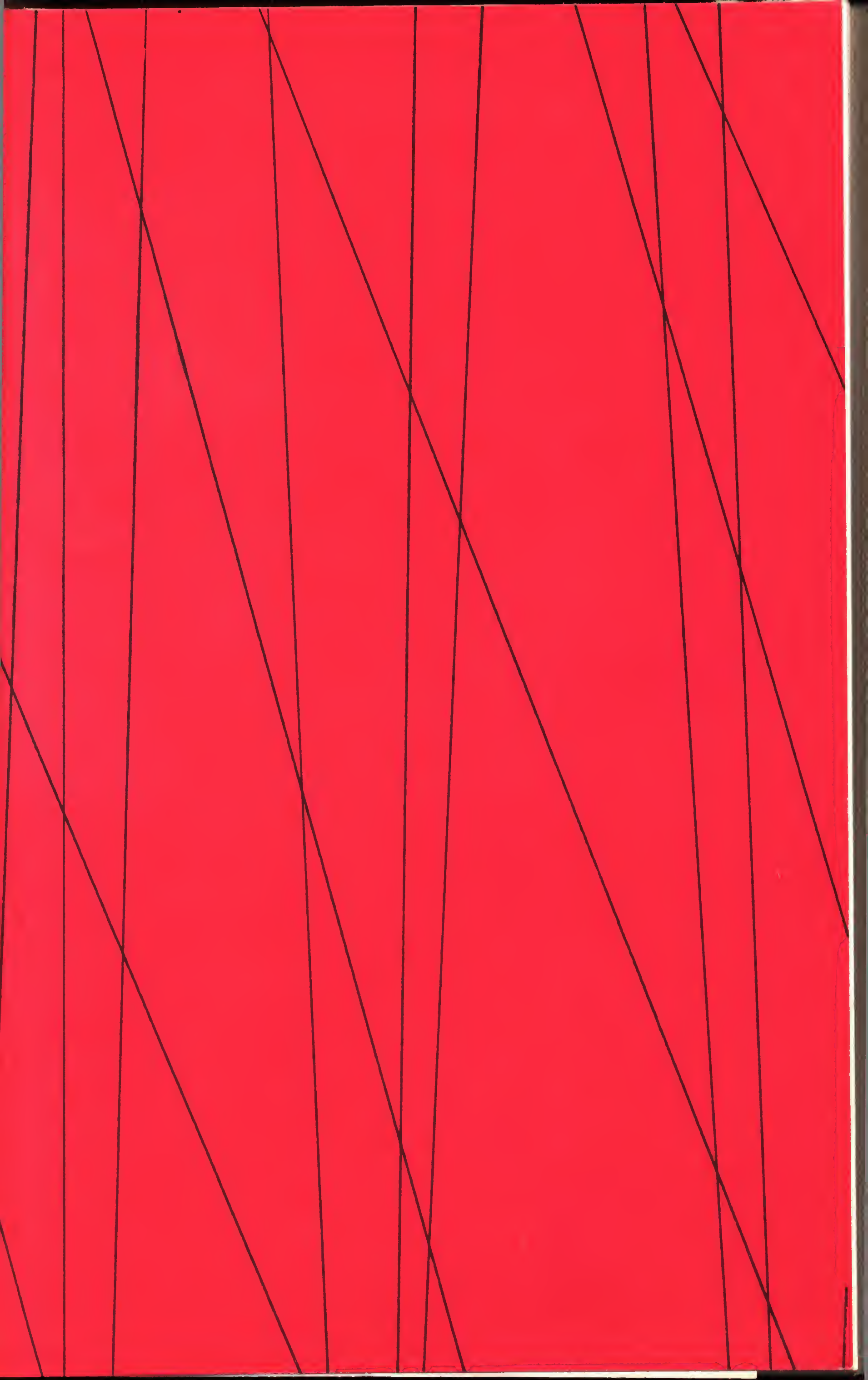
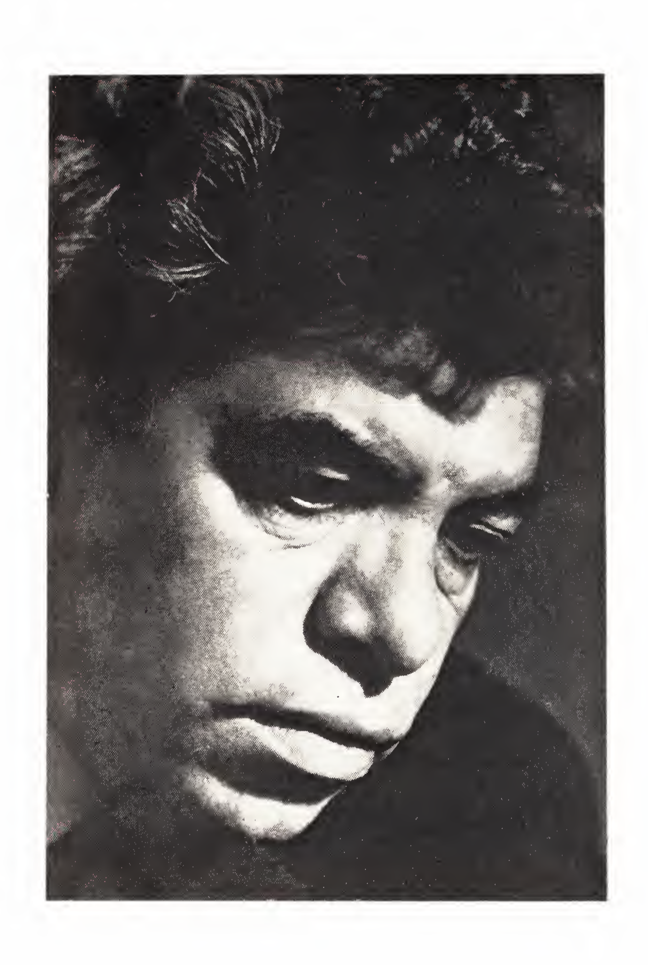
паруйр севак

ИЗБРАННОЕ





Паруйр Севак

ИЗБРАННОЕ

Перевод с армянского

Москва
«Художественная литература»
1983

С (Арм) 2
С 28

Вступительная статья
И. ДРАЧА

Составление
В. ГРИГОРЯН

Художественное оформление
А. ЗЕФИРОВА

С $\frac{4702080200\text{-}362}{028(01)\text{-}83}$ 81-83

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПАРУЙРУ СЕВАКУ

Мне чего-то не хватало. Что-то ускользало от меня. Гетевское утверждение, что поэта можно познать только тогда, когда посетишь его страну, не оправдывалось — то ли познание было неглубоким, то ли посещение этой древней страны носило поверхностный характер и было недостаточным, чтобы разобраться в таком сложном явлении, как Паруйр Севак.

И все же — еще раз... Еще раз приближаюсь к Армении. Приближаюсь к Паруйру Севаку. Сборник самой древней армянской народной поэзии так и называется — «Прапесня». Один из самых древних народов на земле имеет естественное право так обозначать свои духовные истоки. Поэзия всегда была духовной гордостью армян. Сейчас еще раз внове открываемый гениальный Григор Нарекаци *, отдаленный от нас целым тысячелетием, имеет таких «творческих сородичей» среди других времен и народов, как... Уолт Уитмен и Григорий Сковорода * — сколь неожиданных, столь и достойных.

Наапет Кучак, Саят-Нова, Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Ваан Терьян, Егише Чаренц * — это блестящее созвездие армянских поэтов выделяется на мировом небосклоне. Богатая традициями поэзия! Попробуйте же не затеряться среди этих звезд, попытайтесь же светить своим, а не отраженным светом! «Да будет свет!» — так называлась последняя поэтическая книга Паруйра Севака, поэта светоносного дарования, аналитика с пламенной душой, новатора по характеру таланта. Сейчас уже мало кто сомневается, что его поэзия — новая яркая страница советского периода армянской литературы.

Был я на писательском съезде в Армении, — шла острейшая дискуссия. Прекрасный поэт и знаток поэзии Ваагн Давтян выступал с докладом на тему: «Современная армянская поэзия: проблемы и тенденции развития». Он ссылался на Паруйра Севака как на истинного новатора, твердо опирающегося на традиции классической литературы. «...Это омытая светом книга... — говорил он о сборнике «Да будет свет!», — останется на небосклоне нашей литературы такой, какой была мечта поэта:

Свет благодатный,
Лейся, как ливень,
Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась
Радуга — тень
Летнего ливня.
(Перевод М. Микушевича)

«Да будет так!» — остается добавить нам, следуя пафосу книги. Севак был новатором. Иногда ищут и находят это новаторство во внешних формах его поэзии. Но ведь эти внешние формы в нашей поэзии были еще до Севака. Новаторство Севака было глубоко внутри, в мыслях и чувствах; новыми попросту были его поэтическая сущность и индивидуальность, а это важнее всего, и это труднее всего поддается анализу» [1].

Я читал добросовестные исследования о творчестве Паруйра Севака, изучал подробнейшие комментарии к его афористически сжатым строкам, поражался тонкости знания его поэтической манеры некоторыми переводчиками и недоумевал: несовершенные, во многом косноязычные переводы опровергали пышнословные восхваления, которые предваряли эти переводы. Несоответствие рекламы и товара, да простят меня коленопреклоненные в соборе поэзии, убивало меня. Но, вчитываясь, я понимал, что даже в самых несовершенных и по-русски труднопроизносимых строках таилось что-то притягательное, что-то неотразимое. Магия Паруйра Севака пробивалась сквозь словесные ухищрения. Но даже тогда, когда моего сердца достигала поэзия настоящая, глубинная, высокая, бережно донесенная до русскоязычного читателя стараниями переводчиков-мастеров, я все пытался снимать одежду перевода, чтобы обнаружить под ней огонь. А его было много. Поэтический темперамент Паруйра Севака — огненный:

Меня услыхав,
Кто спросит, тот прав:

---

[1] «За литературу, достойную нашей великой эпохи» (доклад на VII съезде писателей Армении). М., 1978, с. 33.

«С ума ты сошел?»
А вот — мой ответ:
«Да, сошел навсегда,
Почему бы и нет?»
Как же влюбляться, с ума не сойдя?
Дрова загорятся, с ума не сойдя?
Не побеждают — с ума не сойдя.
Детей не рождают — с ума не сойдя.
С ума не сойдя — вода не вскипит,
Не треснет гранат, если он не набит
Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
Зрелость, сплошное схожденье с ума...

(Перевод Ю. Мориц)

Дорога в родное село поэта — Чанахчи (Советашен) освещена с одной стороны солнцем, с другой — Араратом. Последнего не видно из селения поэта, но когда он спускался с высот родного села в долину, Арарат открывался его взору не раз. Для каждого армянина эта гора священна; немая свидетельница исторических судеб армянского народа, овеянная мифами и легендами, она олицетворяет собой образ родины. Вечный снег седого великана освещает, как солнце, армянскую землю, и каждый шлет ей ответный свет, в котором и восхищение перед ней, и клятва верности своей земле.

В стихотворении «Жизнь поэта» Паруйр Севак пишет о своем понимании назначения поэта:

Он брат Арарату:
Ступни его зноем палит,
Зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
Отброшенным пламенем жжет,
Хотя каждым словом и помыслом рвется вперед.

Слова его тихи,
Он их произносит с трудом,
И в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
Загадкой слывет меж людьми,
Лишь только б слова его стали пословицами.

(Перевод О. Чухонцева)

* * *

Долгие годы Паруйр Севак строил дом. Растил яблоневый сад. Сажал и пестовал виноград... Теперь в его доме музей.

Музей функционирует целый год, в нем побывали уже первые пятнадцать тысяч посетителей. Издалека видна школа, где учился поэт. Во дворе ее мой украинский глаз заметил иву или вербу, урени по-армянски.... Дом Паруйра, музей Паруйра. Советашен—родное село Паруйра — 1600 метров над уровнем моря. Сюда надо подыматься. Это — одна из вершин современной армянской поэзии.

Я рассказал о своей поездке Эдуардасу Межелайтису — мы были на Празднике переводческого искусства в Ереване. Он поехал в Чанахчи на следующий же день. Я себе представил, как Эдуардас Межелайтис в музее внимательно перелистывал книгу на армянском языке — перевод его поэмы «Человек»,— Паруйр перевел стихи своего учителя в шестидесятые годы; теперь учитель, создавший книгу «Каменное вино» об Армении, приехал услышать вечное сердцебиение человека, своего ученика, который сам стал учителем поэтов из многих стран — людей старше его и моложе его. В поэзии категория возраста — понятие мало заметное. Послушаем же Э. Межелайтиса, написавшего предисловие к первому сборнику избранных стихов Паруйра, который вышел на русском языке в 1975 году: «Что больше всего поражает и что больше всего восхищает в творчестве армянского поэта? Мне кажется, какой-то особый, я бы сказал, севаковский взгляд на человека. Это особенная, нежная и осторожная чуткость. Это дружеское сочувствие каждому человеку. В трудный час перечитаешь стихотворение Севака, и на душе вдруг станет хорошо и легко. Он лечит. Он протягивает человеку руку, передает ему свою радость и заражает поэтическим настроением. Он совершает то, что должен совершать каждый настоящий поэт, — очеловечивает человека».

Итак, он родился в крестьянской семье в 1924 году. Отец — Рафаэл Казарян, а мать — Анаит Казарян. Значит, он Паруйр Казарян, Севак же — псевдоним; он принял фамилию талантливого западноармянского лирика Рубена Севака *. Решение это было продиктовано осознанием преемственной связи, ощущением родственной близости к трагически погибшему в 1915 году поэту. Прекрасная армянская традиция. Окончил среднюю школу в родном селе в 1939 году. «Я окончил среднюю школу, так и не узнав, что такое стол и стул, — писал он в 1960 году в своей автобиографии. — Вместо стола мне служила доска, на которой мать раскатывала тесто. На ней я и выполнял домашние задания — писал сочинения, решал задачи, чертил... Была у меня заветная мечта, которая не оставляла меня ни днем ни ночью — чтоб был дом полон книг и тетрадей, чтоб было много разноцветных карандашей...» [1]

---

[1] Олександр Божко. Світ на долон, «Літ. Україна», № 15, 19 лютого 1980 року.

А пока книг в своей школе и в своей сельской библиотеке недостает, нужно преодолевать многие километры пешком, чтобы облазить все полки библиотек близлежащих сел. О, эта манящая, такая знакомая, ни с чем не сравнимая радость юношеского познания мира!

Паруйр Севак учился превосходно. Школу окончил в Чанахчи с отличием. Диплом университетский в музее под стеклом — только отличные отметки. Защита диссертации о Саят-Нове проходила столь успешно, что ученый совет единодушно присудил ему звание не кандидата, а сразу доктора филологических наук. Что-то не типичное для нашего поэтического племени. Да простят мне мои собратья по перу. Все сделано на совесть, добротно, на отлично. Каждый стих. Каждая строка... Чувствуется проработанность, отделанность, выверенность. Обдуманность каждого шага и жеста. И вместе с тем — удивительная органичность во всем.

Мы знаем, как настойчиво, как мучительно долго искал великий Гете главного героя для своего философского произведения, пока не остановился на герое немецкой древней легенды Фаусте.

Мы понимаем, что выбор гениального армянского композитора Комитаса * в качестве главного героя самого крупного произведения Паруйра Севака сделала сама трагическая судьба Армении. Всем известно, как сперва султан Гамид, а за ним и младотурки сознательно и хладнокровно при попустительстве Европы предали смерти полтора миллиона армян — солдаты «великого убийцы» Талаат-Паши начали то самое жуткое дело в истории, называемое геноцидом, которое потом продолжилось в кошмарных печах Освенцима и Дахау.

Максим Горький напоминал: «...Память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX и начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе...»[1]

Недаром погибший в памятном 1915 году западноармянский поэт Сиаманто * гневно бросил в лицо равнодушному миру: «О справедливость людская, || Дай заклеймить плевком твой лоб!»

Самая кровоточащая армянская рана — геноцид 1915 года. Кто смеет прикасаться к ней? Какого масштаба должен быть художник, чтоб врачевать эту рану? Как лечить самое душу неизлечимую?!

---

[1] М. Горький. Полн. собр. соч. М., «Наука», 1974, т. 20, с. 132.

Много вопросов возникает, когда задумываешься над «Неумолкаемой колокольней».

И тут же сразу слышишь голоса, запрещающие затрагивать эту тему. Нельзя делать вид, что их не существует. Грант Матевосян бескомпромиссен: «А ведь не только в частной жизни человека, в колодцах его психологии, но и в истории человечества есть моменты, ситуации, к которым художественная литература не должна прикасаться. Например, кровавый геноцид 1915 года...

— Что же вы предлагаете? Молчание? — спрашивает его критик Алла Марченко, записавшая беседу с писателем.

— Нельзя молчать, ведь уничтожают не только человека, но и его крик, не только предмет, но и его тень. И все-таки это слишком больно. Я в физическом смысле заболеваю, когда думаю об этом, и мне не хочется, нет, я не могу об этом, об этой боли рассказывать художественным языком, внося в рассказ элемент игры, выделки, словом — искусство. Нет, на такой предельной, запредельной боли литература не делается. Этот вопрос поглотил множество гениальных усилий и ничего не дал искусству.

— А Паруйр Севак с его «Неумолкаемой колокольней»? — продолжает спрашивать критик, убежденная, что этим неотразимым примером заставит отступить оппонента.

Но Грант Матевосян неумолим:

— Я не считаю эту вещь удачной, хотя она принадлежит действительно большому поэту...» [1]

Итак: «на такой предельной, запредельной боли литература не делается». И все же повисает без ответа вопрос критика, вопрос всех нас: «Что же вы предлагаете? Молчание?»

Паруйр Севак ответил на этот вопрос поэмой, отдав ей лучшие творческие годы. Поэт работал над ней до последних дней своей жизни. Говорят, когда заходила речь о переводе ее на другие языки, в частности на русский, он высказывал мнение, что поэму надо будет сократить, опустить некоторую часть специфического материала, понятного только армянскому сердцу, армянскому восприятию. Трудно представить, как бы удалось решить эту сложную задачу Севаку. Однако теперь уже факт, что самые что ни на есть специфически армянские места в поэме, особенно органические сочетания текста поэмы с народными песнями или же с песнями самого Комитаса, как раз и составляют самое существо выдающегося произведения. И хорошо, что поэма переведена Гарольдом Регистаном полностью!

---

[1] Журнал «Вопросы литературы», № 12, 1980.

«Писать о Комитасе было равносильно созданию летописи последнего столетия истории армянского народа, — сознавался сам Севак, — летописи жизни и чаяний народа, его быта и борений, песен и боли, европейской дипломатии и османского варварства, этнографии и национального самопознания, его прошлого и будущего» [1].

Главенствующее значение «Неумолкаемой колокольни» для всего творчества Паруйра Севака несомненно. Всенародное признание в Армении. Восхищенные голоса ценителей за ее пределами.

Приведем аргументированное свидетельство старшего собрата по перу Паруйра Севака Геворга Эмина: «Эпический характер и могучее дыхание поэзии Севака полностью проявились в его поэме «Неумолкаемая колокольня». Никто до Паруйра Севака не выразил так глубоко и многообразно биографию целого народа. Ведь хотя «Неумолкаемая колокольня» и посвящена Комитасу, ее главным героем является народ, его история, жизнь, быт, радость возрождения. Эта поэма фактически является живой энциклопедией жизни армянского народа за последнее столетие, обладает множеством разнообразных достоинств, о ней написаны и еще будут написаны многочисленные статьи, исследования и книги» [2].

А один из почитателей таланта Паруйра Севака поэт Андрей Вознесенский писал: «...В гулкой поэме «Неумолкаемая колокольня» он раскачал колокол познания по страшной амплитуде от Комитаса до наших дней».

«Неумолкаемая колокольня» — яркий образец полифонического мышления поэта. Паруйр Севак считал одной из особенностей современной поэзии симфонизм, одноголосию он противопоставлял многоголосие. Внутренняя связанность шести больших частей — трезвонов, разделенных в свою очередь на главы-звоны, вплетение в ткань поэмы стихов, песен и духовных гимнов самого Комитаса, подчинение всех отдельных фрагментов основной теме позволило современному поэту создать многоплановое произведение большого эпического размаха. Читатель следует за сюжетной основой — хронологической канвой важнейших событий в жизни Комитаса — и перед ним встает вся жизнь, вся судьба, вся неумолкаемая трагедия древнейшего народа, все обобщенное многоголосие его яркой жизни. Народ бессмертен, Комитас бессмертен — основная мысль этого выдающегося произведения, этой величественной симфонии борьбы жизни и смерти, добра и зла, света и мрака...

---

[1] А. Аристакесян. Паруйр Севак. Ереван, 1975, с. 16.
[2] Газета «Коммунист», Ереван, 1974.

Паруйр Севак ушел из жизни в начале семидесятых годов, но он сумел сформулировать многие современные вопросы с такой поэтической выразительностью, что сила его голоса заставляет прислушиваться многих и многих и сегодня. Меня в свое время поразили такие его стихи, как «Миру нужна чистота», «Стареем...», «Задание вычислительным машинам и точным приборам всего мира».

Это поэзия глубоко иронического ума, идущая от пламенного сердца, это голос протеста не только против тех, кто убежден, что развитие человечества идет по пути признания примата счетных машин над человеком, а против всего античеловеческого, всего противоестественного, антигуманного. Поэт доискивается главного, вопрошая «провозвестников нового века»: когда же все человечество на земле, все народы мира освободятся от угнетения, несправедливости, когда же будут низвергнуты в бездну химерические силы зла и насилия? От имени всего человечества он обращается к «электрическому черепу всемогущему», к «циклопическому глазу всепроникающему»:

И подсчитайте еще напоследок, прошу вас,
Как,
Каким образом,
С помощью доброй машины какой,
Может еще человек
Оставаться и быть человеком
Или же только теперь
Человеком пытается стать?

(Перевод О.Чухонцева)

Бюракан *, следящий за внеземными цивилизациями, Ереван, производящий счетные машины «Наири», пользующиеся мировой славой, поэт, бросающий вызов счетным машинам (стихи написаны в 1962 году!) в период энтээровского бума, — это так показательно для такой древней и так безудержно рвущейся вперед страны, какой является Армения.

А как же быть с категоричным мнением Гранта Матевосяна? Дело, на мой взгляд, не в запретности темы. Чтоб разобраться, примем условное разделение художников на два противоположных типа, центростремительных и центробежных, а за точку отсчета, то есть за центр, возьмем селение или город, где родился будущий мастер, и попытаемся выяснить, — каково же отношение художника к этому благословенному для него месту на земле. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что для Есенина село на Рязанщине и весь деревенский мир значили гораздо больше, чем Багдади для Маяковского, — мне кажется, что я даже зримо могу воссоздать бесконечное кружение «последнего певца деревни» над Рязанщиной, непре-

рывное приближение Есенина к какому-то ему прекрасно видимому духовному микроцентру. И такое же беспрерывное отталкивание, нескончаемый уход, центробежная сила, влекущая могучего Владимира Маяковского в просторы мирозданья. Это разделение ни в коей мере не свидетельствует о том, что тому или другому типу художника не характерны бывают и черты противоположные. Но ведь даже свой взгляд на Америку Есенин назвал, приблизивши его к своему деревенскому миру, «Железный Миргород», а Маяковский прямо и оттолкнувшись — «Мое открытие Америки»...

Вот поэтому и существует, например, прекрасная непримиримость «центростремительного» Ясунари Кавабата * и центробежного» Кобо Абэ * — ссылаюсь на японский пример, сознательно проецируя его на армянскую почву.

Вот и существует некоторая суровость оценок «бытописателя» и «очеркиста» Цмакута [1] Гранта Матевосяна в отношении «центробежного» Паруйра Севака, который, несомненно, принадлежал к тому типу художников, что и прославленные: Уолт Уитмен, Маяковский, Межелайтис.

Мы все время приближаемся к поэту, а расстояние между нами увеличивается с каждым годом. И так как «большое видится на расстоянье», с увеличением расстояния творчество Паруйра Севака, как явление, обретает больший масштаб. Не хочу быть заподозренным в сознательном преувеличении, не хочу и другого: сознательного торможения своего восхищенного чувства признательности. А ведь это действительно так, как он печально заметил в маленьком стихотворении «Не без боли»:

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что лишь после того,
Как дерево спилено,
Словно впервые
Мы видим его настоящий обхват.

(Перевод В. Баласана)

Настоящий охват Паруйра Севака — еще далеко не настоящий. Он принадлежит к явлениям, растущим во времени.

Недавно Вардгес Петросян в предисловии к сборнику Паруйра Севака «Путник» писал:

«...Севак для нас больше, чем поэт, пусть и талантливейший; талантливые поэты были, есть и будут в любой литературе... Поэзия Паруйра Севака знаменует новый уровень нашей литературы, это

[1] Цмакут — вымышленное название горного села, в котором происходят события произведений писателя.

не сиянье очередного таланта, а явление во всем его поступательном движении»[1].

По крайней мере, я чувствую, что в нем есть много такого, что раскроется по-настоящему лишь в будущем. Открытость, распахнутость его огромного сердца, раненого сердца, так дорога миру, так нужна человеку. Вслед за Маяковским и Паруйр Севак мог бы сказать: «Я навек любовью ранен», — в самом широком смысле этого слова.

И. Драч

---

[1] Паруйр Севак. Путник. Ереван, «Советакан грох», 1981.

Стихо-
творения

ДЫМ ОЧАГА

ОКТЯБРЮ, ЮНОШЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сорок
лет —
это зрелости возраст,
когда
виски покрываются сединой...
А ты, Октябрь, для истории —
просто
парень,
пытливый и озорной.

И ради себя,
ради будущей жизни,—
на месяц,
на час
на минуту хотя б,—
во имя того,
для чего ты свершился,
историей
не становись ты,
Октябрь!

Не будь ты картинкой
в учебниках древних!
Ты ведь
живительный воздух для поля,
ты —
кровь для сердец
и сок
для деревьев.

Ты — воздух
                для мира.
А мир еще болен!

Октябрь!
Ты не только салютов звучанье,
не только
парадов чеканная сила...
Давай отмечать тебя,
как отмечают
рождение
самого первого сына!
Ему еще
сил огневых набираться,
ему предстоит еще
                строить
                        немало,
ему еще
жить,
и ему еще
                драться,
удары и раны
                в боях
                        принимая.

Октябрь!
Ты разрушил убогий и старый
домишко.
И плотником сделался сразу...
Ты в здании новом
будь днем санитарным
для всяческой гнили,
для всяческой грязи!

Октябрь!
Ты был месяцем,
месяцем просто.
А стал ты
                названьем
                        страны
                                и народа.

Началом эпохи,
предвестником роста,
главой исторического поворота!

И ради страны,
ради будущей жизни,—
на месяц,
        на час,
                на минуту хотя б,—
во имя того,
для чего ты свершился,
историей
не становись ты,
Октябрь!

Октябрь!
мое сердце гудит, как Россия,
восставшая
для баррикадной расплаты...
Живи
как восстание против насилья!
Восстание вечное
против неправды!

А сердце мое,
как народ победивший,
гудит.
В нем — путиловец после сраженья.
Живет в нем
суровый кронштадтский «братишка»
в тот день —
в день
твоего
рожденья!

Октябрь,
с днем рожденья!
Победой
        увенчанный,
живи
год от года
просторнее!
Расти,
как восстанье!

Будь вечен,
как вечны
народы,
надежды,
история...
С днем рожденья,
Октябрь!

1957

ТРЕХГОЛОСАЯ ПЕСНЬ

Первый голос

О родина!

Уже лет тридцать учу я твой язык,
но все же говорить с тобою о тебе
я без ошибок не могу —
всегда, всегда
сбиваюсь и теряюсь от волненья!

Когда весною ранней
твоей кукушки слышу кукованье,
то мнится,
что кукушка, заикаясь,
мое косноязычье переводит,
восторг телячий мой,
что поздравляет за меня
ликующая птица
тебя с твоей весной!

И даже тени летние твои
мои признания безмолвно переводят
и солнцу твоему на синем небосводе
поют хвалебный гимн любви,
то удлиняясь,
то сжимаясь,
подобно черным языкам огня...

Когда плоды в твоих садах осенних
с деревьев каплями катятся огневыми,
понятно каждому, что это
мое торжественное песнопенье,
дарами вдохновленное твоими.
Об этом говорит и твой морозный снег,
он запах детства дальнего принес,
он, как и я, в тебя влюблен навек,
и, словно я, он безголос!..

А в миг,
когда с тобою о тебе я говорю,—
о, даже и тогда
не что иное я творю,
как измеряю скудными словами
молчание мое,
чтоб с болью убедиться снова
в бессилье собственного слова,
в могуществе молчанья твоего...

О родина!

Ты — многовековая фамилия моя.
А я...
Суметь бы так мне жить,
чтобы тебе стыда не знать
за то, что ты дала мне имя!..
Ведь гибель праведная — жизни половина!
Суметь бы так мне умереть,
чтоб ты... оплакивала сына!

Второй голос

О, моя родина!

Я ничего, ничего не могу тебе дать:
что бы ни дал я тебе,
это будет отдарком —
ты подарила мне все!
У меня пред тобой даже нет ощущения долга:
весь — с головы и до пят — я твой должник!
Заверяет лишь тот, кто боится,
что ему не поверят.

У меня же и помыслов нету тебя заверять:
    я — твоя вера,
    зрячая вера!

О, моя родина!

Меня призывают тебя изучать.
Зряшный совет! —
я — твоей жизни частица.

Я — темный мох
на камнях твоих древних и новых мостов,
на боках родников заповедных,

я — твоя боль, обнаженная в слове,
которое не переводится на чужеземный язык.

Я — только дым
вчерашних твоих ердыков *
и сегодняшних труб,
лишенный, быть может, огня твоего,
но именно этим огнем рожденный.

Я — только дым,
и этим дымом
вношу в атмосферу твое дыханье.
Я — дым, и только,
и говорить не умею,
зато твою сущность в небе пишу...

О, моя родина!

От цветов и оттенков пейзажей твоих,
вечных и вечно изменчивых,
я так окрашен,
как небо твое на закате.
Я так испятнан твоими пальцами,
как звездами небо ночное.

О, моя родина!

Я тебе жизни своей не жертвовал
и не участвовал в битвах твоих,
но и полшага, пожалуй, не сделал,

который не вел бы к тебе,
я начинаюсь тобой и тобой завершаюсь,
как замыкается круг...

Воды твои текут сверху вниз,
я же с низин поднимаюсь к вершинам,
как поднимается зной.
И когда приходит твоя весна,
и во мне эпигонством каким-то дивным
расцветает одна и та же мечта;
если я, как цветок на иссохшем стебле,
как трава на склонах гранитных гор,
если я помогу твоему цветенью,
я смогу сказать:
— Не напрасно жил!..

Третий голос

Отчизна моя!
Такие слова у меня — для тебя,
каких никогда никому не найти,
я и сам до сих пор не могу их найти!

Они есть во мне,
но их нет во мне,—
вроде мощных струй в глубине твоей!

Они способны гореть,
но и обжечь до слезы,—
вроде чистого спирта лозы твоей!

Они так близки,
но и так далеки,—
вроде той горы, что вросла в твой герб!

3 января 1960 г., Тбилиси

СЕКРЕТАРЬ БОГА

БЕЗУСЛОВНОЕ УСЛОВИЕ

Зеленые мысли, зрелые мысли,—
Это еще не стих.

(Нет! Самородок духа,
Самоцвет волшебства,
Раскрытие вечное скобок,
Решение неразрешимого,
Вот что такое стих!)

Бездомные, безымянные,
Горбатые «почему»
Снуют везде; ты впусти его
В душу к себе, окрести его
Словом своим, и выйдет стих
Из горбатого «почему».

Большие чувства, мелкие чувства,—
Это еще не стих.

(Нет! Плоть от собственной плоти
С твоею собственной кровью,
В воздухе некий трепет
И содроганье недр!)

Ночь богаче оттенками,
Чем разноцветный день.
Попробуй поймай ветер!
Попробуй запечатлей
Зыбкую поступь тени,
И получится стих.
Что же делать? Работать?
Но как над этим работать?
К будням привить воскресенье,
Море воспламенить,
Не отставать от века,
Не спешить никогда,—
И яйцо обретает устойчивость,
И приготовишь ты
Вместо яичницы солнце.

7 октября 1961 г., Ереван

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Поодаль от леса
могуче и хмуро
на голом холме возвышается дуб.

Стоящий стеною,
шумящий листвою,
весь лес со злорадством смеется над ним.
За то, что не может
гигант подчиниться
закону пигмеев,
ничтожеству их.
За то, что не могут,
не в силах пигмеи
гиганта
в свою тесноту заточить.

Отдельное дерево,
что оно значит —
никак недогадливый лес не поймет.

А дуб на холме —
громоотвод.

21 апреля 1959 г., Москва

КОРНИ

Ах, если бы познать земные недра,
и почву, и состав материка,
не так познать, как познает геолог,
планеты пробуравивший бока,
не так познать, как некий археолог,
склоненный над обломками горшка.
Не так познать, как познаешь ладони
и пальцы работящие свои...

Ах, если бы познать земные недра,
как корни познают глубинные слои!

28 апреля 1959 г., Москва

ВСЕГО ЛИШЬ...

В теснине свистя,
К вершине летя
Живым существом — в порыве живом,
Калечится он,
И слышится стон, когда он хромает
И пыль подымает, страдая от боли...

А мы говорим, что он просто... ветер.
Всего лишь, не боле!

Он тоже, как ты,
Стыдясь наготы,
Траву и кусты
Свивает клубком и вяжет тайком
Одежду, чтоб голым не выбежать в поле...

А мы говорим, что он просто... ручей.
Всего лишь, не боле!

Пылающий груз коралловых бус
Гигантским колье
Свисает к земле, и шеи террас украшает во мгле,
И свой запах и вкус
Оглашает на воле...

А мы говорим, что он просто... перец.
Всего лишь, не боле!

Шурша золотыми шелками песка,
Нездешним атласом травы и цветка,—
Чистейшим сопрано звучит в баркароле...

А мы говорим, что он просто... родник.
Всего лишь, не боле!

Живопись, масло — раскалено яркое, жаркое
полотно,
Внезапно оно превратилось в пятно,
В гравюру, где все абсолютно черно, хоть щурься
до боли...

А мы говорим... это день, это ночь.
Всего лишь, не боле!

О чуде чудес
Говорим... голова.

О таинстве тайн
Говорим... душа.

О мире миров
Говорим... человек.

О, горе же нам,
О, что мы творим,

Ведь мы о себе говорим, что... поэты.

18 декабря 1959 г.

ОТКРОВЕНИЕ

(Вместо пролога)

Этот бесцветный день,
этот расплывчатый тусклый день,
зауряднейший будний день,
для меня
Архимедов день:
день моего второго рождения,
день, когда я
вдруг
обрел самого себя,
как бы вселился я
в солнечный свет и в ночную тень,
в благоуханный сок,
окрашивающий цветы;
оказалось, что я
камень сонный
и на этом же камне бессонный мох;
я сосредоточен,
словно родник,
и рассеян,
словно тропа.

Я постиг,
что такое крылья,
когда тяжести больше нет.
Я постиг,
что стереться могут слова,
вроде разменных монет.
Я постиг:
лучше слова бессвязные,
чем слова,
потерявшие цену и вес.
И я убедился с тех пор:
если прослывешь
одержимым,
неистовым,
гордецом,
вступать бесполезно в спор.

14 октября 1959 г., Чанахчи

УВЕРЯЮ ВАС

Если кто-то от язвы тайной
Мучит лживой улыбкой рот,
Уверяю вас, что гримаса
Насовсем к лицу прирастет.

Если горный поток, распенясь,
С шумом вырвется из тисков,
Уверяю вас, он не спросит
Разрешенья у берегов.

Уверяю вас, что прохлада
Благодатней в полдневный зной,
А озноб пробирает жарче
В колотящий мороз ночной.

Не тогда осязаешь землю,
Когда топчешь ее пятой,
А когда она уплывает,
Уплывает вдруг под тобой...

28 ноября 1959 г., Чанахчи

БЕЗВРЕДНЫЙ СОВЕТ

Если вы со мной не согласны,
Если в чувствах со мной не созвучны,
Не спешите, прошу, решать,
Что в мозгу моем — сорняки,
А на сердце — лишай.

Вам бы думать о сыне своем:
Говорю за него и о нем.
Ведь уйдете,
А он придет.

18 ноября 1959 г., Чанахчи

* * *

Я слышу розы красной крик
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И голос маленькой, невзрачной,
мне неизвестной птахи вдруг
приносит звуки одобренья
в часы передрассветной тьмы
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И кажется, что почтальон
меня немедля осчастливит,
достав из сумки два письма.
Но писем нет.

Стоит зима.
И курится дымок табачный.

18 декабря 1959 г., Тбилиси

БЕЗ КОНВЕРТА

За прилавком
Радость я продаю,
Весельем торгую.
Смех продается в моем ларьке.
Магазин улыбок — мой магазин.
Десять пальцев моих —
Десять проводников
Счастья.

К чему словари?
Мои губы — словарь любви.
Ноги мои —
Самоходы, когда свидание впереди.
Специальность рук моих — обнимать.
Грудь моя — посмотри —
Лацкан для ордена.
Орден — сердце.
Носят его внутри.

И мне выдавать самому себе
Справку штампованную,
То есть рифмованную?
Я открытка.
Мир — адресат.
Конверта не нужно мне!

19 ноября 1959 г., Чанахчи

НА ЯЗЫКЕ ТЕЛЕГРАФА

Я человек, и, хотя мне другого названия нет,
В то же время я телеграф,
Где круглосуточно телеграфист один.

И не дает мне покоя весь мир.
Миллионы незнакомых людей
Вверили мне тайны свои.
Без лишних слов,
Безо всяких точек и запятых
Тайны человеческие:
Горе или радость,
Когда как.

Это при мне говорят: «Люблю!»
Это при мне вздыхают: «Прощай!»
Безмолвный свидетель,
Я знаю тоску наизусть.
И на свадьбу
Я первый приглашен.
И с днем рождения
Первым поздравил я.
И когда похороны,
Я первый на похоронах.
Победами и потерями
Делятся со мной.
Маленькой радостью и маленькой грустью
Делятся со мной.
Исповедуются
Без лишних слов,
Безо всяких точек и запятых
Вроде косноязычных,
Вроде заик.

Я человек, и, хотя мне другого названия нет,
В то же время я телеграф.

Отсюда три главных моих особенности:
— Чужая радость — моя радость,
Чужая скорбь — моя скорбь.
— Сам я не успеваю
Все мои тайны раскрыть.
— И наконец, поэтому...
Косноязычен я.

19 ноября 1959 г., Чанахчи

ПЕСОК-БАРС

Я тот, кто понимает
Молчание песка.
Он молча
Вспоминает
Минувшие века,
Когда по всем просторам
Ревел поток земной,
Свидетелем которого
Он был, песок немой!..
Но лишь самум тревожно
Взвихрил его,
Звеняще
Напомнивши
О прошлом,
О жалком настоящем,—
Тогда в броске опасном
Кидается, весь рыж,
Бархан свирепым барсом.
И ты не устоишь...
Глаза царапнет
Лютому
Ветру, как врагу.
А заодно —
И путнику
На голом берегу,
А заодно —
Тем людям,
Тем людям,
Что опять
О прошлом, о великом,
Привыкли
Забывать!

15 декабря 1959 г., Ереван

ЯЗЫК ВОДЫ

Язык воды — язык чужой страны,
который я не твердо разумею:
все, что услышу,
понимаю я,
а вот ответить
не умею.

19 декабря 1959 г., Тбилиси

НЕ БЕЗ БОЛИ

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что лишь после того,
Как дерево спилено,
Словно впервые
Мы видим его настоящий обхват.

15 декабря 1959 г., Ереван

ПЛАЧ ПЛАЧУ РОЗНЬ

Один, как новорожденный плачет,
Криком исходит, но плачет без слез,
Другой и не всхлипнет, и не застонет,
Но горьких не остановит слез.

А кто-то, как я (и ты, вероятно),
Смолчит и слезы поглотит; они,
Внутри оставаясь, будут в тиши
Наполнять день за днем,
Стекая по капле,
Оспинки изрытой, как пемза, души.

14 октября 1959 г., Чанахчи

Я — СЧЕТЫ

Вы в счеты меня превратили...
И вот вы гоняете взад и вперед
Костяшки мои,
Все гоняете их —
Считаете что-то весь день,
И еще
Хотите, чтоб я даже щелкать не смел?

15 декабря 1959 г., Ереван

Я НЕ СПЕШУ

Я не спешу,
Спешит опаздывающий.
Я не опаздываю никуда.
А если мучаюсь —
из-за опаздывающих,
которые и могут иногда
считаться вслед идущими за ними —
ведущими
или
передовыми.

18 декабря 1959 г.. Чанахчи

СХОЖУ С УМА

Меня услыхав,
Кто спросит, тот прав:
«С ума ты сошел?»
А вот — мой ответ:
«Да, сошел навсегда,
Почему бы и нет?»

Как же влюбляться, с ума не сойдя?
Дрова загорятся, с ума не сойдя?
Не побеждают — с ума не сойдя.
Детей не рождают — с ума не сойдя.
С ума не сойдя — вода не вскипит,
Не треснет гранат, если он не набит
Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
Зрелость, сплошное схожденье с ума.
Лето кончается?
Сходит с ума.
Планета вращается?
Сходит с ума.
Зернам, пока не сойдут с ума,—
Колосками не быть.
Ладошкам, пока не сойдут с ума,—
Руками не быть.
Словам, пока не сойдут с ума,—
Стихами не быть...
Ах, быть бы и мне сумасшедшим всегда...

1 октября 1961 г., Ереван

ДОЖДЕВАЯ СОНАТА

1

Когда над полем осенним
или над серым сквером,
всеми забытый, быть может,
какой-то дождик скулит
и, шлепая по ступеням,
непрошеным гостем скверным
печаль меня посещает
и, как хозяйка, царит,—
тогда сумасшедшие мысли
теснятся, как зерна в колосе,
в черепе бедном моем:
        Ах, если бы умиралось
        так же легко, как рождалось!..

Но если бы так и стало,
то выиграли б только мы,
опять-таки мы — ей-ей! —
но не матери наши!
А разве не жаль матерей?!

2

Когда над полем осенним
или над серым сквером
места себе не находит
дождик, забытый всеми,
когда по скользким ступеням
непрошеным гостем скверным
печаль ко мне вновь приходит,
хозяйкою став на время,—
я без дела шагаю,
тупо шаги считаю
и каблуками играю
на клавишах половиц,
не слыша музыки этой,
и вдруг задумываюсь —
и знаете ли, о чем?
Почему во всем мире собаки
облаивают Луну,
на Солнце совсем не лая?
И, не найдя ответа,
не поискав его даже,
я снова вдруг ощущаю,
что очень, очень скучаю
по злодею разбойному,
который зовется зноем!

3

Когда над полем осенним
или над серым сквером
какой-то дождик грустит,
всеми давно забытый,
когда по скользким ступеням
непрошеным гостем скверным
печаль ко мне вновь спешит

хозяйкою деловитой,—
невольно глаза мои,
любопытством праздным влекомые,
путешествуют по карнизу
напротив стоящего дома.
Они ползут так медленно,
так осторожно,
словно это не взгляд,
а насекомое!
Взгляд скользит по карнизу,
и я понимаю лунатиков!
И голову я впервые
над странной загадкой ломаю.
Есть ведь люди такие,
болезнью лунной страдающие,
но нет почему-то людей,
одержимых болезнью солнечной!
Может быть, это связано
с той непонятной тайной,
что собаки Луну облаивают,
а на Солнце не лают?!

4

Когда над полем осенним
или над серым сквером
грустит этот дождик древний,
всеми забытый навек,
когда в моем доме печаль
хозяйничает при мне,—
что делать мне остается?
За голову я хватаюсь,
болит от дождя голова!
— Эй, гражданин Небо!
Это ненастье нелепо!
Перестань хулиганить,
а то позвоню по ноль два!
То ли крик мой не доходит до неба,
то ли небо не страшится милиции —
продолжает за облаком прятаться небо,
отечное, сизолицее.
И, понапрасну забытый,
все хлюпает гнусный дождик,

и та же старуха печаль
хозяйничает деловито.
И я, разозленный,
и я, распаленный,
на кухонный кран обрушиваюсь —
ведь это он, он
оплошно оставлен открытым!

Коль небо унять не умею,
хоть кран усмиряю шальной,
чтоб воду не возненавидеть,
чтоб так не грустить по злодею,
    разбойному лиходею,
    которому имя — зной!..

19 декабря 1959 г., Тбилиси

ЗАГЛАВИЯ В КОНЦЕ

1

На пыльных дорогах ставят печать,
державную, гербовую печать,
    печать,
которую не замечать
способен лишь ветер — охальник и тать...

Ударами сердца и ритмами сердца
оживляют безжизненные асфальты...

Твердую веру внушают земле,
той первородно древней земле,
никогда не теряющей твердую веру...

Это... мои шаги.

2

Слегка удивляют людей иногда,
но чаще всего огорчают людей...

В них — скрип открываемых резко дверей,
В них — горечь захлопнутых резко дверей...
На чуждых устах притворяются льдом,
но рот мой при том обжигают всегда...

Это... мои слова.

3

Вдоль моха зеленого слезы текут,
текут, не спешат,
текут, и молчат,
и тихонько стучат
по каменной ступе в горном уступе,
которую сами долбят.

Тихонько долбят,
но мозг мой объят
чудовищным громом, грохочущим эхом.

Это... моя бессонница.

4

И вдруг я свободен, как только могу,—
словно вольный конь на вольном лугу,
словно огонь в горящем лесу...

Все на свете умны, — говорю и не лгу,
даже более — все мудрецы, говорю...

Это... когда пою
для одного, для себя самого.

5

Бреду средь весенней толпы, как в бреду,
Не обращая внимания даже на женщин,
Чья красота между тем возмутительна...

Бреду так старательно, так медлительно,
Словно шнурками улица связана зримо с моими
ногами,

Затрудняя шаги, запутывая круги...
Дневное светило в дебри волос моих запустило
Когти-лучи, словно зверь, и зá руку тащит
теперь,
Чтобы в пекле, в собственном пепле я очнулся
от этого шока,
Но я сейчас нечувствителен к боли, к солнечной
силе ожога...

Кровь моя в это время течет так медлительно,
Словно река, чья вода велика и плывет
по равнине,
И по этой причине очень трудно сказать
утвердительно,
Откуда она струится и куда же она стремится...

Вспоминаю о чем-то одном
И, бросив на полпути,
Вспоминаю о чем-то ином...
Сам жалею себя глубоко,
Пусть другие меня пожалеют чуть-чуть,
Пусть другие меня полюбят чуть-чуть,
Пусть хотя бы... как выдают пособие...

Это — моя грусть.

6

Стены вокруг расступаются вдруг,
чернея вдали
горизонтом земли,
а возможно вполне,— горизонт подплывает
ко мне,
и, если угодно,
так можно свободно
лазурь горизонта руками двумя
замесить среди неба,
как тесто для хлеба.
Дня трескотня обдает и меня,
но стекает всегда,
словно с рыбы — вода...

Это... мое молчание.

7

Губы безмолвные — образ гнезда,
где иногда восседает насмешка...

Смотрю, но не вижу нигде ничего,
а если кого-нибудь где-нибудь вижу,—
так только в себе и себя самого...

Вдруг, невзирая на зрелости опыт,
меня пробирает внутренний трепет,
и чувствую, что продолжаю расти,
сам над собой возвышаясь все боле...

Самоуверенность счастлива в роли
тени моей, проводницы моей.

Это... мое презрение.

8

Разверзлись глаза мои — как дымоход,
и дверью громадной распахнут мой рот,
но оно остается внутри — словно дым,
и душит меня, наполняя мой дом...

Рождается крик, но... как в тягостном сне:
роптаньем глухим утопает во мне...

Чем яростней вверх зашвырну, словно
камень,—
тем яростней вниз полетит, словно камень...

Какое-то дьявольское число,
не делимое ни на какое число...

Это... мое страдание.

9

И ночью и днем съедают живьем.
Забыв о своем,
страдают о вашем...

Со страстью остервенелой прачки
стараются синькой очистить мир...

Отстаньте, к черту, вы — мой кошмар,
звереют, хрипнут и крепче липнут,
как пчелы к меду, жужжа, дрожа...

Всегда — и воры и сторожа,
всегда — и слуги и господа,
мои — всегда, и ваши — всегда...

Это — мои раздумья.

10

Так брызжется с хрустом костер золотой:
вот — ветка со светом, а вот — с теплотой,
способен вот так отломиться, звеня,
мой смех от меня,
и каплет роса доброты без конца
с лица моего
и даже с одежды моей, со всего...

Я снова похож на себя самого
и снова себя самого узнаю:
во мне победила порода отца,
и жизнь не испортила душу мою...

Какая бы сила меня ни носила,
я всюду — как дома, плохое забыто,
и главное — доброе, славное сердце,
подобно дверям телеграфа, открыто...

Во взгляде моем — теплота поцелуя,
в словах — долгота моего поцелуя,
от этого... могут родиться... младенцы...

Это... я весел.

11

Он — ваш переводчик всего (а чего?),
что стать не успело ни мыслью, ничем,

а было движением вашей души,
изгибом бровей,
игрою кровей...

Он — то, что в глазах,
в невинных слезах
у ваших детей,
желающих ту или эту игрушку,
он — то, что рождает улыбку-голубку
на лицах младенцев, похожих на вас...

И к вашему дому не зная дорог,
и к вам не входя никогда,
он все же — настолько вам преданный друг,
что на него не залает вовек
даже ваш преданный пес...

Да, это видит он — вместо вас —
ваши сны, вместо собственных снов...

Это... я — весь, как есть.

18, 31 декабря 1959 г., Тбилиси

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Поэт в тебе родится тогда,
Когда понимаешь вдруг
Истинный смысл твоего труда,
Который в том, что твоя строка —
Письмо умирающего моряка,
В бутылку вложенное, чтобы зов,
Море времени преодолев,
Достиг хоть когда-нибудь берегов.

31 декабря 1961 г., Ереван

ЖИЗНЬ ПОЭТА

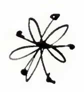
Он брат Арарату:
ступни его зноем палит,
зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
отброшенным пламенем жжет,
хотя каждым словом и помыслом рвется вперед.

Слова его тихи,
он их произносит с трудом,
а в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
загадкой слывет меж людьми,
лишь только б слова его стали пословицами.

16 марта 1959 г., Москва



ПОЭТЫ

И они,
Как и все,
Задыхаются без кислорода,
Но только они
Без кислорода горят
И, обуглившись, воспламеняются.

Плачут они,
Даже если дают им сладчайшие сладости,
Плачут они,
Как в туннеле подземном
Стены плачут.

Смеются они.
Этот смех
Звонче звонкой монеты.
Весь мир от него богатеет,
Но только не сами поэты.

И потеют они,
Как стекло,
Если в доме тепло,
А снаружи
Царство стужи.

Если лгут они,
Лгут бескорыстно, как охотники.
Лгут по-другому,
Маскируясь под них,
Ловкачи со своими поддельными
справками.

И они,
Как и все,
Не смогли бы прожить без воды
и без хлеба,
Но при этом они
Не смогли бы прожить лишь водою
и хлебом.

Им завидуют.
Что ж! Только в разных столетьях
Выдаются порой времена,
Когда надо жалеть их.

9 октября 1961 г., Ереван

СУДЬБА ПОЭТА

Пускай тебе пера не дадут,
Ты все равно запоешь.
Пускай полномочий тебе не дадут,
Опровергнешь ты ложь.

Пускай тебя считают слепым,
Ты видишь невидимое для других.
Пускай тебя считают хромым,
Ты первым придешь туда,
Куда другой не дойдет никогда,
Путем твоим прямым.

По-разному каждого любит судьба.
Злою судьбу не зови!
И ненависть яростная подчас —
Только изнанка любви.

Пускай удачи не знаешь ты,
Должен ты знать наперед:
Только ищейкам всегда везет,
Искателям не везет.

Тебе разгадывать письмена,
Другому переводить.
Не чувствует боли акушер,
В муках тебе родить.

Они глашатаи века,
А ты народный тайник.
Они родниковую воду пьют,
А ты по призванью родник.

По-разному каждого любит судьба.
Зачем на судьбу пенять?
Другие рождаются, чтобы пьянеть,
А ты рожден опьянять.

1961

ИЗНАНКА

Ивы для того,
Чтобы... реке указывать путь.

Дым для того,
Чтобы... ветер знал, куда ему дуть.

Кузнечики для того,
Чтобы... ночную тьму испещрять
Нотными знаками музыки своей.

Жаворонки для того,
Чтобы... песней своей осушить
Утреннюю росу.

Поздняя осень
Лишь для того,
Чтобы... вселенную расширять,
Роняя листву.

А поэты разве не для того,
Чтобы так вот
Наизнанку
Вывернуть все?

23 июня 1965 г., Ереван

ВЕЧНЫЙ ГОЛОД

Изголодалась душа
В этом словесном убожестве.
Высказаться бы, высказаться бы!
Слов настоящих нет.

И на цыпочки ты встаешь,
И шпионишь сам за собой,
Подслушиваешь сердце свое,
Где голоса — нестройный прибой,
Так что кружится голова.
Так трухлявые валятся дерева.
Так реки на карте заметны едва,
А притворяются, что журчат.

Так в сонном городе сторож ночной
Слушает словно издалека:
В темноте голоса нарастают
И, нестройные, обретают
Размах гениального черновика.

Город печален во сне.
На карте печальна река.

Печальны трухлявые дерева.
Голод в душах, голод в умах —
Вечный голод,
Где же размах
Гениального черновика?

25 октября 1962 г., Ереван

ЛУЧЕВАЯ БОЛЕЗНЬ

Мой друг, лучевая болезнь совсем не новая, нет!
Не сегодня она родилась
Ей, по крайней мере, восемь тысяч восемьсот лет.
Этой болезнью страдали
Индийцы и древние эллины,
Ослеп от нее Гомер.
От этой болезни умерли
Шекспир наш, ваш Нарекаци,
Все те, у которых легкие
Как полушария нашей планеты
Или же вместо легких — сердце.
Нет, не инфекционная,
Эта болезнь врожденная.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в радуге видит
Семь тысяч семьсот цветов;
Тот, кто слышит симфонии
Неудержимых молекул
В топорах, в молотках:
Оркестр мировой в руках.
Этой болезни подвержен
Тот, кто, глядя на черного буйвола,
Видит черный клавир,
Настроенный не для каждого.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в дикой скале
Видит Аджанту, Эллору,
Форум, Звартноц, Гегарт;
Тот, кто видит на чистом холсте
Магдалину и Тайную Вечерю;
Тот, кто видит: в прохожем юноше
Дремлет Гамлет, Отелло бодрствует.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в своем одиночестве
Беседует с человечеством;
Тот, кто вращенье Земли
Своими чувствует пятками,
Трепет корней — ладонями,
Даже если ладони в воздухе;

Тот, кто царям не угоден,
Кто в тюрьме погибает
И при дворе погибает:
Награды ему во вред.

Мой друг, лучевая болезнь совсем не новая,
нет!

15 мая 1963 г., Ереван

ИСПОВЕДЬ

Во мне самом француза-вольнодумца
Услышал я, не внял я
Голосу моих благоразумных предков.
Святой отец Благоразумие!
Тебе в грехах я исповедуюсь.

Святой отец! Пускай ценою жизни,
Стереть хотел я слово «осторожно».
И это грех?

Святой отец! Подумал я, что можно
За правило принять неправильность.
И это грех?

Святой отец! Что, если будут ноги
Самим себе повиноваться,
Голове наперекор?
И это грех?
Что, если нам хоть раз в течение веков
Не налагать на слово «человек»
Эпитетов-оков?
И это грех?
Святой отец, где исповедаться
Не верующему в тебя?

Я жажду исповеди
Любой ценой:
Ценою отлученья
И вечного мученья.

Где мне исповедаться? Кому?
Святой отец Благоразумие!
Нет, не святой, нет, не отец!

14 июля 1963 г., Ереван

ОДИНОКАЯ ПРОГУЛКА

Возвышенный, жалкий, блаженный, до мозга
костей земной,
Стою посреди вселенной, и небеса надо мной,
И в них я смотрю,
Восторженный,
Словно... жрец.
Любви преисполнена, душа переполнена.
Я верю в Бога.

Хватаю за шею извилистый этот ручей
И в небесах сгибаю
Сверкающей дугой,
Которая без меня
Не потухнет, не рухнет.
Хлопаю ладонями,
И горы одна с другой
Бесшумно сходятся,
Соединяются,
И в самого себя
Поверив,
Я больше не верю в Бога.

Глажу ладонью лицо земли,
Первозданное слово шепчу,
Одно-единственное мягкое слово шепчу,
И, словно кошка, спину выгибает земля,
Вытягивается, изгибается хвост ее, русло реки.
Снова блаженный и вдохновенный,
Словно шутя,
Треплю по щеке ясноликое небо
И улыбаюсь
Я, как волшебник
И как дитя.
Сил преисполненный, весь переполненный,
Я понимаю Бога.

8 декабря 1962 г., Ереван

НАПРАСНЫЕ ИСКАНИЯ ИЛИ СЧАСТЛИВОЕ ОТКРЫТИЕ

Ах, напрасно,
Конечно, напрасно мы ищем весь век
Драгоценные крохи,
Которые в долгой дороге терял Человек,
Чьи карманы дырявые,
Так что старушка Земля,
Эта добрая бабушка,
Все подбирает
И прячет к себе под подол:
В пыль, под камень,
В песок и под наст,
В мерзлоту
Или в каменноугольный пласт.
Расточителен путь.
Словно юноша;
Все, что упало,
Пропало
Под колесами
И под копытами,
Под каблуками
И под облаками,
Куда ни шагнешь,
Этот вечный грабеж, бесконечный грабеж.
И напрасно,
Напрасно мы ищем растаявший снег.
Нет, не крохи,—
Эпохи
В дороге терял Человек,
Чьи карманы
Давно продырявились.
Счастлив поистине тот,
Кто на древнем распутье
Дорог вековечных
Без всяких исканий
Случайно
Хоть что-нибудь снова найдет
При участии Солнца
И при соучастии глаз
И, не утаивая,
Возвратит Человеку-владельцу
Любую реликвию:
Крохи — останки

Добра,
Красоты,
Правоты.

Только так мы находим
Утраты былые свои,
Потому что иначе
Напрасно мы ищем весь век
Драгоценные крохи,
Которые в долгой дороге
Терял Человек,
Чьих карманов доселе
Залатать не успели.

4 декабря 1964 г., Ереван

СТАРЕЕМ...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
Уже на наших сверстниц посматриваем по-братски,
Засматриваемся на молоденьких,
Тех, что не смотрят на нас;
Уже знакомство не обернется
Ни новой любовью, ни песней,
Неумелой, но искренней...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
Наши буйные волосы давно уже поредели,
Стали они прилизанными, уложенными на пробор;
Наши вздорные пальцы стали во всем
послушными,
А наши резвые ноги — сделались домоседами...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
Пьем уже один день — три дня ощущаем тяжесть.
После часа прогулки — два часа разговоров
О безусловной пользе или ее вреде,
И разговор ведется с каким-то ожесточением,
Будто и в самом деле мы совершаем открытие;
При этом слова «болезнь» или «выздоровление»
С каждым днем все настойчивее
Склоняются и мусолятся,
И даже не столько с жалобой,
Сколько с тайной гордостью...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
Все меньше и меньше бродим —
Не остается времени.
Редко грустим без причины —
Слишком много причин.
Мало читаем — много пишем.
Много думаем — мало спим.
Потому-то слово «бессонница» стало для нас
панацеей,
Чтобы хоть как-то нервы расшатанные
успокоить...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
И все-таки — как мне кажется —
Мудрыми не становимся!
Даже теперь удивляемся —
Не можем не удивляться,
И назад переводим стрелки наших часов:
Думаем, что успеем наши дела доделать,
И в безысходном мире ищем какой-то выход,
Мерим наш век надеждой, как Дон-Кихот
ногами —
Этим высоким циркулем со стершимся концом.
А если во сне нас кто-то топчет и попирает,
Мы, как и прежде, с криком вскакиваем и... —

Стареем, Паруйр Севак!
И все-таки уму-разуму
Не наберемся никак!

10 декабря 1963 г., Ереван

УВЕЩЕВАНИЕ

Встречайте... встречайте сомнение!
Слышите? В двери ваши
Постучалось оно.
Что же! Встречайте сомнение!
Давно я сомнение встретил
И проводил давно.

Отпразднуйте встречу, как празднуют
Новое древнее сретенье!
Костер в груди разожгите!
По крайней мере, вовеки
Не будет сердцу темно.
Теперь вы сомненье встречаете,
Его проводил я давно.

Встречайте, встречайте сомнение!
Нет, я не пророк его.
Я только спасен сомнением.
Встречайте, встречайте сомнение,
Ибо всем нам нужна
Вера — не суеверие!
Вера — не суеверие!

28 августа 1965 г., Чанахчи

ИЗ КНИГИ «ДА БУДЕТ СВЕТ»

УТРЕННИЙ СВЕТ

Утренний свет,
Едва пробужденный,
Чистый, студеный:
И есть и нет.

Мир наш первичный —
Слишком привычный.
С ним разлучаюсь,
Нет! Отключаюсь!
Я сам не свой:
Сосуд пустой,
Не просто пустой,
А безвоздушный,
Приют радушный,
Для мира нового,
Пока еще неготового.
Этот мир мой невиданный,
Неведомый, неожиданный
На себе испытаю,
Как подобает врачу,
И человечеству мир мой вручу.

Всяких иллюзий лишенный,
Надеждою вооруженный,
В мире проблематичном
Больше не буду судить
О бытии по несбыточному,
Тешась воздушными замками, словно дитя,
И за подделку фальшивой монетой платя;
Отчаиваться не намерен я,
В силах своих уверен я.

Я сам, едва пробужденный,
Свежей водою студеной,
Студеной, чистою, снежной,
Ради весны неизбежной,
Лицо себе освежаю,
Лицо больного, и снова
Любого другого больного,

Веру, страну, человека,
Живительным омовеньем,
Целительным прикосновеньем
К жизни я возвращаю
И новый день возвещаю
Ресницам, губам, лицам,
Людям, зверям, птицам.

Как никогда, я зорок,
И каждый из вас мне дорог;
В каждом из вас таится
Что-нибудь неповторимое,
Зримое или незримое,
Что-нибудь мною любимое,
С тех пор как, четвероногие,
Мы две ноги потеряли,
Оставшись на двух ногах.

И с высоты непреклонной
Камнем лечу вниз
И достигаю лона:
Низменности отдаленной,
Где в плодоносной жиже
Жизнь сама зарождается
Миллионами лет,
И языком камня
Произношу: «Аз, буки»,
Что означает «Солнце»
Или «Да будет свет!».

16 марта 1967 г., Арзни

СВЕТ БЛАГОДАТНЫЙ

Свет благодатный,
Нет, не вечерний,
Нет, не закатный,
Росистый свет
Праведной жизни,
Пролейся, брызни!

Ночная служба кончается.
Распрямляет природа колени.
Рассвет-просветитель,
Великий святитель,
Гасит лампады, светильники, свечи.
И наконец
Выходит солнце,
Верховный жрец.
Ленивые тучные тени
Сами себя пожирают,
Как будто тени сгорают,
Стройные и пригожие,
Танцовщицы темнокожие.
У рассвета свирель
Из дерева абрикосового.
Из каждой скважины луч:
Невероятный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет изобильный,
Щедрый, всесильный,
Звонкий, напевный,
Апостол вседневный,
Приносишь ты веру,
Гонишь химеру,
Угодник и сводник,
Искатель, старатель,
Порою предатель,
От века навеки любовь,
Навек в человеке любовь.
Свет благодатный,
Лейся как ливень,
Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась

Радуга — тень
Летнего ливня.

Так разодень,
Свет благодатный,
Цыплят расписных,
Ты живописец,
Чтобы запели кругом петухи.
Зов многократный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет вездесущий,
Лейся, струись,
Ты, всемогущий,
И на вершины,
И в наши глубины.
Чтоб нам не ютиться, как рыбам,
во мраке без окон,
Скрытную воду пронизывай, панцирь
и кокон.
Солнечным жаром, бесшумным ударом
Необожженную глину-мечту
Пестуешь ты, необъятный,
И не смолкает
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»

19 марта 1967 г., Арзни

ПРЕТВОРЯЮ В СВЕТ

Напрасно прождав,
Когда ж мне хорошую должность дадут,
Я сам назначаю себя
Министром ли просвещения,
Сотворителем ли освещения,
Света ламп
И зажженных факелов,
Осветительного огня,
Чтобы даже глухую тьму
И пещерный мрак
В зал концертный я мог превращать
Или в свадебный зал...
Я на первую кнопку нажму —
И в душах людей, как цветок,
Свет расцветет.
На другую кнопку нажму —
Тени брызнут лучами во мгле.
Третью кнопку я поверну —
И немедленно мрак
Сгинет, исчезнет,
Словно злой дух или черт.
И если останется где темнота,
Пусть подчинится мне,
Пусть останется лишь как занавес,
За которым целуются двое
И обнажается грудь,
И ребенка могут зачать...
Ах, если будет так,
Пусть оно так и будет.
Не стану кричать понапрасну: «Да будет
свет».
Я прошепчу уже: «Вот он, свет».
Да будет,
Будет...

15 февраля 1965 г., Ереван
17 февраля 1967 г., Ереван

СТАРЫЕ ШРАМЫ ЭТОГО МИРА

Ах, старые шрамы этой земли...
Даже нашу здоровую плоть смогли распороть они
И живую боль, словно божий дар, в нашу суть
вложить, —
Ведь пришлось бы нам плоховато жить,
Если б каждый был, как бычок, здоров
И аптечно чист,
Словно мятный лист.
Что же вас, друзья, старых шрамов боль стала так
пугать, —
Ведь благая боль может помогать?
И кому нужны
Наш апломб и спесь, этот стиль смешной и смешная
роль,
Если держит руль только эта боль,
Чей целебный вкус порождает нас.
И морщин игра —
Не дурацкий пляс,
А живой обряд, ритуал судьбы,
Он вседневно нам осеняет лбы.
Что же вы, друзья, старых шрамов боль
стали избегать, —
Ведь живая боль может помогать?

И сама ли боль причиняет вред
Или горсть пилюль,
Что едим, когда хотим уничтожить боль, —
Кто ответит остроумно
На такой вопрос тупой,
Дурачок какой?
Кто согласен спорить с болью,
Дурачок какой?
Ведь, по сути, спорить с болью
Значит — морю спорить с солью!
Как же, как, друзья мои,
От самих себя удрать?
Ночь вот-вот сойдет, как всегда, с небес,
Наступив на нас,
Как тяжелый пресс,
И почти совсем
Нас убьет часов на семь.
Но мы не умрем, поверьте.

Переживем подобие смерти и воскрешение.
И в завершение останется матрица в распоряжении жизни,
Курсивы нашего тела и нашего духа,
Грамматика боли, правописанье которой
Еще никогда облегчению не поддавалось.
Пусть утро-ребенок, как вымытый школьник,
Заучит печатные оттиски жизни, —
Курсивы нашего тела и духа, —
По правилам вечного правописания боли.
Друзья, для чего этот старый учебник
Сжигать вместо кокса, — нельзя ли иначе?
По-моему, некуда деться, друзья,
И в будущем нужно радушно и дружно
Приветствовать боль,
И больше того, мы объявим законной
Нашу исконную боль,
Нашу добрую...

9 ноября 1965 г., Чанахчи

МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА

Чистота нужна миру, да, нужна —
В облаке героев, грустью осененных,
На гибель обреченных... от вечной неприкаянности.
И в облике тех женщин, которые при жизни
Из всех мужчин на свете знали одного...
И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
Под ноги глядят, плечи их понуры,
Но — мысли свободно
Летят, куда угодно и когда угодно,
И взмывают ввысь
Помимо нашей воли,
А когда устанут,
Чайками садятся
На океан всемирный
Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки,
Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
Никого вокруг не спросив,
Чтоб катил поток, с головы до ног обдавал и мыл
Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики,
Пусть к земле она пригвоздит земное,
Землю склеит пусть с воздухом, и с ними
Склеит нас пускай аромат гвоздики.

Чистота нужна в песне соловья,
Чтобы азбукой, только ему известной,
Ему одному, только птице чудесной,
Впредь всегда посылать в мирозданье приветы
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьезные, звездные...

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шапка, черное тело, —
Той птицы,

Которая к небу воздела
Свой клюв, чтоб молиться,
И вот она молится, как кардинал без паствы,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира...

Нужна чистота!..

Чистота нужна,
Чтобы даже окаменелые камни
Внутренне ощущали себя
В прежнем, жидком существовании,
Чтобы даже растенья могли выдыхать...
солнечный свет,

А не только незримый поток углерода,
Чтобы впредь — человек себя чувствовал так
хорошо,
Как мелодия в величественном храме природы,
Как цвет — на гениальной картине природы,
И словно игрушка, которую держит дитя
природы...

Миру нужна чистота... ребенка,
Того ребенка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что... миру нужна чистота!..

27, 31 ноября 1965 г., Чанахчи

ПРОТЯЖЕННОСТЬ ТОСКИ

Я так бреду,
Как будто ноги у меня — чужие.
Так замираю вдруг,
Словно не я, а кто-нибудь чужой вдруг замирает здесь
Над этим водоемом городским,
И так смотрю,
Как будто напрягаю чужое зренье вместо своего.
И это чувство длится,
Но внезапно, одним прыжком,
Клыкастый, хищный ветер
Набрасывается, рыча,
И этот жалкий водоем терзает зверски,
И вроде бы вода не плачет даже,
Ее колотит лихорадка...

Тоска клыкастая, с такой же хваткой зверской,
В меня вгрызается, как в древнюю пещеру,
И раздирает существо мое.

Ах, существо мое пустилось в бегство, —
Вернуть, вернуть, его любой ценой, пускай обманом,
А то в моей пещере опустелой
Икает непрерывно пустота,
Проснулся целый рой мышей летучих
и тяжко бьется о мои глаза,
И крылья скользкие впиваются в ресницы и виснут,
Наподобье капель серых — слез, каплющих из глубины
души,
Как слезы той размеренной капели,
Которая не только гложет камень,
Но, кроме этого, еще вселяет голос в мгновения
глухонемые
И этим делит неделимый день, располагая знаки
препинанья:
Точка — тире, точка — тире, точка — тире.

И если точки и тире соединить,
Скажи,
Не могут ли в поход обратный пуститься стрелки на
моих часах,
Чтоб наступило то, что было прежде,
И живо образ прошлого предстал?

Нет, никогда потомство не родится
От близости, которая лишь снится...

— Точка — тире, точка — тире, точка,—
Рука чужая словно бы связует друг с другом эти точки
и тире,
Чтоб кое-как измерить протяженность пружинистой
тоски...

Я чувствую давление лучей,
Их тяжесть в глубине моих зрачков.

И возвращаюсь я, и так бреду,
Как будто ноги у меня — чужие,
И так смотрю,
Как будто напрягаю чужое зренье вместо своего.
И если я тоскую,
Так не своим, чужим каким-то сердцем...

Все тот же ветер, хищный и клыкастый,
Переставая водоем терзать,
Вонзает когти в голову мою
И в спину
И совсем не понимает,
Что голова моя — нисколько не моя,
И не моя — спина... они чужие...

Здесь дети весело играют в мяч,
Там дети весело идут из дома в школу,
Мешают дети бесконечному потоку
Машин, идущих длинными стадами,
И одному растерянному дяде,
Который ходит на чужих ногах,
И для смотренья у него — глаза чужие,
И, думая чужою головой,
Он смог постичь одну-единственную тайну, —
Что никогда потомство не родится
От близости, которая лишь снится...

16—17 февраля 1964 г., Ереван

ВЕЧЕР

Автомашины днем —
Слепые котята,
Вечером
Открывают они глаза.

Вечером тишине
На улицах тесно.
Расталкивает она
Всех и вся,
И отодвигаются горы вдаль.

Одиночество, как Хайям,
Пьянеет и богохульствует.
Добрые лают псы,
Нет, не лают, а молятся.
Хор бродячих собак:
«Прости, прости богохульника!»

Классную доску вытерла темнота.
Покрываются инеем звездным
Чистые небеса.
Меньше мы говорим,
Тише...
Время переговариваться
Фонарям и огням.
Каждый дом
Сигналы шлет во вселенную:
Детский плач,
Материнский зов,
Прерывистое мычание
Автомашин и коров.
Мигаюг звуки,
Мигают огни.
Новейшая азбука Морзе.
Потом замирают они,
И отвечает вселенная.
Сигналы вселенной — сны,
Которые снятся людям:
Счастливые сны,
Страшные сны,
Кошмары
И просто сны.

Пусть мне — ночные кошмары.
Лишь бы вам —
Счастливые сны.

Ноябрь 1965 г., Чанахчи

БЕЗДЕЛЬЕ

Что делать? — не знаю.
Хоть об стену бейся.
И бьюсь!
И вещи ощупываю, как слепой,
И, суть их поняв, опять натыкаюсь на вещи.
Не знаю, что делать.

Хорошо бы на улицу выйти —
Людей посмотреть, себя показать.
Да зачем и идти, если незачем?
И, пальцы сложив наподобье решетки,
Я думаю, стиснувши лоб,
О том, что мне делать... И сквозь
Тюремные щели блуждает мой взгляд.
Я со злости плююсь,
И взгляд отвожу от десятипалой решетки,
И вяло твержу: отпусти, отпусти, отпусти,
Какой я нарушил запрет?
И тотчас же — как бы в ответ —
Глаза мои — что за нелепость? — бегут по-собачьи,
Бегут вдоль забора, который напротив меня,
Бегут вдоль забора со множеством всяких афиш
И каждую букву вынюхивают, как собаки,
Чтоб как-то помочь мне бессмысленный вечер
убить,
Сбыть с рук за какой-то билет —
Концертный
Или
Театральный.
Но разве же не со словами:
«Нет времени, нет и минуты свободной» —

Прошла наша жизнь?
А нынче и времени прорва
А дела-то нет!

Мой внутренний голос —
Какой-то тупой и бессвязный —
Все злее и злее теснит меня и гнетет,
Да так, что я чуть не кричу, как чабан: —
Гей-гей! —
Едва не кричу: — Гей-гей! — угрожающе-бодро,
Чтоб пастве моей
И на ум не пришло
Что осталась она без присмотра.

Уже встала стеной темнота.
Я взглядом бьюсь о мрачную стену
И пою про себя «Божественный свет»
И «Багряный рассвет»*.
Кто спорит, конечно, и это дело,
Однако слишком высокое дело,
Дело,
Которое выше сил.

И вот я, как дирижер, себя
Обрываю на лживой ноте,
И от этой мгновенной встряски
Руки мои начинают думать...
Руки мои начинают думать
О том, что руки имеют в жизни
Больше смысла и больше тайны,
Чем эгоистичное сердце.
И руки уже не кажутся мне
Жалкими или ненужными,
Я хлопаю ими, руками моими,
И, крепко сцепивши, жду:
Пусть борются в схватке,
Пусть молятся богу,
Пусть делают что захотят...
А ноги мои,
Мои ревнивые ноги,
Срываются с места и сами куда-то идут,
Быть может, тайно надеясь,
Что я оправдаю их прыть
И, значит, больше буду ценить...

И в ту же секунду
Я вспоминаю, как утром
На машине везли лошадей.
Понимаете, да?
Лошадей!
На машине!
Тех самых,
Которые тысячи лет
Все перевозили и переносили,
Взвалив историю человечества
На свой выносливый круп,
Выбивая копытами эту историю,
Пыль ее заметая хвостом.
А теперь они сами стали грузом
Для тарахтящего грузовика...
Лошади — в кузове,
В кузове — кони,
Сжались от страха, насторожились
И при каждом крене на повороте
Тесно, как люди, — прижались друг к другу,
Тесно, как люди, — и даже тесней.

Как мне вас выручить, кони мои?
Как мне спасти вас, кони?
Что я могу — подавить рыданье,
Душу за вас отдать...

Так безделье уже пировало, правя, как Пирр, победу,
И удостаивало себя лживым лавровым венком,
А вокруг него — с четырех сторон —
Трупы чернели, трупы.
Так внутри у меня сейчас, тотчас, сию минуту —
Кони ржут, и храпят,
И копытами бьют,
Извергая огонь из ноздрей,
Кони,
Кони,
О, сколько коней!

И ноги мои,
Ощущая вину всего тела,
Сами несут и сажают меня за мучительный стол,
Чтоб не только во мне,

Но и в каждом из вас,
В каждом —
Кони ржали,
Кони храпели,
Били копытами, словно в погоне,
И —
Извергали огонь из ноздрей,
    Кони!
    Кони!

31 ноября 1965 г., Чанахчи

ИЗ ЦИКЛА «МАСКИ»

ОДНОГЛАЗЫЙ

Одним лишь глазом смотрю на жизнь,
(Другой из простого стекла).
И вижу глазом этим одним
    Многое я,
Но больше в сто крат вижу вторым,
    Потому что мне
Глазом здоровым видеть дано,
Мечтать же — только слепым.

14 ноября 1963 г., Ереван

ПРИРОДА ВЕЩЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИЦО И МАСКА ВЕЩЕЙ

О лик вещей!
Предметов внешность!

Нас окружающие вещи
Живут своей
Особенною жизнью
Помимо нас.
Они принуждены
Для нас разыгрывать спектакль.
Но стоит нам отвернуться,
Лишь отвернуться,
Как лицедеи сбрасывают маски,
Гримасничают, пялятся, открыв
Свои
Невыдуманные лица,
Которые мудры,
Игривы
И многозначительны,
Как ветка, спорящая с ветром,
Как горный ключ
Или красавица.
О лик вещей!
Предметов внешность!
Вот если бы придумать способ
Заснять их в первозданном виде
В тот миг,
Когда они убеждены,
Что занавес моих очей опущен.
Украдкою, врасплох, из-за угла
Фотошпионом в пуговице прячась
Или укрывшись в трещине пера.
Вот перенять бы опыт
Фотографированья среди бела дня
Кинозвезды в постели смятой,
Преступника в обнимку с преступленьем
И оборотной стороны луны.

О эти вещи,
Бесчисленные ряженые!

Я знаю,
Они меня боятся и берегутся,
Как женщина,
Что прячет наготу от глаз нескромных.
Они обречены,
Чуть приоткрывшись, вновь напяливать личину.
Я знаю, мне они желают смерти,
Чтобы отправить маску к бутафору
И жить не прячась.

Когда же сбудется их страстное желанье
(В последний раз мои сомкнутся веки),
Часть из них
(Печально или радостно — не знаю)
Отправится со мной,
Чтоб лечь в могилу вместе с господином,
Так некогда,
Во время оно,
Входили в темноту курганов
С усопшим вместе
Его наложницы, рабы и слуги.
Без масок или в масках —
Люблю непреходящею любовью
Моих покорных, но лукавых рабов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОБРО И ЗЛО ВЕЩЕЙ

Не правда ли, вам кажется порой,
Что вы одни,
Увлечены безмолвною беседой
С самим собой?
Неправда!
Добрые предметы
Не оставляют нас,
Тем более в минуты одиночества, когда
Вдруг оживает, одушевляется любая вещь.
Это в порядке вещей,
Что вещи
Жалеют нас, когда мы одиноки.

Незрячей капле, павшей на асфальт,
Дробиться и разлетаться,

А наш удел другой.
Мы в одиночестве мужаем,
Становимся крестом из плоти,
Как птица или же пловец.
Ведь одиночество не что иное,
Как плаванье или паренье.

Безмолвие, что скрыто в одиночестве,
Подобно раковине уха,
Не знает цвета, запаха и вкуса.
Бесчувственно к прикосновенью.
Беззвучная беседа одиноких
Собою наполняет тишину,
Как детский шар, воздушный шар,
Наполненный неслышными словами,
Вдруг превращается в аэростат,
Который в силах
И нас, и дом наш оторвать от почвы
И ввысь поднять.

Та тишина, что скрыта в одиночестве,
Подобна раковине уха,
Не знает цвета, запаха и вкуса,
Бесчувственна к прикосновенью, —
Та тишина, лишая нас земли,
Становится для нас второю родиной,
Незаменимой, неперуместимой.

Там, на дворе,
Библейский выход ночи
В сопровожденье пышной свиты звезд.
Наивна, глубока и величава,
Доисторически серьезна
Великая и истинная тьма,
И тщетны
Усилия огней в людских жилищах.
И кто-то на дворе
Тьмой наслаждается.
Там, на дворе...
А что нам до того?
Мы у себя.
Одни, но не одни:
Ведь добрые предметы
Одушевляют то пространство,

Что отдано нам во владенье,
Чтоб мы прониклись их блаженством,
Чтоб стали —
Подобно им — предметны.

28 октября 1965 г., Чанахчи

ИЗ ЦИКЛА «ДАРЫ ПОЛУВЕКА»

ЗАДАНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫМ МАШИНАМ И ТОЧНЫМ ПРИБОРАМ ВСЕГО МИРА

Вычисляете, все вычисляете...

А сосчитайте, за сколько мгновений
сколько крови из сердца девушки
приливает к ее смущенным щекам
и термоядерной вспышкою рдеет?
Что за космическое излучение
глаз затуманенных достигает,
когда наши взгляды внезапно встретятся,
и эти лучи обоюдозоркие
опасны или полезны?

А то вычисляете, все вычисляете,
все вычисляете...

А подсчитайте, сколько тепла
наши ладони отдали детям,
их волосам шелковистым и пальчикам,
гибким станам наших возлюбленных,
острым плечам наших бабушек немощных,
и, подытожив, вычтите разность
отданного и полученного!
А то вычисляете, все вычисляете
да вычисляете...

И укажите, на скольких женщин
мужчина — хотя бы один из многих —
глядел с вожделением и корыстью,
на скольких с восторгом благоговейным
и на скольких с братскою нежностью?

И адреса обозначьте тех женщин,
с которыми нас судьба не столкнула,
хотя и могла бы свести на всю жизнь!
И назовите число детей,
наших детей, на свет не родившихся...

А то вычисляете, и вычисляете,
и вычисляете...

Мы еще толком не знаем даже,
почему человек смеется,
лишь человек, и никто другой.
Ну так сочтите количество смеха,
рассортируйте его по звуку
и объясните разницу между
хохотом и усмешкой...

Электрическим черепом всемогущим,
циклопическим глазом всепроникающим
разложите тоску и тот дым спрессуйте,
невидимый дым, который всегда
приходит с тоской и один уходит:
куда-то рассеивается, но куда?

А то все считаете, все считаете...

И назовите ближайшую дату,
когда угнетаемые народы
освободятся от угнетающих,
когда возмездие неизбежное
свершится именем справедливости.
Сколько веков уже, в боге изверившись,
ждут этой даты жертвы насилий,
все еще верят, все еще ждут!
Вы, провозвестники нового века,
не окажитесь и вы химерой.

А то все считаете, вычисляете, прогнозируете...

И укажите число мостов,
страны связующих, по которым
мы бы хотели пройти, но пока
еще не прошли...
И назовите число упований и грез,
названных этими именами
лишь потому, что они не сбываются.

И несомненным числом обозначьте
сомненья, с которыми мы созреваем,
а чаще всего до времени старимся.

И линию разочарованья найдите,
и хочется верить, что хоть она
не будет зигзагообразной.
И вместе с линией жизни нашей
найдите надежды обманутой линию,
они параллельны, а параллели,
кажется, не пересекаются.
И подсчитайте количество дней и ночей,
неисчислимо-бессчетных, пропавших бесследно
в очередях и походах, и в чтенье газет
многоязычных, заглавными буквами чьими —
огненно-черными — каждое утро глазеют
стволы
дальнеприцельных орудий, и душу сверлят
перископы
лодок подводных, и красную кровь превратить
в белую воду хотят водородные бомбы.

И подытожьте-ка, сколько урана взорвать
надо на этой земле, чтоб кора раскололась
и обнажилось ядро?
Вы должны подсчитать
и объяснить, от каких еще видов оружья
матери больше детей не сумеют рожать.

Если вы сможете все это точно учесть,
больше не будет нужды говорить об утрате
веры и бремени этой утраты.
Останется вам
лишь объяснить,
каким чудом
под бременем этой потери

мы не вонзились еще в эту землю,
как кол?!

И объясните по-дружески также, как часто
андерсеновский мальчик является в мир,
чтоб короли увидали, что они голы?
И, если можно, откройте нам, будьте добры,
как они ходят теперь:
наготу прикрывают
или по-прежнему голы, а тех, кто дерзнули
смотреть, —
жить заставляют с завязанными глазами?

И сопоставьте, — бетховенская глухота
связана ли с возмущениями в атмосфере,
с мощными взрывами на потрясенной земле,
и, если связь существует, прошу, поясните,
что, современники, можем мы в будущем
ждать:
множество новых бетховенов мир осчастливит
или количество глухонемых возрастет?

И подсчитайте еще напоследок, прошу вас,
как,
каким образом,
с помощью доброй машины какой,
может еще человек
оставаться и быть человеком
или же только теперь
Человеком пытается стать?

26 октября 1962 г., Ереван

СТРАХ ПОЭТА

Не за себя тревога не дает покоя моему уму;
Что жизнь моя — коль надо, хоть сейчас умру.
Тревожусь я за воду, ту,
В которой камешки мозаикой горят
И, как глаза людей,

Со дна так пристально-доверчиво глядят;
Тревожусь я за них, как брат и друг,
Ведь могут и они
Исчезнуть вдруг...
Тревожусь я за землю, ту,
Чей трагик величайший вопрошал
«быть иль не быть?».
А нынче это
И в крыльях ласкового ветра
Звучит все громче и грозней
(А ветер мог в себе иметь
Слепую смерть иль весть о ней),
И дождь о том же будет слезы лить
(А может быть, любая нить дождя —
Уже отравленная нить...).
Пока я жив, сдается мне, земле беда
не так страшна,
Но я боюсь, с моим уходом исчезнет
звезд далеких блеск
И глаз морская глубина,
И в телефоне —
словно всплеск
Привета, радости —
«Алло!»,
И поступь девушки, от века
Что так волнительно-прекрасна,
И выход из пещер опасных,
И разум! Разум человека!..
И станет он бессильным, утлым
На той земле, где жил премудрый,
Чье прозвучавшее в столетьях
Трагически «быть иль не быть?»
Все требует на белом свете,
Все время требует, ты слышишь,
Хотя бы слушателя, слышишь,
Ты слышишь, требует себе
Хотя бы слушателя...
Все это не дает покоя моему уму,
А я, коль надо, хоть сейчас умру.

22 октября 1962 г., Ереван

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ МИР

Ах ты, мир! Незадачливый мир!
Недотепа-растрепа,
Когда же ты дашь
Твои дикие космы пригладить моим горячим рукам,
Как отцовские руки причесывают
Сына без матери?

Ты, непутевый!
Меня ты совсем замотал,
Мои волосы ты намотал
На стволы и на стебли,
На пальцы, на когти, на щупальца тварей твоих.
Туго-туго,
Чтобы тварям друг друга
Неистово дергать и рвать
И нестерпимую боль равновесием звать.
Что за дело тебе до меня,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа,
Ты, мир непутевый!

Не боишься ты, мир, за меня?
Я боюсь.
За тебя я боюсь.
Вдруг умру я?
Что, если со смертью моей
Равновесье нарушится?
Вдруг мирозданье обрушится?
За тебя я боюсь,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа,
Ты, мир непутевый!

9 ноября 1965 г., Чанахчи

ПРИКОСНОВЕНИЕ МГНОВЕНИЯ

Когда вонзается закат огнистым гребнем в облака
И выбегает ветерок обнюхать землю, как щенок,
Уткнуться в каждого из нас,
и в каждый куст, и в каждый лист...
Когда вечерний холод чист,
заносчив, молод, мускулист,
И, разрешив себя ругнуть, заставит ворот застегнуть...
Когда сквозь бархат темноты не слышно лая суеты,
А знаки редкие огней
зажгут орнамент древних дней, —
Тогда с наивностью детей
Я верю вечному добру
И в то, что смертью я умру...
простой, естественной, своей...

14 ноября 1963 г., Ереван

ИЗ ЦИКЛА «CAPRICCIOS» (ПРИЧУДЫ ПРИВЕТСТВИЙ)

ЗДРАВСТВУЙ!

Здравствуй!
Одно-единственное слово произношу,
Действительное, как паспорт с печатью на все
времена,
В этом слове моя биография,
Анкета моя.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,
Чтобы стало всемирным паспортом
Это слово
Для всех.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,

Чтобы слово это волшебное,
Открывая все двери в мире,
Обеспечивало успех.

«Здравствуй!» — скажешь ты скорому поезду,
Кораблю или самолету,
И не нужно другого билета.

«Здравствуй!» — скажешь ты незнакомке,
И тебя незнакомка полюбит
Или вместо ответа
Улыбнется смущенно,
Если кто-нибудь с нею
Поздоровался до тебя.

«Здравствуй!» — скажешь ты ясному небу,
И прольется желанный дождик.
«Здравствуй!» —
Скажешь земле пустынной,
И колосья в ответ поклонятся.

«Здравствуй!» —
Скажешь ты смерти,
И смерть сама догадается,
Что явилась к тебе не вовремя.

Здравствуй — значит «Сезам, отворись!».
«Здравствуй!» —
Скажешь медведю,
И могут с медведем играть наши дети.
Не бывает игрушек занятней на свете.
И в починке медведь не нуждается.
Лишь медведь заводной повреждается.
Со змеею, как с тростью, старик бы ходил.
Согласился бы нам чемоданом служить
крокодил.

Заменяли бы вешалку людям олени.
Буря выла бы только на сцене.
Человеком воистину стал бы тогда человек.

Добрый час, добрый день, добрый век,
Если в мире добро воцарилось
И у нас на устах водворилось.

Здравствуй! —
Вот он, мой паспорт,
Моя биография,
Вот вам анкета моя.
Весь я в слове одном.
Я
И ты,
Вы,
Они,
Человечество, здравствуй!

В невозможном возможное,
В мире повсюду для нас,
Нет, не только завтра, — сейчас
Это слово единственное, всемогущее:

Здравствуй!

19 февраля 1964 г., Ереван

УДАЧИ ВАМ!

Солнце вновь протирает единственный глаз
Чисто стиранной, неглаженой тучкой-платком
Студеного утра,
День-младенец потягивается с зевком.

Вновь, как сиамские близнецы,
Лемехи,
Покорные трактору,
Который сверг
Династию волов, быков, лошадей, —
Вновь лемехи
Тут и там
Чешут ветхую шкуру древней земли,
Словно скребница — коня,
И борозды складываются
За страницей страница.
Земля листается
И ждет, когда явится чтица.

Когда солнце подобием острого шприца
В землю вонзится,
И впрыснет в нее вдохновенье,
И вытянет стебель или росток.

Солнце не только вытягивает ростки,
Солнце еще поднимает дома,
И человек со своей рукотворной жирафой,
У которой вместо скелета — металл,
Вместо нервов — стальные канаты,
Человек — к новым своим вавилонским башням
Подносит камень,
Подвозит мешанину из щебня
И блестящих стеклянных искусственных звезд.
А сам, махонький, невзрачный,
Расставил циркулем ноги
На стройплощадке или на грани стены,
Словно циркулем этим
Желает измерить свой путь, пройденный и
предстоящий.

К губам ветра прилипли уже
Влажные листья,
И, глянь, с зеленого небосвода кроны
Через краткие и неравные промежутки
Соскальзывают вниз
Крохотные разноцветные шары,
Похожие на персики, яблоки, груши.
И в благодатных садах зачинается
Не ко времени осенняя оттепель.
Широкобедрые деревья
С четкой морзянкой капели
Призывают людей,
Чтобы пришли приласкать
Их волосы, соскучившиеся по ласке.

Даже лук
Из-под земли
Высовывает луч —
Луч подземного маленького светила.
И тихую грядку
Словно зарей осветило.
Погляди, помидоры
Багровеют от праведного гнева,
И светятся, подобно малым солнцам во тьме,

Алым боком
Или всем своим шаром.
Золотится морковь,
Подражая перевернутым детским пирамидкам
Или готовым ко взлету игрушечным ракетам.
Кто знает!
В золотистом сиянье
Даже едкий чеснок блестит серебром,
Словно капельки пота на лицах.
— Удачи вам!

Одни, насилуя скрипку или рояль,
Плетут струны из неведомых звуков,
Чтобы люди по струне спускались в свою несуразную
глубь,
Или, задыхаясь в своей глубине, поднялись вновь.
Другие из красок кроят новую жизнь,
Чтобы навсегда одеть людские глаза.
Третьи постигают бездонные тайны глагола,
Стараются снять невыразительные личины
с прилагательных,
Чтобы запросто поболтать с Неизвестным
И любому открыть его тайная тайных.
— Удачи вам!

Погрузив хоботок в закрома бессловесного венчика,
Свой разбой среди бела дня завершает пчела.
— Удачи ей!

Муравей, напоминающий восьмерку,
Ползет по тропинке, закрученной в девятку.
— Удачи ему!

Бабка, чтобы побаловать внука, колет орехи
(Да будет меньше пустых, больше цельных ядрышек).
— Удачи ей!

А ты, любимая, когда шьешь,
Вдев в игольное ушко заветную нитку мечты,
Или с трепетом в сердце собираешь на стол,
Не только скатертью покрывая его,
Но и теплой тоской,
И в ожиданьи горишь и трепещешь,
Спустя мгновенье

Ты услышишь стук двери,
И на моих губах за мгновение до поцелуя
Повиснет сияющая нежность.
— Удачи вам!

18 февраля 1964 г., Ереван

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР!

Солнце садится.
К закату клонится день.
Рожают горы.
Новорожденная тень
Вырастает
И молча хоронит
Своих родителей.
Смерч,
Встав на цыпочки,
Тянется к небу,
Подтвердив
Опровергнутый миф
О вознесении.
Вздрогнул комочек тепла
В холодном воздухе —
Птица.
В самом центре лощины незримая ось
Шара земного
Означилась в образе женщины.
И, виноватый,
Украдкой шепчу,
Нет, не ей —
Той, далекой моей:
Добрый вечер, моя одинокая!

15 декабря 1961 г., Ереван

ДОБРОЙ НОЧИ!

Вечер набух. Давно раскопала ночь
Клювы кривые огней.
Тротуары под каблуками устали зевать.
Улицы выметены.
Завтра выметет солнце последние клочья тьмы.
Город спит.
И с глазами открытыми —
Город спит.
Неужели не спится тебе?
Доброй ночи тебе, дорогая!

Готова печаль ветвистая вновь одеться листвой,
Листвой, чтобы тень отбрасывать, ядовитую тень.
В этой тени ядовитой кто хочет пускай спит,
Лишь бы не ты.
Доброй ночи!

И сторожа,
Ночные пастыри, дремлют,
Пока фонари-овчарки
Стерегут загон осторожности.
Только я не смыкаю глаз,
Как будто тебя назойливо
Выживает сейчас
Эта старая дева,
Старая дева Бессонница,
И никакие снотворные не помогут на этот раз.
Да, боюсь я бессонницы,
Старой девы боюсь,
Как ребенок боится врача.
Лишь бы ты не болела.
Усни!
Доброй ночи!

Сколько в жизни моей было разных ночей?
Не сочтешь!
Арифметика тут ни при чем.
Разве только на пальцах любви сосчитаешь,
Но пальцы любви
Не разогнутся, согнувшись.
Я буду считать,
Лишь бы ты поспала.
Доброй ночи тебе, дорогая!

Этот вежливый дождик
Всю ночь для меня моросил,
Шел исправно,
Хоть я никакого дождя не просил,
Но другие-то спят и подавно!
Закрой же глаза!
Доброй ночи!

Забрезжила ранняя рань,
Даже дождь перестал,
Только ты... без конца.
Хоть на миг, словно дождь, прекратись, перестань!
Смилуйся!
Словно дождик, шепни:
Доброй ночи!

9 февраля 1964 г., Ереван

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Капало, капало, капало,
Из крана зимою капало,
Словно капель на дворе.
(Сердце чаяло голоса!..)

И в трубе водосточной
Умирала вода,
И воскресала, и плакала,
Громко, радостно плакала:
Знакомый домашний голос!
(А сердце чаяло голоса,
Которого нет еще...)

На стеклах цветы ледяные
Без цвета, без всякого запаха
Тосковали безмолвно,
И тосковал бензин
В застывших жилах машин.
(А сердце чаяло голоса,
Который вот-вот зазвучит!)

И я в ожиданье мучился.
Так переводная картинка
Предчувствует руку детскую,
Которая влагой смочит
И на бумагу выведет
Из прозрачной тюрьмы.

Ты пришла, долгожданная,
И коснулась меня
Руками, невиннее детских,
Перевела меня
В мир своей чистоты,
Где заиграл я безудержно
Всеми своими красками.

Нет, не спешила ты.
Жизнь сама не опаздывает,
Чтобы в нашем календаре
Будний день уподобить
Ярко-красной заре.

Ты пришла!
Значит, хватит с меня прокуренных слов,
Значит, хватит склонять мне тоску,
Значит, хватит моим рукам голодать!

Ты пришла,
Как здоровье,
И даже былую болезнь
Вспоминать мне приятно,
Когда здоровье пришло.

Добро пожаловать!

Как мастерство,
Ты пришла
С опозданием, но навсегда.

Добро пожаловать!

Ты пришла.
И бессильное «Господи Боже!» —
Теперь всесильное «Боже мой!».

Боже мой, Любовь моя!
Верно сказано:
Убранная постель —
Мертвая постель.
Ты пришла,
Чтобы мертвым воскреснуть.

25 декабря 1964 г., Ереван

СЧАСТЛИВО!

Если бы все дороги
Вели в одном направлении,
Если бы, приезжая,
Не уезжать никогда!

Нет, не бумага-небо,
Звездные письмена.
Уверенный росчерк молнии,
Автоматически быстрая
Резолюция Жизни
Или Необходимости:
Пора тебе уезжать.

Счастливо!

Но перегорожена
Вселенская магистраль
Млечным Путем — шлагбаумом.
Если закрыт он тучами,
Ты думаешь,
Путь открыт?

Счастливо!

Дождь начинает
Клевать на деревьях плоды,
Которые падают сразу же,
Прежде чем дождь отведает,

Плоды на деревьях созрели
Так же, как твой отъезд.

Счастливо!

И перелетные
Птицы уже совещаются,
Скоро мерить начнут
Стаи пернатых картографов
Острыми треугольниками
Небо свое непомерное,
И ты вместе с ними, наверное,
Не сможешь не улететь.

Счастливо!

Я все понимаю.
Когда позовет неведомое,
Этому грозному зову
Не подчиниться нельзя.

Да, я тебя понимаю.
Пространство тебя влечет,
Как пропасть или бездна.
Пойми:
Как пропасть, как бездна.
И тебе захотелось,
Вниз головой прыгнув,
Измерить бездну до дна?
Только мы, словно вывеска,
Пригвождены к бытию.
Вместе с гвоздями этими
Жизнь вырываешь свою.

Счастливо!

А что ты ответишь,
Когда тебя спросит старость:
«Неужели без боя
Сдалась всесильная молодость?»
Я тебя не держу.
Но только подумай сначала,
Что потом ты ответишь
Своей неизбежной старости?

Там, говорят, хорошо,
Где нас нет.
А я говорю, хорошо
Там, где нас не может не быть.
Не слушать меня ты вправе.
Не слушай меня,
Уходи,
Чтобы самой убедиться:
Советов нечего ждать.
Истину выстрадать нужно.
Не стоит о ней рассуждать.

Счастливо!

В такие минуты
Помолчать полагается.
Прощанье немногословно.
Поэтому на прощанье
Не успеваешь высказаться,
И в глубине души,
И на языке слова
Вытесняются многоточиями
И копошатся ползучие
«Тем не менее», «все-таки»,
И все-таки, может быть,

Счастливо... не расставаться?

22 февраля 1964 г., Ереван

ТЕБЯ НЕТ И НЕ БУДЕТ

ТЫСЯЧЕПЕРВАЯ НОЧЬ

Клавиши-тротуары,
Длинные пальцы дождя.
Ночью в пустынном городе
Смутная эта мелодия,
В которой заключены

Победы негромкие осени,
Торжество желтизны,
Холодный сон одиночества,
Его четыре стены,
И справедливая жалоба,
Не понятая судом,
И тоска непривычная,
Хозяйка в сердце хозяина,
Крик беззвучный, отчаянный,
Как будто девушка за полночь
Испугалась во сне,
А также воспоминания,
Из немого изгнания
Вернувшиеся ко мне.

Вернувшиеся,
Чтобы за полночь
Вместе со мною слушать,
Как длинные пальцы дождя
К беззвучным панелям-клавишам,
Бездарные, прикасаются
В ночной тишине, пока,
Неумолчная, неисчерпаемая,
Исподволь запасается
Словами моя тоска.

На твоих тротуарах дальних
Кто тебе скажет сегодня
Эти слова мучительные,
Которые душат меня?
Сердце мое изведало
Тысячу нежных ночей,
Где же тысячепервая?
Почему не досказываешь
Ты, моя Шехерезада,
Вечную сказку свою?

Кого ты спасаешь от смерти?

14 ноября 1959 г., Чанахчи

ТОСКА ЛУНАТИКА

Вновь наступает ночь.
И, как всегда в темноте ночей,
звезды-ежи просыпаются,
и темноту пронизывают
иглы звездных лучей.

Моя тоска беззащитная
скрывается днем в подполье,
тайну свою храня.
А ночью тоска-предательница
тебя называет по имени,
и память пытает меня.

Огромный город — в летаргическом сне.
Нет покоя лунатику.
По крышам крутым и скользким,
по карнизам зубчатым
и по громоотводам
к тебе, как вчера, как завтра,
суждено торопиться мне.

Если бы вдруг увидела
меня ты в своей дали,
если бы, перепуганная,
ты воскликнула «Ах!» —
знаешь,
моя желанная,
знаешь ты, что бывает,
когда окликают лунатика?
Я бы разбился вдребезги
у тебя на глазах!

Так бывает.
Однако
упасть не боюсь я с крыши.
Кровью своей не смою
я с тротуара снег,
от работы избавив дворника.
Не окликнешь вовек
ты меня в своем отдалении,
молчанье всегда храня,
не потому, что ты добрая,

а потому, любимая,
что ты не любишь меня.

22 марта 1959 г., Москва

ИМЯ ТВОЕ

Ненавижу я имя твое,
Как, быть может,
тело твое
Ласку рук моих ненавидит.

Ненавижу я имя твое,
В мой язык оно вонзено,
Словно пшата * колючий шип.

Расспроси меня заодно —
Это имя какого цвета?
Этот цвет ненавижу люто.

...Дочь родится на счастье мое —
Дам я дочери имя твое.
Ненавижу я имя твое.

25 июля 1961 г., Ереван

РАЗЛУКА

Тишина. Таинственная. Глубокая.
Молчанье. И это молчанье подобно
Только молчанью слов в словаре.

И сейчас не двенадцать часов на дворе,
А трижды двенадцать. Пахнет сеном свежайшим

То ли этот асфальт,
То ли этот трамвай,
Который во сне растянулся подробно, неправдоподобно,
Как шелкопряд, из каких-то мифических строк.
Это значит — разъят, разлучен электрический ток.

«Разлучены».
Это слово меня превратило в железо весов
И рвется узнать свою точную тяжесть. Однако —
Нет чисел таких на моем циферблате убогом...

Ты где? Что ты делаешь там? Наступила разлука.
Есть магнитное поле, но мы за чертой. Наступила
разлука.
Так яблоко выжимают — разлука плода и сока.
Итак, мы на это обречены... Разлучены...
Я совсем не любитель футбола. Но — перед глазами
Какой-то мяч, непрестанно хромая, танцует часами.
Так сходят с ума? Я распутать хочу: какое дело мячу
До меня, до ночной тишины, до нашей разлуки?..

И то что мы называем любовью,
Может быть, даже совсем не любовь,
А просто — рев паровозный, шум вокзала нервозный,
И женские руки — две сломленных ветки.

А есть ли хотя бы один язык,
Где нету этого слова «Разлука»?
Если есть — я меняю национальность...

Есть? Никакого ответа. Ни звука.
Никакого ответа — ни с какой стороны.
Но — никакой тишины. Крик сплошной.
Зов сплошной. Рев сплошной.

Сейчас титанический четырехтомный словарь
Набухает единственным словом — «Разлука».

И единственной мысли во мне поднимается крик:
Есть ли хотя бы один язык,
Где нету этого слова «Разлука»?
Если есть — я меняю национальность!

30 октября 1961 г., Ереван

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Ты — случайно моя последняя
И судьбою моя единственная...

Так по-детски всегда звучат прилагательные любви,
А я так долго живу, что в моем человеческом возрасте
Дерево персика десять раз
Уже успело бы умереть.
Как живешь вдали?!
Я не видел тебя ровно столько лет,
Сколько видел тебя.
У меня в глазах — пустота, незаполнимая бездна,
Потому что в глубокой дали
Ты —
Случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Сейчас у меня на губах
Повис колоссальный мир —
Клубок, роистое облако слов,
От их пронзительного жужжания — у меня
головокружение,
И если в одно мгновение слова эти с губ слетят,
Пускай с любовью летят,
Только с любовью, с любовью,
С библейским витанием и парением,
В котором — пустыня с горячим дыханием,
С песчаным скольжением, с миражным дрожанием.
Неужели в твоей глубокой дали,
Во влаге твоей долины лесной,
Слова, не произнесенные мной, тебя не преследуют
без конца?
А если ты слышишь мои слова, слова, не произнесенные
мной,
Ты разве не чувствуешь головокружения, —
Такое должны ощущать, мне кажется,
Беременные,
Одной из которых,
Только одной,
Я мысленно мог бы сказать:
Ты — случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Добротой наслаждались так мало.
Не по этой ли самой причине
Становлюсь постепенно добрей,
И настолько я делаюсь добрым,
Что жалею теперь... одиночество даже.
Оно измучилось тоже. И мне его жаль.
Хватит, каждый из нас пускай распахнется,
Пускай улетит одиночество из наглухо запертой
клетки.
Хотя бы встретимся там... там хотя бы,
Где встречаются утро и ночь.
Но когда-нибудь разве они встречаются —
Мне ли знать? Может, что-нибудь знаешь об этом
Ты —
Случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Снег идет,
Не по-снежному теплый снег:
Это север привет посылает югу.
И такие весенние запахи в снеге,
Такое далекое нечто,
Какое-то воспоминание, —
Из-за их доброты, душевно-лекарственной,
Не умирает и не живет
Моя любовь —
Случайно моя последняя,
Но судьбою моя единственная.

Так превзойдем же себя,
Совершим же такие поступки, которые нас опровергнут,
Нанесем же обиды взаимно
И оскорбимся взаимно,
Чтобы... тоска примирилась сама с собой,
Чтобы страданье простило себя самого,
И я наконец убедился, что ты не была никогда —
Ни моей единственной по воле судьбы,
Ни моей последней по воле случая...

26 января 1962 г., Ереван

4*

* * *

Твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье
вдруг встретились, как на тропе
два путника. И побрели.
И разойтись не в состоянье
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

Когда, устав, решив прилечь,
мы на ночлег ложимся рядом,
над нами, чтобы нас сберечь,
стоит старинное сказанье.
А между нами, словно меч, —
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

20 марта 1959 г., Москва

ТЕБЯ НЕТ И НЕ БУДЕТ

Тебя нет, тебя нет...

И утро
такое мутное,
такое нудное.

...и не будет тебя.

И горизонт закрыт,
его закрыла не туча,
а воздушная складка твоего платья.

Тебя нет, тебя нет...

И, как воздух, жгуча
эта тоска,
это проклятье.

...и не будет тебя?

И, кажется, чиркнешь спичкой —
и воздух вспыхнет,
и рассеется мрак.
Тебя нет, тебя нет...

И слава богу!

Почему же я чувствую тебя так,
как безногий чувствует ногу,
которой нет!
И не будет!

30 марта 1959 г., Москва

КОГДА ЗАСТЫВАЕТ ВЗГЛЯД

От слова «одиночество»
Дрогнет и воздух в комнате,
И я осознаю, что у человека
Самое слабое место — глаза.

Когда застывает взгляд, говорят:
Кто-то должен прийти.
Если это не ложь,
То доброта
И родилась от бессилья, и только.
Мой взгляд застывает,
Но ты не придешь.
Не можешь прийти, я знаю!
И воздух в комнате будет дрожать
От слова мучительного
«Одиночество»,
Напоминая о том, что пропасть,
Может быть, и существует затем,
Чтоб испытать человека.

Как мне быть,
Если это действительно так,

Если пропасть действительно существует
Для того, чтобы броситься вниз?
Что мне делать,
Ведь я не кувшин, а кувшинка
И падаю, падаю, не разбиваясь,
А опадая?
Я просто устал.

Как листы от попыток моих устали
Два слова сказать тебе издалека,
Которые так же меня выражают,
Как курица — самолет...

Есть ложь, которая стоит правды;
Я верю в присочиненную ложь,
Что мы друг друга не потеряем.

Есть страх, который стоит смерти;
Я опасаюсь, что жизнь войдет в колею,
А я останусь жалким историком боли.

Есть шаг,. наконец, который стоит полета,
И я вырываю себя из собственных мыслей,
Как вырывают из десен здоровый зуб.

Я просто устал.
Настолько устал,
Что ничего не чувствую,
Боли не ощущаю.

Ах, если б только не ощущать, что глаза —
Самое слабое место у человека.

3 октября 1961 г., Ереван

ПИСЬМО

Она ли ко мне,
Я ли к родной обращаюсь душе,—
Сам не пойму:
«Когда же, когда же увижу тебя?
Осень и лето,
Зима и весна...
А где наше время года в их череде,
То, пятое, где?..»

Она ли ко мне,
Я ли к родной обращаюсь душе,—
Сам не пойму:
«Разве ты не заметил вдали от меня, что
зимой
Невозможно пробраться к заветной чащобе
лесной,
По которой в летние дни проходил, —
Потому что, съежившись от мороза
И согнувшись убого от снежного груза,
Ветви загромождают дорогу,
А в сумерках или во мраке
Они царапают щеки,
Угрожающе лезут в глаза.
Я бродила в сумерках леса,
И бродила, скажем... рассеянно.
Рассеянно или сосредоточенно —
Разве это совсем не одно и то же?
И я внезапно открыла,
Что, когда мы взволнованны,
Мы прячем жалкие руки свои,
А когда неуверенны,
Мы прячем жалкие ноги свои.
А когда мы прячем свое лицо?
Когда захлестывает стыд?
(Я не стыжусь любви своей.)
Когда захлестывает тоска?
(Я хочу смотреть на тебя в упор.)
Быть может, от этих когтистых ветвей,
Быть может, от стужи, согнувшей меня по
дороге
И вынуждающей дальше идти по снегам,
(Я хочу прижаться к твоим рукам)...»

Она ли кончает письмо, я ли вместо нее, —
Сам не пойму:
«Все вопросы мои оставь без ответа,
Но ответь по совести только на это:
Весна отшумела —
Я увидеть тебя не сумела,
Лето вослед отшумело —
Я увидеть тебя не сумела,
Осень вослед отшумела —
Я увидеть тебя не сумела,
И зима отшумит —
Не увижу тебя.
А где наше время года в их череде,
То, пятое... Неужели никогда и нигде?»

1 февраля 1963 г., Ереван

УСПОКОЙ МЕНЯ

Успокой меня,
успокой...

Помоги унять мою боль...
Нет, она не пройдет.
Может, просто махнуть рукой:
пусть живет,
все равно я ей не хозяин.
Сделай так, чтоб я спрятался за тоской,
от тоски своей схоронился.
Успокой меня,
успокой.

Для чего же эти сомненья?
Или мне говорить не больно?
Пусть не все для тебя открыто —
и сказавшегося довольно.
Хватит! Мысли мои запри,
думать нет никакой мочи,
веришь, мочи нет никакой!

Успокой меня,
успокой.
Я соскучился по простым словам,
по простым словам человеческим,
пусть обычным и даже стертым,
но единственным, достоверным.
Пусть они навестят меня
и тогда, наверное, снова
я спокойствие обрету.
А пока хоть каким-то словом
упаси от тоски такой.
Успокой меня,
успокой...

Хоть каким-нибудь пустяком...
Сотвори — ты же можешь! — чудо
смехом, дробью шагов, дыханьем,
загогулиной на стекле,
чем-то явно напоминающей
знак исчезнувшего языка,
всем, чтоб это имело силу
заклинанья.
Дай мне совет,
но такой, чтоб меня не сковывал,
сделай кардиограмму волн
световых, как прибор сверхточный.
Объясни себя. Нет, постой —
перевод всегда убивает.
Успокой меня,
успокой.

В космосе все тела шаровидны,
и во мне все узлом сплелось.
Страсть,
страдание
и надежда —
все завязано,
все узлом.
Не распутаешь и не пробуй,
не распилишь любой пилой.
Успокой меня,
успокой...

Прикажи мне: «Остановись», —
я и с места не сдвинусь, словно
перед фыркающим трамваем
или запертой дверью.
Я
не хочу ничего хотеть,
не затем, чтоб хотеть обидно,
просто нечего мне хотеть.
Впрочем...
Все-таки я б хотел
на минуту остановиться,
на мгновение, но не так,
как пред фыркающим трамваем
или дверью глухой, а так,
как молитвенно замирают
над весенним цветком:
слепой
так от запаха прозревает.
Сотвори же такое чудо!
Успокой меня,
успокой...

4—5 апреля 1961 г., Москва

ЛЮБОВЬ

1

На карту никто не наносит ее нехоженых троп.
Негаданная, приходит, как дождь или как потоп.

Любовь.

Нидерланды вечные, когда, за клочком клочок,
У моря ты отвоевываешь
Насущную землю свою.

Любовь.

Когда проплывает
Корабль по реке судоходной,
Мосты перед ним поднимаются,
Как руки сдающихся в плен.

Любовь.

2

Своему собеседнику,
Как автомат, отвечаешь,
А в глубине души
Обращаешься неумолчно
К той, самой далекой в мире,
Чье имя с тобою, как паспорт
Без печати.

Любовь.

Удары в сонной артерии, как будто капля за каплей
Податливый камень долбят, нет, не по дням — по часам.

Сети тугие бессонниц,
В которые рыба не ловится,
В которых бьешься ты сам.

Любовь.

Как будто бы заживо
Кожу с тебя содрали.

Любовь.

Повсюду преследуют
Эти глаза тебя.
Ставят печать на вселенную.
На питьевой воде,
На всей твоей жизни, на каждом
Шарике кровяном
Штампом,
Клеймом,
Печатью.

Любовь.

10 марта 1964 г., Дилижан

МОЙ ГОРИЗОНТ

Мариам!
Слышишь ты, Мариам!
На улице ливень.
Открыть окно
Все равно что открыть
Бутылку бешеного джермука.

Из окна вылетаю в небо.
Оно
Ясное после дождя,
Словно твой взгляд.
Оно
Безграничное, как улыбка твоя.
Падаю с неба.
И вокруг меня скалы величественно сидят,
Как допотопные птицы.

Нет, не меня,
Ты сама себя отвергаешь,
И лживым твоим словам
Так же легко спугнуть меня,
Как этих каменных птиц.
Поняла?

Тогда посмотри!
К ласковому горизонту
Прильнуло широкое поле,
Чья голова кустистая,
Словно гора лесистая.
Имя горы бессловесной
Мало кому известно,
Как и мое.
А кому
Имя твое не известно,
Схожее с горизонтом,
Имя твое, Мариам:
Подходишь —
И убегает,
Отходишь —
И настигает.

Хоть бы когда-нибудь
Мне моего горизонта,
Приблизившись, не спугнуть!

24 марта 1964 г., Дилижан

«ТЫ»

«Ты» — две буквы всего.
«Ты» — простое местоименье.
Но делают эти буквы меня
Владыкою мира всего,
И я приникаю к тебе
всею землей весенней!..

«Ты» — две буквы всего.
«Ты» — коротких два звука.
Но странная сила в них и всевластная мания.
И я во рту ощущаю
Вкус поющего счастья,
И я унимаю разлуку,
И я обнимаю свидание
И восстаю, отказываясь выполнять приказы
страдания!..

«Ты» — две буквы всего.
«Ты» — алфавит любви.
«Ты», — говорю я тебе тревожно и влюбленно,
И поднимаюсь выше себя самого,
И дружу с героем погибшим
И с гением, еще не рожденным!
«Ты» — всего лишь две буквы...
Но, когда покидаешь меня ты,
Я как брошенный дом...
Осыпается штукатурка,
Боль,
Как моль,
Гнездится в стенах воровато,
И дождик точит крышу струйкою юркой...

«Ты» — две буквы всего!
«Ты» — простое местоименье!

28 июля 1958 г., Москва

ПОД НОШЕЙ

Ты проходила...
Казалось, весь вечер был твой,
Вечер весенний —
И ты проходила плавной походкой.
Будь платье со шлейфом,
Я мог бы сказать:
За тобой
И вечер, как шлейф, волочился.
Но ты была в платье коротком,
И сумрак в коленчатых ямках, темнея, густел,
Пока на плечах догорающий день золотел...

Косые лучи облекали тебя в золотое шитье
И пряжей блестящей наматывались на пуговицы.
И тень вырастала,
Как обаянье твое,
И, опережая, тянулась, тянулась по улице...

И чем-то довременным обдало из темноты,
И странное чувство возникло,
Сосущее, ноющее:
Когда есть такое сокровище в жизни,
Как ты,
Как мог я считать эту жизнь
Пустой и нестоящей?

Как часто я опускался до мелкой вражды и ссор,
До ненависти и гнева — лишь бы наперекор.
Я чувствовал не восхищенье,
А злобу и отвращенье.
Вот потому сегодня —
Хоть поздно! —
Прошу прощенья...

Я больше не буду размениваться
На мелочь дешевых драм,
Не буду под ношей житейской
Склоняться ниже и ниже:
И так я, как горб, с рожденья
Тащу огромный орган!
Идешь ты — и он звучит.
О, только ступай потише.

Красавица, только ты...
О, тише, тише иди,
Чтоб плавной походке в такт
И сердце согласней билось,
Чтобы глаза отдыхали,
Видя тебя впереди,
Чтоб, тайно владея тобой,
Мысли к тебе стремились
И чтобы, как тень, тянулись покой и
умиротворенье
И легким подолом платья развеивались сомненья.

26 сентября 1963 г., Ереван

АНАЛИЗ ТОСКИ

Я знаю так хорошо свою тоску по всему, что так
далеко,—
Как знает слепой квартиру, где прежде жил...

Я не вижу, не различаю даже движений своих,
Предметы прячут свой облик, избегая сближенья
со мной,
Но безупречно, и точно, и беспрепятственно,— сам,
Не спотыкаясь, я двигаюсь там,
Существую там,
Быть может, как те самозаводящиеся часы:
Даже после того, как стрелки у них оторвут,
Часы все равно идут, не показывая уже никогда
Ни число часов, ни число минут...

И, качаясь меж одиночеством и темнотой,
Я упорно хочу разложить, расщепить тоску,
Словно химик, хочу подвергнуть анализу и понять
Природу тоски и глубокую тайну тоски.
Но идея моя, и попытки мои, и старанья мои
Вызывают смешок, воды в водостоке, в дали,
В такой немыслимой дали,
В такой неслыханной дали.
Какая-то пташка-мещанка с помощью жидких рулад
Пытается в песне без слов свой жалкий удел
воплощать,—
В такой неслыханной дали,
В неосязаемой дали.

Слова начинают мой дух оскорблять,
Потому что мне слышатся их голоса
В неосязаемой дали,
В такой мучительной дали.

Я хожу от стены к стене, и звук шагов
Доносится издалека, возникая, словно строка,
В такой мучительной дали,
Всепоглощающей дали.

Я, конечно, совсем не слепой,
Но смотрю и не вижу вокруг
Ничего, никого,
Потому что
Зрению свойственно отторгаться от нас
И углубляться в даль до упора в грань,
От которой мы так сейчас далеки,
Так немыслимо далеки.
Нестерпимо так далеки.

И нам самим бежать за собой,
И нам самим себя не догнать,
И нам самим себя не достичь...

И не это ли разве тоска?..

4—5 февраля 1964 г., Ереван

ТАК НЕ ЛЮБЯТ

Меж любовью и долгом
это я торчу,
как шлагбаум...

Вот я выдерну с корнем себя,
то есть прямо к Закону пойду,
поднимусь и скажу:
— Сделай, Отче, меня, человека,
беспристрастным параграфом Свода Законов твоих.
— Сотвори из меня,— я скажу,—
твое нет и нельзя,
не положено,
не подобает...
Возьми мои руки —
для чего они мне?
Все равно я торчу, как бревно,
меж любовью и долгом —
возьми мои руки, ты слышишь?!
Все равно без нее как без рук!
Без нее...
Без нее —
той, которой моя говорил я — да так,
что лягушки
пучеглазо и буддообразно взирали на нас,
очевидно, пытаясь понять это жгущее слово,
это слово палящее и задыхающееся —
моя.

А теперь ты настолько моя, насколько моя
Абиссиния.
А теперь ты мне так близка, как близок Мадагаскар.
Вот и сам я теперь,
как нелепый какой-то шлагбаум,
меж любовью и долгом —
такой неуклюжий —
торчу.

Нет, так не любят.
Так медленно умирают.
Так на приколе тлеют старые корабли.

14 ноября 1963 г., Ереван

У ДВЕРНОГО ЗВОНКА

Нажимаю на кнопку.
Звонок отвечает: «Жжет!»
И за дверью твоей приглушенный отзвук: «Горит!»

Жду. Мгновение.
Нет, не мгновение, целая жизнь,
Которая течет, к сожалению, не как вода.
Жду. Безжалостный звук возвращается:
«Тьма!»
И в кавычки берет меня черный этот ответ.

Тебя нет?
Значит, все это выдумки, просто выдумки, да,
«Шестое чувство»,
«Сердце-вещун»,— слова, знакомые с детства,
Может быть, человечнейшие слова?

И в отчаянье сдавливаю горло звонка.
«Мрак» — за дверью предсмертный хрип
Или, вернее, глубокий, равнодушный зевок.

Жду. Проходит мгновение, нет, целая жизнь,
Жизнь, распятая на твоей лестнице,
Лишь богомольцев нет.
«Мрак»,—
Возвращается звук, превратившийся в черный цвет,
И траурною рамкой обводит меня.
Так.
Тебя дома нет. Не вернулась ты.
Город осиротел. Я сам бедней сироты.
Опровергаешь ты,
А ведь надо бы утверждать:
Есть шестое чувство.
Сердце-вещун.

Нажимаю на кнопку.
«Любовь»,— говорит звонок,
А за дверью твоей непрошеный отзвук: «Тоска»...
Жду. Мгновенье? Вечность?
В последний раз
Нажимаю на кнопку,
И звонок отвечает своим неотвязным «Жжет»,

И могучее эхо этого «Жжет» — «Горит»
На пороге нового дня —
«Доброе утро» всем женщинам,
Которых я не люблю,
Потому что люблю тебя даже тогда,
Когда твоя дверь заперта для меня.

20 октября 1962 г., Ереван

ПУТЕШЕСТВИЕ ВСПЯТЬ

Отчего ты меня избегаешь и сторонишься?
Оттого ли, что мы недавно знакомы
и еще не узнали путем друг друга?
Но, моя недотрога,
я тебя знаю
40 примерно или 4000 коротких лет!
Почему же ты забываешь об этом
и держишься робко и отчужденно,
как будто и в самом деле
с тобой мы едва знакомы.

Нет, дорогая,
мы не юная пара влюбленных —
мы ходячие памятники любви,
древние и стародавние!
Я тебя знаю, всю, наизусть и на память,
как знаю огонь,— тот огонь,
который тенью своей рисовал нас на стенах
пещеры,
чье трепетанье нас повторяло —
твою смятенность,
и мой порыв,
и жаждущие объятия наши —
объятия, в которых рождались боги
в знакомых обликах наших детей.

Мы с умиленьем горячим можем
считать века, как зубы младенцев.

В памяти нашей мифы зимуют,
дремлют сказания и легенды,
которые от каждого прикосновения,
помолодевшие, пробуждаются.
И с каждой любовью —
нашей любовью —
заново обновляется мир.
Жизнь повторяется в новых формах,
даже в твоих осторожных жестах,
даже в сомненьях твоих боязливых
и в бессознательном страхе —
во всем,
без чего невозможно начало, начало...

У каждой любви одинаков конец.
Только начала неповторимы.
Но что нам гадать о конце любви?
Пусть размышляют о ней разлюбившие!
А мы — в начале,
и я хочу,
чтоб было оно таким же, как прежде,
когда огонь рисовал нас на стенах пещеры
и зыбкое пламя передавало
и трепет мой,
и твое смятенье,
и жаждущих тел взаимосплетенье,
в которых веселое пламя жизни,
не угасая, горит, горит —
вечно — и в дымообразном страданье,
и в огнеподобном счастье.

Радость вместительнее невзгод,—
время иначе бы так не мчалось,
в минуты стиснув часы любви...
Так что не стоит робеть и мешкать,
медленно тлеть.
Лучше будем смелей
и благодарней гореть, как пламя,
чистое пламя — пища богов...

Знаю, не все достойно забвенья,
что забывается.
Но забудь
о колебаньях своих,

о робости,
потому что знаешь, таким, как мы,
просто стыдно не знать друг друга.
Откройся!
Откроемся!
И забудь,
что мы недавно с тобой знакомы.
Откройся!
Откроемся!
Чтобы в нас,
дремлющая веками, очнулась
близость спасительная,— и мы
взялись бы за руки и, как в сказке,
снова вернулись с тобой туда,
где мы бывали — тому лет 40
или 4000 лет.

Что же, вернемся — и вновь оттуда
новой любви дорогу начнем,
к сущности дремлющей возвратимся,
снова вернемся — к самим себе...

16 марта 1964 г., Дилижан

БЕСШУМНЫЙ КОЛОКОЛ

Глупая зимняя птаха
Благословляет вечер,
И невдомек ей, что вечер
Тобою до одури пахнет,
И каждая птица, по-моему,
Скандирует имя твое.

Снег целый день идет,
Может быть, снег всемирный,
И теперь нам не вырваться
Из этих белых тенет,
И от мокрого снега
Тишина тяжелеет,

Совсем как мои ботинки
Или твое пальто.

Тяжкая тишина,
Словно кто-нибудь любознательный
Опустил на вселенную
Некий бесшумный колокол,
Испытывая без конца,
Сколько времени выдержат
В безвоздушном пространстве
Беспомощные сердца.
Как лакмусовая бумажка,
Темнота поглощает свет.
Лес в столбняке.
Ощупью
За темноту хватаюсь,
Обнять пустоту пытаюсь...

Только тебя нет.
Вздохнуть бы,
Поглубже вздохнуть бы,
Но я понимаю вдруг:
Нет, не щебечут птицы,
Птичьи тела взрываются
В безвоздушном пространстве.
Под этим бесшумным колоколом
Вздох мой — в сущности, взрыв.

Эксперимент заканчивается.
Дежурный ветер сигналит.
Это последний сигнал.
В судорогах лес припадочный,
В снегах,
Под окном, в дверях
Сам ветер будто припадочный.

В куб возводит себя темнота
И, с белизною смешиваясь,
Распространяется серостью
И на жизнь человеческую,
И на дыхание наше.
А если дыхание серое,
Человек засыпает,
Чтобы цветными снами
Раскрасить серую жизнь.

Мне одному не спится.
Покуда земля вращается,
Огромным точильным камнем
Оттачивая ночь мою,
Чтобы не притупилось
Чувство мое, разрывая
Тусклую пелену,
За которой любовь-привычка
В своем повседневном плену.

15 марта 1964 г., Дилижан

ТРЕПЕТ НЕРВА

Снова звонят.
Это мне звонят
Из посольства весны.
Сулят мне визу в другую любовь.
Зря стараются.
Это не для меня.

Космонавт искушенный,
Летал я не раз
По темным орбитам
Твоих неизведанных глаз,
Возвращался и снова пускался в путь,
И не так-то просто меня обмануть.
Боль моя научила меня:
Другая любовь — обманчивый свет
Звезды, которой давно уже нет,
Тогда как маленькая звезда —
В действительности
Ослепительный мир.

Ты мала, и ты велика,
Как родина твоя и моя.
Царственно улыбайся,
Слушая эти звонки.
Зря старается посольство другой любви.

Могут звонить,
Пока не надоест.
Сять, пожалуйста, рядом со мной
В этой вселенной, которую комнатой зовут,
В этой вселенной, где мириады мельчайших
мумий,
Иными словами пылинки,
Бессмертны
На многоликих книгах,
Которые, впрочем, стоят
Лицом к стене, словно дети,
Наказанные (за что?).

И зачем на меня
Ты все еще по-детски глядишь?
Разве ты не чувствуешь:
В разбуженном теле твоем
Одиночество подавило само себя,
Путы волосяные страсть порвала
И распростерла крылья,
Чтобы заполнить полые наши тела,
Так что вместо нас
Под микроскопом всевидящим
Один-единственный обрывок нерва трепещет —
И вся вселенная с ним.

Видишь? Темнота наслаивается на окно.
Света не зажигай!
Лучше лампы
Лунная белизна
Голых твоих колен.
Телефонный звонок? Не стыдно тебе?
И ты способна слышать еще звонки?
Оглохнуть пора. Исчезнуть пора.
Лишь трепет нерва,
Вселенную охватив,
Еще вернется
Под микроскоп.

22 марта 1964 г., Дилижан

НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Когда рассвет заглядывает в дома
И обшаривает углы полутьма,
Просыпается солнце,
И просыпаешься ты.

Мгла в отпуску.
Дворник-ветер выметает ночную тоску,
От сновидений освобождается взор.
Вот он, день-ревизор.
Вчерашние беды, тревоги, печали
В дверь правосудия постучали.

И твоя дверь еще заперта.
Что ты делаешь в это время?
Умываешься,
Чтобы омылся весь мир,
Причесываешься,
Чтобы в твоих волосах
Возник тончайший электрический ток,
Нежно покалывающий кожу другим,
Так что сладостно люди поеживаются.
Кофе ты пьешь
Черный, словно твои глаза,
Жгучий,
Чтобы в жилах вселенной
Вечно
Благоухать ему.
Потом ты переодеваешься,
Выходишь,
Идешь целый век
И, в конце концов,
Приходишь ко мне на стоянку такси,
На целый век опоздав,
И, невинно виновные,
Твои глаза говорят:
«Не сердись!»

Не сержусь!
Трогай, шофер!
Адрес?
Не знаю!
Трогай, шофер!

Солнце,
Как малыш, как любимый щенок,
Вышло и потерялось.
Поедем и солнце вернем!
Трогай, шофер...

23 марта 1964 г., Дилижан

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Чего я хочу?

Думаете, счастья хочу?
Нет!
Я хочу всего-навсего
Видеть,
Видеть отчетливо.

Возможность видеть отчетливо —
Божественный дар, по-моему.
Видеть не только во мраке, —
И, ослепленному страстью,
Видеть, как некая тень,
Точнее часов солнечных
Неуклонно показывает
Время нашей души
Наперекор Эйнштейну
И в согласии с ним.
Видеть в себе самом
И в недрах земного шара
Кипение невыносимое,
От которого бьемся мы
О собственный потолок,
И потолок не выдерживает.
Видеть, отчетливо видеть
Это кипенье зудящее,
Видеть его, как видишь
Глухую возню кротов,
Бугорки замечая,

Вскакивающие на поверхности.
Этого на копейку
Не купишь, конечно, нет!
Ценой моего искусства,
Ценою жизни моей
Желал бы я приобрести
Хотя бы возможность увидеть
Направленье, в котором
Мы шагаем, шагаем
Неизвестно зачем.
Ответь мне, моя любимая!
Скажи, в каком направленье
Наша любовь идет.
Откуда наши стремленья?
Что нас впереди ждет?

Ты слышишь?

Уже не чирикают,
Пищат воробьи: «Что... что... что...»
И от этого трескается
Синий небесный свет,
И в небесные трещины
Перепела заколачивают
Пронзительное «нет... нет... нет...»

Сжалься!
Скажи хоть что-нибудь
Не мне, так птицам в ответ.

19 марта 1969 г., Дилижан

СЕКРЕТАРЬ БОГА

Ущелье словно чернильница.
Цвета слоновой кости —
Остроконечное, вечное
Перо-водопад в ущелье.
Рядом поле квадратное, словно почтовая
марка,

Цветная, заштемпелеванная
Печатью соседней горы.

Если бы только слова
Вновь обернулись предметами,
Если бы действия выявились
В глаголах, а в прилагательных —
Первозданные свойства,
Как, например, сейчас,
Когда ничтожная часть
Огненно-рыжего, жидкого
Былого тепла возвращается
При посредстве летнего солнца
К древней гористой земле,
Если бы я не забыл
Язык моих зорких пращуров,
Окрестивших весь мир,
Обладавших словами,
Совсем не такими скользкими,
Как речная гладкая галька,
Остроконечными, вечными,
Первобытными, новыми,
Пронзительными, кремневыми, —
Взял бы теперь я смело
Остроконечное, вечное,
Цвета слоновой кости
Перо-водопад, которое
Обмакнул бы в горный поток;
Не чернилами, — пеной
На темной зелени леса
Написал бы я, чернокнижник,
Древнее неодолимое
Заклинанье: «Приди!»

Написал бы и сжег,
Небесам воскуряя
Подобие дыма жертвенного,
Чтобы тебе запылать.

И тогда бы вновь обернулись
Водопадом — перо,
Ущельем — чернильница,
Полем — почтовая марка,
Почтовый штемпель — горой.

Только слова оставались бы
Вечными, остроконечными,
Смысл воскрешая звучанием;
А я, я стал бы поэтом:
Новым секретарем
Бога ветхозаветного.

23 марта 1964 г., Дилижан

поэма

НЕУМОЛКАЕМАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ТРЕЗВОН

БЛАГОВЕСТНЫЙ ЗВОН

В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году
Какие плоды наливались в армянских садах,
Какой урожай созревал на армянских полях? —
Сказать нелегко...
Я ответа уже не найду...

Но чрево Армении-матери было в тот год
Воистину свято, воистину плодоносяще, и вот
Явился на свет мальчик в Дсехе *, лорийском селе...
Потом должен юношей стать он на отчей земле,
Потом к нему зрелость, а следом и мудрость
придет,
Маро * он несчастную вскоре слезами убьет
И наше Стенание он до небес донесет.
Устами его, обоженными скорбью, рыдать
Над сыном Саро будет горем убитая мать,
И слову Давида Сасунского будет внимать,
От страха немея, Мелика несметная рать,
И будет Гикор «Заходите сюда!» зазывать...

А в том же году, от лорийских ущелий вдали,
В глубинах затерянных анатолийской земли
Еще один мальчик явился на свет *.
В честь него
Надел архалук *, сняв передник, сапожник Гево.
И — каждый с бутылкою водки — соседи пришли,
Чтоб в доме отца вместе с ним разделить
торжество.
А после настал и для женщин-соседок черед:
Та — миску с яичницей, эта — с хавицем * несет,

Они у постели роженицы сели в кружок,
Желая, чтоб жизнь долголетнюю прожил сынок,
Чтоб мать поправлялась быстрее,
чтоб выпал ей клад:
Невестка хорошая в доме
И много внучат...
. . . .

И был этот день, вероятно, —
Пусть не для людей,
То для всемогущей природы —
Счастливым из дней,
Был праздником необычайным:
Ведь знала она,
Кого родила,
И слыхала она лишь одна,
Какие напевы армянские зрели в тот миг,
Когда прозвучал первый, мало что значащий крик
Двух смуглых младенцев...

И полдень, наверно, в тот день,
Как витязь проснувшийся, плечи расправил,
А тень
С поджатым хвостом
Псом испуганным
Сжалась в комок...

Наверно, в тот день водопадов могучих поток,
Как на полотне,
Низвергался беззвучно со скал,
И свет пел, как птица,
И камень вприсядку плясал...

Наверно, в песках Анатолии
Люди во сне
Испили прохлады лорийских долин в тишине,
Поля и сады,
Что с тоской ожидали рассвет
И жаждой томились подобно вдове в двадцать лет,
Насытил пречистою влагою страстный Дебет... *

А людям в лорийских ущельях
Пригрезился сон,
Был необычайным,

Был дивным и сказочным он:
Из южных краев
Азаран * прилетела во мгле,
На плоскую крышу
Жар-птица спустилась в селе
И там с петухами
Рассвет протрубила светло,
Потом
        в древнем дубе она
Продолбила дупло
И — вдруг —
Клювом острым
Оттуда лучи извлекла,
Что сложены были,
Как сложена книга была
Святых шараканов * Одзунского монастыря *.
Пока те лучи раскрывались,
                                        как веер горя,
За складкою складка,
И людям казалось — вот-вот
Малиновый звон «дили-дон!»
Над землей поплывет,
Ракетою вдруг Азаран в поднебесье взвилась,
Кометою вдруг Азаран в небесах пронеслась,
И... то ли на Утренней села звезде голубой,
И... то ли сама стала Утренней новой звездой...

Наверно, в тот день —
После стольких печальных веков! —
Пришло к небесам и земле
                                        примирение вновь...

Наверно, от слова Армения
Тихо, как тень,
Приставки «Турецко...» и «Русско...» *
Отпали в тот день...

ЗВОН СИРОТСТВА

Сын истинный армянского народа,
Как и народ, остался сиротой.
Ему от роду не было и года.
А мать... ушла.

Ах, если в мир иной
Она ушла — пусть к небу устремится,
Как верила она,
Ее душа,

Но почему ушла Армянская Царица?

Осталась бы
И грудью малыша
Кормила — своего бы Согомона,
Чтоб побыстрее рос наш Комитас.
Осталась бы,
Заботилась бессонно
О сыне,
О единственном для нас.

Осталась бы,
Как мать, сомнений тучи
Со лба его
Гнала в ночной тиши.
Снимала бы занозы и колючки
Сначала с ног босых,
Затем с души.

Осталась бы,
Чтоб в тягостные годы,
Которые придут, придут потом —
И зашагает сын под непогодой
Своим тернистым траурным путем,
Что станет безвозвратным, безысходным, —
Мать сердцем разделить могла бы с ним
Боль черную,
С единственным своим
И нашим общим гением народным...

Осталась бы,
Чтоб весь народ прозвал
Ее «Великой матерью» за муку,
Чтоб платья край с почтеньем целовал
И подносил к устам святую руку.

Осталась бы!.. Но не осталась, нет!

Тогда хотя б отец его остался...
Неполных было сыну десять лет,

Когда отец ушел, навек расстался.
Сын истинный народа — сиротой,
Как и народ, стал с горькой той минуты.
Бездомный, он сносил мороз и зной
В пустом гнезде.
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..[1]

Мир для него стал бесконечным, смутным,
Как сон дурной...
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Сердечко — раненое с юных лет,
И пот — на лбу, и слезы — на ресницах,
Дрожа под ветром зимним, бос, раздет,
Куда пойти, где в горе преклониться,
И чей тоныр * теплом согреет скудным
Его в пути...
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Сиротки сердце — битое стекло,
Заблудшему ягненку — мир весь ясли,
Колючками сердечко проросло,
Ломоть улыбки, или корку ласки,
Или хотя бы взгляд в дороге трудной
Подарит кто?
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Пел по дворам он — голосок журчал,
Смеялась песня, но слеза блестела,
Горело сердце — только кто видал! —
Мехами боль была, а горном тело,
Не пар, а дым клубился в холод лютый,
Когда он пел...
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Так два нелегких года будет он
Петь и глядеть вокруг с надеждой горькой,
Что подадут яичко или корку,
Взгляд будет в одну точку устремлен,
А мысли разлетаться поминутно...
Начало было тяжким, день твой судный
Каким придет?..
— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

---

[1] Здесь и далее везде в тексте — шрифтом выделены подлинные строки или названия песен Комитаса.

ЗВОН ЛИКОВАНИЯ

Наследства для сына Гево не скопил,
Сокровищ скопить Тагуи не смогла.
Но сын-сирота в дар от них получил
Все лучшее, что им природа дала.
А что им дала она? Только лишь голос один —
То нежный,
Как голос вина, что струится с журчаньем
в кувшин,
То звонкий,
Как ветер в ущельях, поющий о снеге вершин,
То мирный,
Так «Кха!» — свой псалом — куропатка поет *,
То вдруг полноводный,
Как мельничный водоворот.

Что знали они — Кутину *, что была
Затеряна в анатолийской дали.
Но, видимо, память в их душах жила
О прадедах — тех, кто, скитаясь, пришли
Сюда, в Кутину из какого-то Цхна
В какие-то сказочные времена.

И больше не знали они ничего,
Сгущалась уже янычарская мгла.
Кто мог рассказать им о том, что была
Деревня по имени Цхна и цвела
Она под Масисом *, на склоне его?

Кто мог рассказать им о крае отцов?
Что Гохтном * он звался, прекрасен и юн,
Что родиной был он гусанов-певцов,
Наш эпос творивших под пение струн...

...С пандиром * в руках, что звенел, как родник,
На плоские камни присев у ворот,
Они воспевали глаза Сатеник —
Царевны аланов, не знавшей забот.
Потом о царе Арташесе * рассказ
Они начинали — был мудр он и смел,
Стремительный, стройный и гибкий, как барс,
Он красный аркан с позолотой имел...
А сына его Артавазда * с собой

Каджи увели — духи горных вершин...
Царь Трдат * воспевался в тех песнях порой —
Он в них
Как могучий шагал исполин,
Он дамбы разнес,
Башни он сокрушил...
Ах, как похотлива была Шамирам *,
Зной страсти ее ослепил, закружил...
Ах, как был прекрасен Прекрасный Ара * —
И жил он прекрасно,
И умер, как жил...

А были порою неграмотны эти певцы,
Порою калеки, порою с рожденья слепцы,
Но пламень святой их всегда изнутри озарял,
Когда их тавих семиструнный сердца отворял.
И бог в этих песнях рождался — такой молодой! —
Бог огненнокудрый и с огненною бородой *.
От мук родовых содрогались и небо, и твердь,
И море от мук родовых начинало кипеть,
Из горла тростинки огонь поднимался и дым...
Так пели они,
По просторам скитаясь родным:
О нашей земле плодородной,
О нашем вине,
О трепете наших сердец,
О лозе в вышине,
Так пели они
О пшенице в родимом краю,
О нашем веселье и плаче,
О павшем в бою, —
Задуматься песней,
Мелодией тяжко скорбеть,
В стремительном танце
Руками взволнованно петь...

Кто, как не они, эти пальцы нам дал,
Чтоб пел барабан и гремела труба,
Кто ноги оленя нам дал и призвал
Зарю навасарда *, что так голуба,
Кем дым очагов — дорогие огни —
И свет вардавара * во мгле зажжены,
Кто все подарил это, как не они,
Сказители Гохтна, певцы старины.

И кто бы подумал, что полуразрушенный ствол
Из Гохтна далекого, спасшийся чудом в огне,
В какой-то лачуге, где сумрак угрюм и тяжел,
От Гохтна вдали, в бесконечно чужой стороне,
Где всюду чужая зараза опять и опять
И тело, и душу грызет в лютый холод и в зной,
Кто мог бы подумать,
Что Гохтн благородный сиять
По-прежнему будет,
Такой же свободный,
Родной,
В достойном наследнике
Славных гусанов-певцов,
Чьи трубы и звонкие струны в далекие дни
Дыханьем своим
От чужих отличались творцов
И недосягаемы этим поныне они.
Кто прихоть судьбы, кто каприз ее может постичь,
Тем более если... армянская это судьба?
Внезапный зигзаг божества, словно огненный бич,
Всю нацию вдруг разорил —
Но стенаний тропа
Дорогой становится, что к единенью ведет,
Падение вдруг превращается в новый полет...

Кто прихоть судьбы, кто капризы судьбы разберет,
Тем более нашей... армянской?

ЗВОН НАДЕЖДЫ

Эчмиадзин. Тысяча восемьсот восемьдесят
первый год.
Плоды и пыль. И солнце яро жжет.
Масис и Арагац * в полдневный зной
Соперничают яркой белизной,
Святые камни — память старины.
И мать-Аракс.
И ввысь устремлены
Собора Кафедрального кресты *,
Как будто озирают с высоты
Монастырей окрестных купола.
Звон льют,
Поют,
Зовут колокола...

Духовной академии врата.
В храм мысли, как озноб, зовет мечта
Всех тех, кто жаждет знания найти...

Просторный двор на всем его пути
Заполнен шумной пестрою толпой —
У каждого наряд и говор свой —
Слетевшихся сюда со всех концов
Пока неоперившихся птенцов.
И все они из сумрачной дали,
Из темноты с одной мечтой пришли:
Частицу света —
Знанье обрести...

Кто будет принят?
Сможет перейти
Закрытый академии порог?
Кто сдаст экзамен?
Страха и тревог
На детских лицах видятся следы,
Следы ночей бессонных и мечты.
Как много их,
Куда ни кинешь взгляд —
Свое наречие и свой наряд.

Но ты взгляни на этого — на нем
Рубашка рдеет алым кумачом,
Зеленые штаны и поясок —
Наряд армян турецких.
Пыль дорог
На стоптанных чувяках,
сквозь шнурки
Пестреют полосатые носки,
И ясное лицо, и бледность щек,
Блуждающий и отрешенный взгляд...

Все дети вместе, рядышком стоят,
А он один. О, как он одинок.

В такое сердце острым ткни ножом —
И капли крови не найдется в нем.
Как трудно оставаться одному.
С кем говорить, довериться кому?

Да знает ли армянский он язык?..
Бог только знает, только бог постиг.
Как он учебы
Знаний жадно ждет.
Однако кто его
сюда возьмет —
Здесь академия... Тот, кто под этот свод
Воспитанником скромным попадет —
Священником в армянский храм войдет,
Сан вардапета* избранного ждет.
А он...
Ему на завтра жребий дан
Петь для Католикоса * всех армян...

ЗВОН ПОМИЛОВАНИЯ

И песню... на турецком он запел.
Сначала дрогнул детский голосок,
Потом обрел себя, окреп, взлетел,
Ворвался в русло,
Звонкий, как поток.
Но сумрачно католикос глядел.

И вспыхнул гнев
В глубинах старых глаз,
Мгновенную улыбку погасив, —
В старинных стенах храма
В первый раз
Дымился святотатственный мотив...
В святом загоне паствы
пастырь сам
Внимает нечестивым словесам
Какого-то мальчишки, что поет
Греховные слова...

А этот свод
Лишь золотым мелодиям внимал —
Здесь «Отче наш», здесь «Лишь святой»
звучал,
Веками здесь грабар * и шаракан,
Как гимны, волновали всех армян.
В покоях патриарших, где вокруг
Все свято,

В первый раз под чуждый звук
Здесь горечь святотатства пала вдруг...

Но был святейший непоколебим,
Возвышенным молчанием храним,
А песня мальчика... взяла размах,
Ввысь поднялась
На солнечных крылах,
Упала камнем — от стены к стене
Ударилась, и снова в вышине
Повисла как на ниточке она,
Хоть и была та нитка не видна,
И снова лепестками миндаля
Осыпалась — так сыплется, пыля,
Известка с монастырских потолков...
И рвался сквозь оковы жалких слов
Прозрачный голос горного ручья —
Смеялась, пела, плакала струя.
Слова... такие смутные, увы,
Но голос... полон чистой синевы, —
То молит он, то протестует он,
Добром и гордым духом озарен,
Как будто, старый оживив собор,
На колокольне, рвущейся в простор,
Подвешен новый колокол,
пока
Волнующий сердца без языка...

И чудится: что облака блестят,
И чудится: лучи с небес летят,
И чудится: жары полдневной нет,
И чудится: исполнился Завет...
И в старых жилах патриарха вновь
Забилась жарко молодая кровь —
Кровь заразительная юных дней, —
Душе бесплотной было тяжко с ней,
Когда в греховном теле плоть жила, —
Неужто старых мук пора пришла?
(— Спаси, спаси нас, господи, от зла!..)
А мальчик певший,
Мальчик, что стонал?
У всех перед глазами вдруг он стал
Богатырем из сказки, вырос он,
Могуществом, могучий, наделен...

И все забыл католикос-старик —
Где он, и кто в покоях в этот миг
С ним рядом замер в гулкой тишине, —
Он улыбался тихо,
Как во сне,
Хотя слеза ресницы обожгла,
Потом улыбка таять начала
И без следа исчезла...
Но слеза
Еще сильней туманила глаза...
И, всхлипнув, прошептал он:
— Мой сынок!..
Сиротка мой... —
И говорить не смог.

ЗВОН ПРОБУЖДЕНИЯ

Сомнения были, и жаркие споры велись —
Ведь книгу канонов нельзя никому преступить,
Не знали, как им с исключеньем единственным быть,
И все же в законах неписаных буквы нашлись,
И только за голос
Попал в академию он...

В тот год еще знойное лето не взяло разгон,
Как новые страшные вести до всех донеслись.

Во славу аллаха султан Гамид
Решил —
К устрашению
Всех армян
И к сведенью
Старой Европы,
Что длинный свой нос норовит
Засунуть в дела отдаленных стран,
Не думая долго — султан не мудрил —
Бац! —
Вместо пощечины,
Словно пощечину —
Трах! —
И слово «Армения» он запретил,
Стер с карты, из книг,

С языка соскоблил —
Вот стер его! Нету!
Свидетель — аллах.
И не было!
Некого и притеснять!
И больше не будет!
Решил —
Сокрушил!
А кто восстановит?
Ах, если бы знать...

Действительно, кто бы разбитое восстановил?
Не царь Александр ли? Но это же он в свой
черед,
Святое распятие выставив всем напоказ,
С улыбкою христианина — я веры оплот! —
Рукой начертал свой всемилостивейший указ,
Что в школах армянских отныне наложен запрет
Историю древней Армении преподавать как
предмет —
Истории не было,
Да и Армении нет! —
Так царь
Протянул свою руку
Султану в тот год...

А как в академии время питомца течет?..

В устах отуреченных, испепеленных тоской,
Подобно плодам ароматным, не тая во рту,
Слова ему сладость дарили своей новизной,
Из темной безвестности рвались они в высоту,
И крепче кремня они были —
Гайк Храбрый *, Ара и Арам *,
Великий Тигран * и Маштоц * —
Несть числа именам.

И ключ, не подверженный ржавчине, ключ
золотой
Месроповских письмен старинных
Сначала с трудом,
Потом с недоверием строгим, потом с добротой,
Со звоном веселым, с доверчивым звоном потом
В замке слов армянских вращался

И дверь отворял —
В дни подвигов славных,
В года испытаний и бед,
И случаев невероятных секрет поверял —
Что есть справедливость,
Что есть воскресения свет...

Он всем был навеки обязан ключу своему,
Открылись для мальчика в яркую сказку пути,
В мир древний огромный, волшебный сумел он
войти,
Который до этой поры был неведом ему.

И в аудиториях светлых, и в келье глухой,
Под скудной лампадой, и даже когда затыкал
Он уши себе —
То пандир все равно в нем звучал
И песня гусанов из Гохтна звенела рекой:
Любовь воспевала она и на битвы звала,
На праздничный пир вардавара вела, весела.

И вопли теленка, и хриплые крики коров,
Которых в языческих храмах вели на убой,
Уже диссонансом могучим срывали покров
С мелодии христолюбивой, несущей покой.

Потом, взяв за горло мелодию, шум нарастал,
Шум диких кушанов и варваров топот и скач,
И цивилизованных римлян
Жестокий оскал
Мелодию рвал, порождая и стоны, и плач...

А режущий дискант труб римских
Сменял, озверев,
Персидских слонов контрабас — устрашающий рев,
Гигантские палочки — копья и пики, — взлетев,
Взамен барабана, людских не жалели голов.

То сабель сельджукских врывался отчаянный
свист,
То выкрики римских когорт, наводящие страх,
То стрелы железные луков монгольских неслись
И, впившись, дрожали в уже опустевших глазах,
Щиты ликовали, хотя был их голос суров,

Сигналы командные труб призывали на бой,
В руладах неистовых мчалась потоками кровь,
Пожары в руках фугу смерти несли над собой.
И самозабвенно
Он все эти звуки ловил.
И с криком звереныша:
— Мамочка, мама, идут! —
Он вскакивал с места,
Соседа по келье будил:
— Скорее, скорей просыпайся, враги уже тут! —
В испуге тот вскакивал спрашивал: что же
стряслось?
Потом он ерошил свой чуб и глаза протирал
И, даже не слыша ответа на свой же вопрос,
Соседа за крик надзирателем сонно пугал,
И, словно магнитом притянутый, медленно он
На жесткую падал подушку в неконченный сон.

ЗВОН ГРЕХОВНЫЙ

А время делало свое!
И пролетали годы день за днем,
И чувствовал потребность он... но в чем?

Ах, эта келья — затхлое жилье,
Где привкус пыли желтых книг во рту.
Скорее в дверь, на воздух из нее.

Арык перемахнул он на лету
(Монаху непристойно!), и идет
Он по дороге, что в сады ведет.

До Арарата тянется она.
Внизу Аракс. Долина зелена.

Идет весна.

И воздух допьяна
Насыщен цветом, запахом, теплом
И криком — он и в сердце молодом!

Идет весна.

Расплакались снега,
Чтобы, ручьями моя берега,
От страсти помутнев, лететь, спешить
В объятиях друг друга заключить.
И птицы, что слетелись по весне,
Попарно закружились в вышине.

В цвету деревья,
И трава цветет,
Любовный отклик в их сердцах найдя,
Инстинкт
Их к опылению зовет.

И звери,
На охоту выходя,
Пасутся,
Но любовный жар их жжет —
Друг друга рвать они начнут вот-вот.

А сердце? Сердце?!
И его покой
Ветра любви куда-то унесли,
То разольется
Вешнею рекой,
То дождиком расплачется вдали —
Ему «желанной» хочется назвать
Кого-то,
Задыхаясь прошептать:
«Любовь моя, о, как ты мне нужна,
Когда же ты придешь?!»

Весна. Весна!
Арык от мяты опьянел слегка
И стал восьмерки-кренделя плести,
Шатаясь, бьется он о берега,
Как пьяница о стены по пути.
Глазам щекотно: озарив простор,
Алеет маков пламенный костер,
И незабудки синевой горят.
Стоит тутовник
Вдоль дороги в ряд,
Приземист, коренаст и узловат,
Стоит он, обезглавленный сплеча
Рукою милосердной палача,

А вместо прежних жилистых ветвей,
Взамен одной — по двадцати на ней
Ветвей зеленых, гибких, молодых.
И если издали смотреть на них —
Не то стоит огромная метла
И с горизонта ясного вот-вот
Край облака последнего сметет,
Не то букет зеленый обвила
По горлу лента, затянув его,
Он у дороги часа своего
Ждет, принести себя готовый в дар:
Бери любой прохожий —
млад и стар,
Не то достать до неба самого
Кисть хочет —
Свод небесный обновить,
Лазурный цвет на изумруд сменить...

Теперь, оставив позади арык,
Идет он через поле напрямик.
Призывною трубой звучит тоска
В мычанье одинокого быка.

И, как порожний глиняный кувшин,
Под ласковым дыханием ветров
Поет дупло простую песнь без слов.

Там, за деревьями, Эчмиадзин —
Но лишь собора купол вознесен
Над солнечной стеной цветущих крон,
Так схожий с опрокинутым вверх дном
Огромным птичьим сказочным гнездом.

Посуды старой черепки — и те,
Послушные цветущей красоте,
Впитали хмель весны,
И, словно вздох,
Кольцом их окружил зеленый мох.

Из вскрытой вены молочая сок
Холодным молоком течет в песок —
Ему неведом жаркой крови ток.
А персики без пламени горят,
Но искры через весь овраг летят.

Вдали, в деревне
Смотрит с высоты
Над каменной колодой для воды
Горбатенькая ива —
Ветвь одна
Протянута, как нищенки рука.
На что, на что надеется она?
Ведь милосердье ей наверняка
Уже помочь не сможет — высох ствол,
Ах, ива старая, твой век отцвел.

А рядом — полем девушки идут,
Смеясь, они сибех* и мяту рвут.

То молодицы разбегутся вдруг,
То снова соберутся в тесный круг,
То медленно сгибаются они,
То быстро выпрямляются они,
То криком звонким оглашают даль,
То, словно вдруг почувствовав печаль,
Бегут друг к другу, нежности полны,
Их руки белые обнажены,
И как нарочно, словно хмель весны,
Обтянутые формы их видны.
Видны,
Чтоб... сердце инока смутить,
Чтоб... без огня его испепелить,
Чтоб... вечной ссорой с богом разлучить!..

Каким-то чувством нечестивым он
Неотразимо был заворожен,
Хотя не знал ему названья он.
Оно, как липкий молочая сок,
Его покрыло с головы до ног.

И он кусать невольно губы стал,
Свое спасенье в боли он искал,
Но даже боль стихает —
Так сильны
И властны козни
Молодой весны.

И закрывает он глаза тогда,
Чтоб тьма могла разрушить навсегда

Виденье сатанинское.
Но тьма...
Девичьи формы пылкие сама
Как будто проявляет в черноте,
Чтобы еще белее стали те.

Перекреститься хочет — силы нет,
Рука не поднимается в ответ,
Он хочет, воздухом наполнив грудь,
«Помилуй, господи!» хоть раз шепнуть,
Но заплетается его язык,
И он под черной рясою кладет
Ладонь на сердце — пусть оно замрет,
Не бьется так и прекратит свой крик,
А то ведь лопнет на куски оно,
Как рвет кувшин бродящее вино.

А между тем в надежной келье ждут
Псалмы на полках — дремлют в полусне,
Спасительная келья, где приют
Нашли немые хазы * в тишине.

Он повернул назад,
Скорей туда,
В сырую келью,
Чтобы как всегда
Пытаться к хазам отыскать ключи,
Вновь зрение изнашивать в ночи
С неугасимой верой: день придет —
И боль в глазах однажды перейдет
В чудесный звон — напевы прежних дней
И для его, и для чужих ушей.

И повернул он с полпути назад —
Пусть резь в глазах, пусть потускнеет
взгляд,
Лишь только бы избавиться он мог,
Смыть этот едкий молочая сок —
Прилипший к сердцу
Нечестивый клей, —
Но в миг тот самый
Над округой всей
Вдруг загремело:

— СОНА ЯР! [1]
СОНА!.. —
Горячей песни звонкая волна
Вмиг погналась за ним
И догнала,
За полы черной рясы повлекла,
Глаза ему зажмурила до слез,
В ладонях жарких таяла, как воск,
Крутясь, катаясь, падала у ног,
Чтоб шага дальше
Сделать он не смог,
Напоминала, продолжая звать,
Что наступает вардавар опять.
А это значит:
— СОНА ЯР!
СОНА! —
Цветы рассыплет по полям весна;
И девушки, подобные цветам,
Петь будут и земле, и небесам
Слова веснянки:
— СОНА ЯР!
СОНА... —
Шаг тоже подпевает в такт:
— СОНА! —
И грудь его вздыхает в такт:
— КРАСНА!..

...Когда под пенье третьих петухов
Он задремал, истомою томим,
Какая-то СОНА
Вошла из снов,
Подходит, и склоняется над ним,
И шепчет:
— Видишь — в серебре гора,
На склоне там ХУМАР [2] — моя сестра
Спит, юная, открыв лицо свое,
Чтоб красоту увидели ее...

...Ковер, что словно соткан из лучей,
Закончив, девушка тропой идет,
Лицо омыл ей серебром ручей,

---

[1] «Сона Яр» — буквально: «Моя возлюбленная Сона», народная песня в обработке Комитаса.

[2] Хумар — армянское женское имя и — одновременно — хмель.

Лучистый взгляд ШОХЕР[1] пьянит, зовет,
И очи богоматери у ней,
Вкруг головы венец
Из черных кос,
Чудесный голос, как у соловья,
Но в песне и насмешка, и вопрос:
«Ах, дуралей!
Все спишь, все спишь небось!
Боюсь, проспишь —
И пашня навсегда
Останется невспаханной твоя.
Когда проснешься,
Прибежишь сюда,
Что толку звать: ШОХЕР, ХУМАР,
СОНА, —
Твоя ШОХЕР исчезла без следа,
Твоя ХУМАР другим уведена,
Твоя СОНА другому отдана!..»

Какой-то смутный и мятежный сон,
Им мучается до рассвета он.

...То вдруг
Светловолосую САТО
Он видит пред собой — откуда? Кто? —
Стоит она задорно у гумна,
А ветер юбку лихо подхватил
И круглые колени оголил,
А на изгибе родинка видна
Прелестная,
Но стала вдруг она
Большою черной кляксой, а потом
Упала на старинных песен том
И на орнамент хазов пролилась,
Смешав их неразгаданную вязь...
...Вдруг тот же ветер,
Но уже с другой
Девицею играет молодой.
У молодицы русых кос виток
Он расплетает —
Волосы до ног
Стекают, словно струны, за спиной,
Но и невеста, и волос поток

---

[1] Шохер — армянское женское имя и — одновременно — луч.

Становятся вдруг... арфой золотой,
И начинает ветер озорной
На арфе тела женского играть,
И... хазы расшифровывает он!
А инок, сквозь неодолимый сон,
Пытается поймать их, записать
(Вот-вот раскроет вековой секрет —
Заставит хазы мертвые звучать
И потрясет открытием весь свет!),

Но тут...
Тут ветер, завистью дыша,
Задул, на арфе струны сокруша,
Швырнул их кверху так, что скрылся
след, —
И арфы нет,
И тайны хазов нет...
А вместо русых солнечных волос
Как будто пламя алое взвилось
И тает, тает в синих небесах,
А молодица прямо на глазах
Становится кадильницей — и вот
Пьянящий запах ладана плывет, —
Кто слышал
О кадильнице живой?!
А ветер оборвал внезапно вой
И, съежившись, на дереве сидит.
(Что за жара, о господи, стоит!..)
А золото развеянных волос
Опять в тугие косы заплелось, —
Кадильница исчезла без следа,
Вновь перед ним, прекрасна, молода,
Невеста белокурая стоит,
Которая,
Мужской увидев взгляд,
Вся вспыхнет — даже слезы заблестят! —
И, резко повернувшись, прочь бежит.
(Куда ты, бессердечная? Вернись!
Безбожница, куда ты? Оглянись!..)
И в тот момент, когда глаза его
Не могут скрыть восторга своего
И смотрят в восхищении немом,
Она взметает платьем пыль столбом —
И все равно (ох, жарко до чего!)

На миг прохлада веет на него,
Но тут же пыли горсть в глаза летит
Бедняге...
И хотя еще он спит,
Но за глаза хватается во сне,
Как больно им,
Они в сплошном огне,
Он трет их, трет с надеждою пустой...
И просыпается от боли той!..

ЗВОН ОТКРОВЕНИЯ

Как мысли, за годом сменяется год,
Сменяется найденный выход на вход.
Он, в книгу уставясь глазами, живет,
А мыслями — в песню.

Так время идет —
Учеба и песня, владычица дум,
Тома с шараканами и Манрусум... *

Пока день за днем продолжают свой счет,
Он спор сам с собою о хазах ведет:
Безмолвные хазы — опять и опять
Он должен утерянный ключ к вам искать.
Ведь с вами — он знает — несчастный народ
Завидное счастье в судьбе обретет.
Он вас расшифрует — сокровищ моря
Семье обнищавшей навеки даря.
Безмолвные хазы — опять и опять
Он должен утерянный ключ к вам искать.

Но книга — лишь книга, а хаз — только хаз,
Есть жизнь, чьи объятья открыты сейчас,
Есть песни, что трепетом жизни полны
И светом пронизаны из глубины,
Что дышат, живут и звучат на устах
И отклик ответный находят в ушах.
Живой человек эти песни творит,
О жизни, волнуя живых, говорит —
Вот так и живут песни в разных местах,
Еще в Манрусум не попали они
И хазами, смолкнув, не стали они...

Так где же они?
Все-таки в чем их секрет?
Они есть сегодня,
А завтра их нет,
Сегодня поются
Повсюду вокруг,
Но если устанут от пения вдруг
И петься не станут —
Как хазы, тогда
Они, онемев, замолчат навсегда.

Откуда идут они?
Путь их куда?
Что пеной исчезнуть должно без следа,
А что сохраняется, будто вода?
Что в песнях воодушевленье родит?
Чем чужды они, что их с нами роднит?
Чем общим мирское с духовным близки
И чем друг от друга они далеки?

Что мутность одним и прозрачность другим
Дает? Что зовется твоим и чужим?
В чем прочность одних и ущербность других?
Что грубого в них и что нежного в них?

А вдруг в этом ключ
К тайне хазов немых?..

ЗВОН ПОМАЗАНИЯ

Где песни звон,
Там был и он...
...Печальна жизнь, как стон,
Иль весела —
Одной судьбой с народом песнь жила...

Народ и судит песней, и рядит,
Он песней любит,
Песней он грустит,
Он ею весел, ею удручен,
Горит он песней, песней тлеет он,
Он с нею пашет, сеет и прядет,
Ребенка в люльку

С песней он кладет,
Он с песней косит,
С песней боронит,
Он радуется с песней и скорбит,
Он с ней хоронит близких и друзей,
Справляет он крестины, свадьбы с ней,
От песни начинает день светать,
И с песней вечереет он опять.

А он...
Когда все было?..
Память, стой! —
В двенадцать лет несчастным сиротой
Под своды академии святой
Был за руку мальчонка приведен,
Сого-сиротка, инок Согомон.

И добрые, несущие тепло,
И жалящие холодно и зло,
Еще двенадцать полных долгих лет
Средь этих стен прошли — и вот их нет.
И вот теперь, когда не отложил
Он без ответа ни один вопрос,
Он, Согомон, ученье завершил
И Комитасом стал.
Католикос,
Чье имя он отныне принимал,
В нем чувство преклоненья вызывал —
Ведь это им в далекие года,
Пусть с краю, но проложена была
Мелодии армянской борозда,
Чтоб урожаем будущим цвела.
Он был поэтом,
Песен был творцом,
И музыкантом был он,
И певцом.
И нам он, вместе с именем своим,
Как памятник себе, что нерушим,
Оставил песню,
Свой народ любя:
«О души, посвятившие себя...»

Век протянулся,
Выполз вслед другой —

Армянская мелодия жила,
Огнем сияла,
Сквозь века текла

Качающейся медленно рекой,
В сердца вонзалась,
Трепеща,
Стрелой...

А ско́лькие
Блеснули с алтарей
Армянских малых и больших церквей,
Рассянных по свету?!..

Но никто —
Ни в дар не получал,
Ни похищал
С тех пор
Католикоса имя то.

И вот теперь
Такой момент настал —
Пришел второй армянский Комитас,
Кто патриарха имени придаст
И новое звучание, и свет,
Хранить святую память дав обет
И кто бы мог подумать в этот миг,
Который был возвышен и велик,
Что должен новый Комитас забыть,
Не выполнить обет безмолвный свой,
Недобрым чем-то отблагодарить,
Незанятый ограбив рай чужой,
Что должен имя он затмить того,
Кто дедом был духовным для него,
Что он, забыв безмолвный уговор,
Предаст его забвенью с этих пор,
Что языки он алые взметнет
Своей горящей жизни в небосвод,
И этим ослепительным огнем
Творящей жизни,
Как карандашом,
Предшественника смерть он подчеркнет.

ТРЕЗВОН ЗАРИ

ЛЕТНИЙ ЗВОН

Где слышится песня —
Там всюду теперь Комитас,

Вчера лишь —
Псаломщик, чей голос из хора звенел,
Вчера лишь —
Причетчик, что скромно над книгой корпел,
А ныне — он сам учит музыке стихнувший класс.
И хор, где он пел, уже сам возглавляет сейчас.

Но стоило только закончить уроки ему,
От службы избавиться —
Он монастырь покидал,
Из кельи спешил он и днем, и в полночную тьму,
Туда уходил,
Где, маня, голос песни звучал.

А песня звучала повсюду
Средь гор и долин,
Звучала везде и всегда,
Где дышал армянин.

...Как девочка стройной невестой становится вдруг,
Так летом становится вдруг незаметно весна,
Холодные ветры уже не лютуют вокруг,
Сменил вардавар их — распахнута голубизна.
А травы так сочны,
Цветами простор напоен —
И точатся косы, и тупятся снова они,
Всесильный закон прорастания, вечный закон,
Себя победить ненадолго дает в эти дни.
Пора сенокоса!
Как в битве бойцы — косари,
Но кончился бой,
Каждый — как милосердия брат,
И жертвы,
Что сок источают,
Они до зари
Выносят,
Как будто спасти их от смерти хотят —
Несут на носилках,

Везут на арбе, на осле,
На собственном тащат горбу, изогнувшись дугой,
Но павшим цветам
И убитой траве не в земле
Лежать предстоит
И не в братской могиле сырой —
Их нежно и бережно на сеновалы кладут,
Пускай до весны аромат удивительный льют.

Но вскоре жара, что желанною гостьей была,
Всесильной хозяйкой нахально себя повела,
И... ссорит она даже мужа с женой, а поля
Сжигает без пламени, золотом их опаля,
И стал серебром отливать скороспелый ячмень,
А рожь и пшеница
Колосья колышут весь день
И тянутся кверху
Иссохшим своим языком.
И тянутся кверху,
Чтоб в озере том голубом
Прохлады испить,
Но безжалостен солнечный лик, —
Они лишь лизнут синеву
И отдернут язык,
Безмозглые, все же поняв, что мечта не сбылась,
Что небо само
Посинело от жажды сейчас.

Жар летний палит,
Он такой,
что хоть жарь без огня
На солнце форель,
Неподвижны в сиянии дня
Пруды и озера,
Лежат они синим стеклом.
Зато воздух маревом заколыхался кругом,
И с воздухом вместе колышутся песни слова:
— О ГОРЫ, ПОШЛИТЕ ПРОХЛАДУ... —
А горы едва
Стада и кочевников могут в прохладу одеть
На пастбищах горных...
Земля затвердела,
Как медь.
И вот уже песня молитвой летит в небеса,

Звенят, облака зазывая, с тоской голоса:
— О ГОРЫ, ПОШЛИТЕ ПРОХЛАДУ...—
Но где ее взять?!
И как они могут прохладу земле ниспослать,
Когда даже облачка маленького не найти,
Чтоб небо само,
Как лекарством, от зноя спасти!

И овладевает тогда всеми душами труд!
Крестьяне, крестьянки
Теперь с петухами встают,
Встают они в полночь глухую,
А не на заре
И с курами вместе,
Стемнеет едва на дворе,
Спать быстро ложатся,
Но нет, предстоит им не спать —
Уставшим, измученным,
Им предстоит умирать
На жестких постелях
Распятыми,
Словно Христос,
Чтоб в полночь глухую
Воскреснуть им снова пришлось
И в хвост раскаленный работы
Вцепиться опять,
Чтоб глаз своих пламя
С пожаром рассвета смешать,
И спину свою будут гнуть они и разгибать,
И пота струя
Будет снова метаться по ней,
Как мечется
Дом потерявший в пути муравей...
Ведь в пору палящей жары
Если день потерять,
То пригоршни золота
Можно тогда недобрать,
И будь на то воля их, —
Чтобы спасти этот хлеб,
Они примут смерть, но не выпустят
Вилы и серп...

С рассвета — в поту,
От надежд и мечтаний глаза,

А может, от солнца — порой увлажняет слеза,
— ХОТЯ БЫ НЕМНОЖКО
ПРОХЛАДЫ!.. —
Поют заодно,
Но легче усталость осилить им так все равно...

А зной,
А жара!..
Задыхаясь от этой жары,
Собаки с рассвета
Забились в свои конуры,
Свисает язык,
Словно пламени алого клок,
Как будто огня
Проглотили случайно кусок
И силятся выплюнуть...

Тыквам зато благодать!
В жару им и в зной
Хорошо, толстопузым, лежать,
Они, как наседки,
Листву распушив среди гряд,
Выводят на солнышко тыковки,
Словно цыплят —
Пускай на плетне и перилах балкона висят...

Хоть для постороннего взгляда немного смешной, ,
Ведет себя так же подсолнух, как шар наш земной,
Когда вокруг солнца
Степенно вращается он,
Все время
Головкою желтой
К нему обращен...
Воистину, зной не убийство ль решил совершить:
На жизнь покушаясь людей,
Хочет их удушить,
Свидетели-тени дадут объясненье одно —
Что было крестьянину в этот момент все равно,
Он должен работать,
Хоть чувствует смертный свой час:
Что сделаешь — лето,
Что сделаешь — лето
сейчас!..

Как с кровли худой бурно капает
В доме вдовы,
Так капают бурно плоды
Из дырявой листвы —
Их надо собрать, надо высушить,
Чтоб золотой
Похож абрикос стал
На солнца осколок литой,
А персик без косточки — на золотой лепесток,
Который на стол обронил небывалый цветок,
И черные сливы
Глядят на крестьян не таясь,
С доверчивым взглядом
Воловьих задумчивых глаз...

Арба перегружена,
Тяжесть снопов велика,
И с жалобным скрипом
То выйдет,
То спрячется ось,
От пыли дорожной она износилась слегка
И деготь роняет — свой пот —
Из ступицы колес.

Чачары * клыками железными клацают всласть,
Оскалили хищные камы * кремнистую пасть,
Жуй вдоволь! —
И выстланный хлеб не спеша
Жуют они, неаппетитной соломой шурша,
О солнечных зернах заботу в душе затаив
И втайне о ветре мечтая:

— О ГОРЫ МОИ,
ПОШЛИТЕ НЕМНОГО ПРОХЛАДЫ!..

Да только она,
Подобно невесте, что замуж была отдана,
Который уж месяц
Отцовский не видела дом,
А если придет,
Уходить не захочет потом:

— СКОРЕЙ УТОПЛЮСЬ,
ЧЕМ К СВЕКРОВИ НЕЛАСКОВОЙ В ДОМ!..

Труха где попало садится — весь мир замела,
На полураскрытую библию даже легла,

Которая дремлет в соборе, устав призывать:
— ПОМИЛУЙ НАС, ГОСПОДИ,
И СОТВОРИ БЛАГОДАТЬ!..

А та благодать и действительно сотворена,
Повсюду является в виде литого зерна,
Шурша, поудобней улечься спешит в закромах,
И только карасы *
Зевают в пустых погребах.
Но это — пока! —
И к лозе материнство пришло:
Как грудь,
Набухает от сока
Янтарная гроздь,
Забыв о стыдливости
(Зной выносить тяжело!)
Листву, словно пуговицы,
Расстернуть ей пришлось:
— АХ, МАМА, ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ —
СОЛНЦЕ МЕНЯ ПРИПЕКЛО!..

ЗВОН ОСЕННИЙ

И высокомерная
Все-таки спала жара,
И скромности, знающей цену,
Настала пора.
И дождь, как связной, на себя взял посредника
роль,
Чтоб небо опять
Обнималось с землей до утра,
Оставив бессмысленной ссоры обиду и боль.

Как табор цыган
Или как коробейников стан,
Так осень кочует бессонно
По разным местам
И краски всему придает,
Как красильщик холстам.

Но если кричит коробейник, товары хваля,
Наборы из тысячи бус по земле расстеля,
Купить ароматную смолку и веретено

Старух престарелых и девушек юных моля,
Но если цыган всем на все обменяться готов:
Корзину плетеную на виноград и вино,
А мелкое сито на сотню других пустяков —
То осень...
Пришла не выменивать —
Только менять:
Погоду и воздух,
Цвета и оттенки цветов,
Пришла не затем, чтоб кому-нибудь что-то
продать —
Она изобилие дарит
Зерна и плодов,
Напитков и ягод.
А главное —
Что без затрат,
Совсем безвозмездно, бесплатно
Все красит подряд!..

И все это не торопясь, незметно для глаз:
Вчера авелук* был с веселой зеленой косой —
И вот уже неузнаваемый, сплошь золотой,
Свисает с фасадов домов и с балконов сейчас!..

Потрескались дыни,
Что сладостью слишком полны,
Сады, огороды их запахом освящены,
Арбузные корки,
Подобные фазам луны,
От пыли земной затуманены, затемнены.

Листва на деревьях ореховых вспыхнула вдруг,
Как будто раскуренный кем-то
Огромный чубук,
И клубами дыма
Туман обернулся вокруг
Давно непричесанных, пыльных, лохматых голов
Задумчивых гор,
Чем-то схожих с толпой стариков,
Что, встретившись вместе, уселись на корточках
в круг.
Сады, огороды их запахом освящены,

Пока абрикос и застенчивый персик листвой
Прикрыться пытаются, с ветром бесстыдным борясь,
Сняла уже ива-толстушка убор головной,
А стройная яблонька платья узорную вязь,
Подобно разгульной вдове
И неверной жене...
На самом же деле —
То осень в родной стороне!

Пшеницу толкут,
В ступах каменных
Крупы дробят,
Из жарких давилен
Выходит вином виноград,
Лапшу нарезают в домах
И на прутья кладут,
Пока она сохнет —
                    молчит,
А просохнет —
                    шуршит,
И вниз ручейки
На постеленный войлок текут.

У ветра осеннего грустный, потерянный вид —
В листве копошится,
Зачем-то ее ворошит.
Ручьи и арыки
Под слоем листвы не шумят,
А будто от пламени
Листьев горящих
Шипят.

А самой последней — сады покидает айва,
В просторных она сундуках
Поместилась едва,
Чтоб с яблоками толстокожими
Вместе лежать
И щеки румяные нежно, любовно прижать
К оборкам, украсившим праздничный женский
                                        наряд,
И дышащий страстью, неистовый свой аромат
С волнующим запахом женского тела смешать.

И все это — осень!..

Теперь свет Вечерней звезды
Стал даже стучаться в дверь Дня
Негасимым лучом,
И кажется, будто, склоняясь сейчас с высоты,
Глядит не звезда в ореоле своем голубом,
А веер раскрытый, отделанный сплошь серебром!..
И стало настолько прохладно,
Что сырость в домах
Заставила даже расплакаться соль на столах,
А клочья соломы,
Которые ветер понес,
Похожи на кудри нечесаных русых волос.
Под веками тех, кто был прошлой зимой обручен,
Огонь нетерпения и ожиданья зажжен,
О свадьбе мечта обжигает сильней, чем тоска,
Она предстоит, но пока еще так далека!
Волков ненасытных ночами разносится вой,
Что в след за стадами
Спускаются медленно с гор.
У мельничных жерновов тоже характер такой —
Они ненасытны, их зов заполняет простор,
Телеги ползут — в них до края помол золотой...
И вот —
АРБЫ, ТИШЕ КАТИТЕСЬ!
И вот —
НЕБО ЗАВОЛОКЛОСЬ!
И вот —
С ГОР К НАМ ОСЕНЬ СПУСТИЛАСЬ!..
И вот —
В ЭТУ ЛУННУЮ НОЧЬ!..
И вот —
так всегда и везде,
и тепло, и светло,
Она —
что готова крестьянину
вечно помочь,
Она —
что всегда неразлучная,
рядом, близка,
Она —
для которой не страшны
ни дождик, ни тьма,

Она —
и раба,
и подруга,
и... третья рука,
Она —
это... песня сама!

ЗВОН РАЗРАСТАЮЩИЙСЯ

А песня...
Песня как скиталица была,
Что, дом покинув,
Мир огромный обошла,
Но снова к Родине прильнуть мечта звала,
Поскольку Родина... душой ее была.

А песня...
Птицею была, ей был знаком
Инстинкт, что звал ее в далекий перелет,
Она летела дни и ночи напролет,
И было ухо чуткое... ее гнездом.

А это ухо...
Клич веселый косарей,
Журчанье сонное литых колоколов,
Ручья смешное лепетание без слов,
Мерцанье смутное лампад среди ночей,
Звон ветра,
Жаркое дыхание печей,
И стон отвергнутого сердца, стон глухой,
Мечтаний шепот, и цветений голоса,
И вопли плакальщицы скорбной,
И слеза,
Что не наружу вырывается порой,
А как в пещере темной — в сердца глубине
По капле падает, горька и солона,
Но даже камень точит медленно она;
Надежд горящих треск в безмолвной тишине —
Они дровам подобны мокрым и гнилым,
Согреть сердца большим теплом им не дано,
Но как бы ни было там — двери все равно
Под силу им закрыть перед морозом злым;
И трепет листьев,
Что в беспламенном огне,

Зажженном осенью, горят под ветра шум,
Грудей касанье материнских к малышу,
Чей аромат подобен саду по весне,
Неистовые поцелуи матерей
И сыновей перед чужбиной тяжкий всхлип,
Во мгле давильни — теплой, липкой двери скрип,
Наседки ужас — коршун кружится над ней,
Новорожденного всевластный звонкий крик, —

Все, все на свете
Поднималось, как волна,
Росло
И морем становилось в ухе том,
На тысячи ладов оно звучало в нем,
Терзало, мучило — потребовав: сполна
Из сердца в сердце
Эти чувства перелить
И душу каждую
Омыть
И окропить...

И все рассеянное в горестных сердцах
Единства жаждало, прося в одно собрать,
Оно мелодией мечтало стройной стать,
И все, что шумом было до сих пор в ушах,
Что звуком было на земле и в небесах,
Мечтало музыкою, песней зазвучать,
Искало выхода,
Чтоб половодьем стать.

А на бумаге —
Всех мелодий и не счесть,
Что стали нотами.
А на бумаге их —
Тех песен тысячи, и сложных, и простых,
Есть и армянские,
Да и чужие есть.

А за пределами бумаги —
Океан,
Что воплощенья ждет,
Умелых добрых рук,
А за пределами бумаги —
Столько ран,
Которые в охрипших голосах крестьян

Везде, в любой момент
Стать песней могут вдруг.
А за пределами бумаги —
Сколько их,
Посеянных за жизнь крестьянскою рукой
Пока несжатых урожаев золотых!..

Собрать бы вместе их
И урожай двойной
Вернуть с любовью тем,
Кто, не жалея сил,
На поте и слезах
Те песни замесил.
И вместе с ним тогда
Крестьянин запоет:
— УПАЛО В МОРЕ ГОРЕ ГОРЬКОЕ
МОЕ!..

ОТЧИЙ ЗВОН

Но если горя груз
В пучину упадет,
Крестьянину и тут
Не очень повезет —
Покроет масло вмиг соленую волну,
Чтоб горе не смогло отправиться ко дну.
Заботы налетят, чтоб горе подхватить.
От илистого дна надежно защитить.
Нужда его начнет на гребнях волн швырять,
И вот оно уже на берегу опять.
И... прилипает вновь к крестьянину оно,
Как рубище к спине, что пот изъел давно.
Горячий пот бежит по той спине всегда —
А что такое пот?.. Соленая вода!

Молитвы тщетно шлет крестьянин в небеса
Лучом надежд из глаз
И верой в чудеса.
Бог — наверху, и он на ухо туговат,
Внизу — молитвы зов, слова не долетят.
Поля на склонах гор как рваные куски —
Сползают сверху вниз сплошные лоскутки.
На стенах копоть, грязь, и черен потолок,
Холстина на плечах, до стужи босоног.

И тысяча одной нуждой обременен,
И тысяча одну дыру латает он, —
Для сына должен он невестку попросить
И платье, и кольцо обязан ей купить.
И должен до дождей он кровлю обновить,
И старый долг вернуть, и подать уплатить.
Хозяину воды он должен взятку дать
И должен... И должны... И снова... И опять...
И должен он пахать,
И должен петь он в срок:
—БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ,
ВСПОМЯНУТ БУДЕТ БОГ!
Хлев разбудив, орет петух из уголка,
И солнышко встает под шелест ветерка:
— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ, ЧЬЯ
СЛАВА ВЕЛИКА! —
Мальчонка-волопас пусть сладко спит пока,
А пахарю пора — дорога далека.
— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ,
ЧЬЯ СЛАВА ВЕЛИКА! —
И плуг сюда идет, и плуг туда идет,
И колесо, скрипя, то плачет, то поет.
— Хоо! Ступай, Шеко!
Шоо! Иди, Личин!
Вот посреди камней не вспахан целый клин!
— Ну, погоняй, Нико!
Паршивца подстегни!
— Пошел, а ну... пошел!
— Тяни, а ну... тяни!
Да не жалей его!
— Пошире делай шаг!
Гляди-ка, ведь пошел,
Пошел, да еще как!
— Ну, парень, погоняй! —
Осталось мало дел.
— Ах, проклятый Циран,
Да чтоб ты околел!
Ну кто так тянет плуг,
Не видеть бы глазам!
Уж лучше бы залез
В твою я шкуру сам!
— Эй, парень, эй, Тиран,
Помощник ты иль нет?

Открой глаза — поспишь,
Когда придет обед.
А поле — сплошь кремень,
А борозда — длинна,
Но остры лемеха,
И вдаль бежит она.

— Невестушка, куда пропала ты с утра?
Пора перекусить,
Да и попить пора.
А палки ты пока, погонщик, не жалей —
И Серого огрей, и Черного огрей!
Пока мы отдохнем хоть несколько минут,
Надеюсь, старый вол,
Ты не подохнешь тут?!
— А ты, бездельник, что не раскрываешь рта?
Как поле ты вспахал — не зябь, а срамота!
Как месячный мацун *, клянусь, Ваче, ты
скис —
Вола ты отпустил, не сняв ярма, пастись!
Тебе я говорю,
Паршивец, сучий зять!
А тещу я твою не прочь поцеловать!
— С последней бороздой
У поля на краю
Развеем мы печаль извечную свою,
И почернеет вся земля тогда вокруг,
Тебе я говорю,
Сраб-джан, ты слышишь, друг?!
Вот и еда. Скорей развяжем узелки —
Уж очень коротки весенние деньки.
— Что тычешься, Араб,
И дышишь горячо?
Да у тебя совсем холодное плечо!

Нам — плов,
А вам — траву,
Всем будет хорошо,
Такая уж пора —
Оро-овел! * Шоо!

...Вставайте и волов давайте запрягать
И в землю лемеха поглубже опускать.
— Хоо! Оро-овел!
Начнем свой труд опять,

За новой бороздой
Через поля шагать.

— По-честному паши.
Удачен этот год.
Тебе он за труды
Сторицею вернет.
— Ах ты, негодник-вол,
Клянусь, за лень твою
Не сеном я тебя,
А палкой накормлю!
Да, знаю, ноги ты
Перетрудил, устал.
А я? Поверь, Циран,
Я сердце надорвал.
Я вижу — ты вспотел,
Родной мой пастушок,
А я?.. Я, джан* Тиран,
В работе сердце сжег.

— Не слушайте его,
И ты стонать кончай,
Рассей свою печаль —
Не мешкай! Погоняй!
От горя человек
Стал камнем —
Оровел! —
Все, что ни сделал бог,
Все человек стерпел.

А скрипа колеса пусть время не прервет,
О голос плуга, ты нам сладок, словно мед,
И жертвою не жаль стать голосу тому.
А если плуга нет, то что такое свет?
Всех в мире благ земных в нем зиждется секрет.
Стать жертвой бы ему!
Стать жертвой бы ему!

Хоо! Мой верный вол!
Ты жаждой опален.
Я тоже пить хочу. Я тоже утомлен.
Еще сильней, чем ты, устал я.
— Оровел!
Под солнцем, как и ты, я целый день горел.

Коль отвернулся бог и нам он не помог,
Мы громче позовем, чтоб вниз он посмотрел:
— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ.
Хоо! Оро-овел!
— ПОМЯНУТ БУДЕТ БОГ,
Оро-оо-овел!

ЗВОН БОЛИ И ПРОТЕСТА

Наш разум от нас отвернулся —
Забыв оровел,
Калерг* позабыв, что над желтою нивой летел, —
Теперь стали многие душу свою изливать
В нейнимах* и бейтах*.
Чистейшее бросив вино,
Себя обманув
И уже не пьянея давно,
Повсюду чужой научились
Шербет попивать.

Мы существовали,
Мы были — Давидом уже.
Однако себя мы не знали на том рубеже.
Поев мало репы,
Мы топнуть старались сильней.
А было пока это — лишь топотанье детей.
И должен был кто-то прийти,
Дать нам молнию-меч*,
И должен был кто-то коня Джалали* оседлать,
Дать щит и копье,
Чтоб нытье Мсра Мелика пресечь,
Заставив призывам Огана-Горлана* внимать...
Сначала он сам колебался —
Творил и не знал,
Какое názванье труду своему отыскать.
Но имя достойное
Все-таки труд обретал:
Армяне оглохшие, время настало понять —
Есть песня у вас, вы о ней не должны забывать!..

...И если к армянским мелодиям, к песням родным
Из нас большинство оставалось беспечно глухим,
И если нашлись и такие, кто словно ослеп,
Оставив нетронутым сыр наш и праведный хлеб,
С чужой пахлавы* не сводили восторженных глаз,

То рад был чужой:
он мечтал об исходе таком,
То рад был чужой —
письменами,
словами,
тайком,
А если удастся, порочил в открытую нас —
И с легкостью целый народ оставлял без всего,
Без песни его неотъемлемой, пляски его,
Открыто он целый народ подминал и тайком,
Чтоб сделать его на подворье своем примаком,
Мужчину, имевшего крепкий, добротный свой дом,
В том доме столбы,
И надежную кровлю на них,
Под кровлей — большую семью
И гостей дорогих,
Которых привык принимать с уважением в нем,
Которых умел, если надо, и в путь проводить,
А если надумает кровля протечь под дождем,
Способного кровлю родную опять починить...

А уши чужие,
не ведающие порой,
Порой пораженные
злобной, тупой глухотой,
Всегда были склонны армянскую песню задеть —
В ней шелест персидский пытались они углядеть,
А в тагах* армянских
напев византийский найти,
В армянских частушках
турецкий размер баяти*.
Так после мечей,
После сабель —
Наветов стрела
Своим языком ядовитым армян обожгла,
И вот тебе! —
цель среди нас она все же нашла!..

И чтобы того, кто тебя поразил, поразить,
Спасти достояние, жизнь от врага сохранить,
Ты должен удар атакующий предупредить,
И если тебя паутиною ложь оплела
И хочешь рассечь ты подлог, чтобы правда жила, —
Лжеца ты обязан коварный язык изучить.

Но чувствовал сам он — победа пока далека,
Он чувствовал сам, что на этом нелегком пути
Могучей деснице его не хватало пока
Размаха, способного встречный удар нанести,
Язык справедливый защитника — чувствовал он —
Ворочается еле-еле, с огромным трудом,
Бессильный, как будто заикою был он рожден,
Тогда как хотел
И мечтал он всегда об одном:
Что будет ему прокурорская должность дана,
И, с места поднявшись, отчетливо скажет тогда
Он миру:

— Сэр, мистер, ага,
Дамы и господа,
Напрасны слова, и красивая речь не нужна,
Что может быть в мире надежнее гирь и весов?
Вот гири и вот вам весы.
Начинается суд.
Кладу я на чашу — и песни, и таги без слов,
И пусть на другую всей тяжестью гири падут,
Моя перетянет —
Пусть самый невиданный груз
На чаше другой,
Пересилить стараясь, лежит,
Пусть, вы сомневаетесь,
Не доверяете пусть, —
Ложь все же умолкнет,
А истина заговорит!

Так часто мечтал он,
Но чувствовал, что далека
Победная радость на этом нелегком пути, —
Могучей деснице его не хватало пока
Размаха, способного встречный удар нанести
Он жил этим днем,
Он мечтал бесконечно о нем,
Но чувствовал, как прокурорский правдивый язык
Ворочается еле-еле, с огромным трудом,
Как будто был худшим заикою он из заик.

А если подлог ты мечтаешь раскрыть — изучай
Лжеца хитроумный язык
И всегда избегай
Пустых излияний.

А главное — прежде всего —
Ты должен учиться...
А где?
У кого? У кого?

ЗВОН ЧУЖБИНЫ

И ясно становится учителям —
Питомец уже перерос их сейчас.
И вот уезжает в Берлин Комитас.
И в городе хмуром прохожий не раз
Встречает монаха —
Он смугл, черноглаз,
И черная-черная риза на нем.
Он, взглядов холодных не видя, идет,
На умном лице затаилась печаль,
Беседу ни с кем его взор не ведет —
Он весь устремлен
В неизвестную даль.

Три года ему поневоле уста
Немецкий язык грубоватый ломал,
Как будто армянский не существовал,
Как будто язык он живой отложил
И вновь в академии иноком стал —
На мертвом грабаре читал и творил.

Ну что ж! Ничего, что немецкий язык
Стеснял армянина, —
В общенье возник
Всемирный язык,
на котором сердца
Беседу могли продолжать без конца.

Словесный сломав тонкий лед языка,
Не скрытным, холодным входил к нему Бах,
Входил к армянину он как патриарх,
Совсем по-домашнему —
без парика! —
И шел через комнату, и тяжело
К органу садился, улыбкой светясь,
И месса величественная лилась,
Куда-то неслась, колыхаясь светло.

И в ней безграничная святость была,
К великому звал причаститься хорал.
И Бах на грабаре вопрос задавал:
— Смысл понят сего?.. —
А потом назревал
Прибой оратории.
Медленно рос,
Чтоб с криком молитвы обрушиться вниз.
И он волновал армянина до слез,
В ушах его звуки чужие слились.
А Бах будто спрашивал тихо:
— Ну как?! —
Но, звуки чужие опять заглуша,
Ловила фанатика жадно душа
Звучанье свое —
новый свой ПАТАРАГ *.
А Моцарт всегда перед ним представал
Ликующий, полный веселья и сил,
И в зале холодном смех жаркий звучал.
Но Моцарт воспитанным юношей был, —
В глаза собеседника глядя, внимал
Словам армянина, затем горячо
Он руку ему опускал на плечо
И песню-экспромт на ходу сочинял.
А то — о девицах, над ризой смеясь,
Рассказывал, о поцелуях как мед,
Совсем откровенным порой становясь,
Давал о любовных романах отчет.
Но, видя, что строг собеседник его,
Серьезным тогда становился и сам,
Его убежденно, от сердца всего,
Пытался учить музыкальным азам —
Что надо не так, а вот эдак. И вот
На свадьбе веселой поет Фигаро...
А мысленный взор Комитаса — Саро
И плоские крыши села создает.
На них он парней и девчат пригласил,
И, взгляд восхищенный Ануш * уловив,
Саро о друзьях и адате * забыл,
На обе лопатки Моси * уложив...
— Я вижу, меня вы не слышите, герр!..
Вот правильный путь,
Если пишете, герр!.. —
Нет, слушал внимательно герр Комитас,

Нет, жаждою знаний он был одержим,
Но и повторяя:
— Чужое — чужим!
Хочу своего я,
пусть наше — для нас!
Хочу я свое, вы пойми... —
Но входил
Тут новый гигант, оборвав его речь,
Чтоб душу опять вардапета увлечь,
Тащить за собою, лишив его сил.
Он выход из плена искал, как во сне,
О музыку душу свою опаля,
И «Сжалься!» шептали уста в тишине,
Молитвою-арией Баха моля...

О родина, ты далека-далека,
И видишь ли ты, как твой сын одинок,
И слышишь ли ты, как глухая тоска
Приходит к нему каждый день на порог.
Неужто не чувствуешь, как он устал
В своем покаянье безмолвно кричать,
К тебе обращает он Баха хорал:
«Ушел от тебя, чтоб вернуться опять!»
Ах, родина, ты далека от него.
И как ты печатью надумала быть?
За что ты избрала его одного
Из всех, чтобы оттиск святой наложить?
Поставив, сказала:
— Ты — мой!
Ты — один!
И где бы ты ни был — ты раб мой, слуга,
Единственный мой,
Мой единственный сын!..

Ах, родина, как ты сейчас далека!..
Часами один-одинешенек, он
Великим терпеньем себя осенял.
Смиряя души протестующий стон,
Он холоду клавиш тепло отдавал.
И на фисгармонию
Ночь напролет
Тень падала ризы,
Склоняясь над ней.
И лак фисгармонии черной — и тот,

Казалось, еще становился черней.
И библиотеки готический зал
Видал, как порою над книгой одной
Сидел он часами, согнувшись дугой,
И все окружающее забывал.
Но стоило ночи,
Что ризы черней
И тягостней ризы,
Спуститься опять —
Незваная гостья входила за ней,
Скорее вбегала, боясь опоздать,
Как будто вот-вот от разлуки умрет,
Врывалась без спроса —
Какой уж тут спрос! —
И вот уже рук ее — пламя и лед —
Вокруг его шеи кольцо обвилось.

И, верность призванью монаха храня,
Он клятву нарушить не мог и теперь —
Кольцо разрывал он, усердно гоня
Любовницу эту незваную в дверь.
Но выгонит в дверь —
та уже у окна.
Тогда он, как окна, глаза закрывал.
Но в дверь его мыслей стучалась она:
— Прими меня!
— Кто ты? Тебя я не звал!
— Ах, лживый,
Меня ты не можешь не знать!
— Да кто ты?
— Меня ностальгиею звать!..

И взору тоскующему предстает,
Печальным глазам вардапета видна
Вдруг стала тропинка средь горных высот.
И лемех сверкнул, — значит, дома весна.
Он видел, как в черном от дыма горшке
У края тоныра похлебка стоит,
Монистов серебряных он вдалеке
Хлопки различал — вот и сито блестит
В руках молодицы,
И речка лилась
Раздробленных зерен на пестрый палас.
Смеялись ущелий бездонные рты
В усы свои жидкие трав и кустов,

Тряслись от щекотки шальных голосов
Воркующих птиц, что неслись с высоты.
И вился душистый, как ладан, дымок
Из теплой давильни, над садом кружась,
На плоские крыши трава забралась,
Нахально земной преступая порог.
И шлепали женские ноги в пыли.
Босые и юные весело шли,
И жаркими были следы этих ног!..

Все было так явственно — будто сейчас
Все это он видел,
А не вспоминал!
И это не слезы бежали из глаз,
Их — боли сердечной туман застилал,
Которой в немецком названия нет.
А та, что тоской-ностальгиею звать,
Стучалась у двери,
Врывалась опять —
И ей разрешенья уже не нужны,
Чтоб незабываемое вспоминать:
— ЖУРАВЛЬ, НЕТ ВЕСТЕЙ ЛИ
С РОДНОЙ СТОРОНЫ?!!

ЗВОН ЗЛОДЕЯНИЯ

Но хмурое небо Берлина
Пустынно вдали,
И не было в нем журавлей,
Что на крыльях несли
С родной стороны занавешенной
Весточки свет!
В стране Гутенберга
Лишь черные буквы газет
Как черные стаи слетались на белую гладь...

И вдруг,
Вдруг однажды —
Страшнее минуты не знать! —
Те черные буквы наборщиков пальцы сожгли,
Похлебкой они чечевичной язык обожгли
Читателей сонных,
Узнавших, что где-то вдали —

В который уж раз повторяется все это вновь! —
В армянском краю кровь гасила огонь очагов,
И не петухи танцевали, покинув свой хлев,
А пламя плясало, на плоские крыши взлетев.

Армянские матери хрипло молитвы слова
Напрасно шептали, от ужаса живы едва,
К немой богоматери льнули с напрасной мольбой,
Худые колени ее обнимая с тоской:
Ах, если б у бедной такая возможность была,
Она бы себя от позора и муки спасла —
А ей между тем предстоит очень скоро самой
Всю злость испытать
Ятагана насмешки кривой,
Всю ярость огня,
Что, как пес пожирает, рыча,
И мясо, и кости людские
Из рук палача.
А между несчастной землею
И небом, что бог
Покинул, —
Позора дымящийся занавес лег.
Паленого запах
Так воздух вокруг отравлял,
Что и журавлей
Раньше времени
В путь отправлял.
Летели они над землей,
Не садясь ни на миг,
Ватагой армянских детишек неслись напрямик,
Детей, у которых от страха отнялся язык, —
Кур-лы да кур-лы! —
Лишь одно повторяли опять
И миру несведущему тем давали понять,
Что в синих бездонных ущельях армянской земли,
В оврагах ее...
Ах, какие теперь ЖУРАВЛИ,
Когда бесконечным тоныром, дотла сожжена,
Армения стала сама — негасимых тоныров страна,
И синее небо армянское выглядит так,
Как в саже, тоныр закрывающий, черный
колпак...

А где Комитас?
Он в Берлине!

Безжалостный рок,
Над ним издеваясь,
Его и на это обрек... *

ЗВОН ПРОБУЖДЕНИЯ К ЖИЗНИ

И в то время,
Когда и в дыму, и в огне
Так роскошно султан
Смерть поил допьяна, —
Кто подумать бы мог! —
Что по той же стране
В те же самые дни
Шла весна, шла весна!

И в ущелье опять серна над малышом
Наклонилась и лижет его чуть дыша,
Так по мордочке нежно ведет языком,
Что травинки не тронет в губах малыша;
С ноги на ногу аист на ветке опять
Тихо переступает, как будто ему
Алых яблонь огонь
Ноги стал обжигать;
А подсолнух устроил себе самому
Появленье на свет —
Землепашцу в упрек
На невспаханной грядке он гордо стоит;
Лемех злится на ржавчину — так паучок
Паутиной, к лицу прилипающей, злит;
А лопата, как женщина, хочет прильнуть
К чернозему желанному
И замереть;
А притыка беспламенно хочет гореть,
К мощной шее быка прижимаясь чуть-чуть;
Стройный тополь, что годен вполне на ярмо,
С топорами ругается — юности жаль;
Колокольчики сини — как небо само,
Осыпает кораллы на землю миндаль,
А с акаций снежинок летит белизна...

На просторах весна, на просторах весна!

От внезапных пинков нежных ножек и рук —
Шевельнулся сынок ожидаемый мой! —

У невест, замуж вышедших прошлой зимой,
Материнства огонь пробуждается вдруг!..
Солнце к люльке склонилось — и ярче лучей
Пять младенческих пальчиков тонких зажглись,
Словно пламя пяти негасимых свечей!..
На пустом сеновале к дверям собрались
Толпы призрачных робких холодных теней
И, мечась и толкаясь, друг друга тесня,
К солнцу тянутся с каждой минутой сильней —
И смертельно боятся сияния дня!..
Просят имя цветы безымянные дать,
Ну а те, что имеют уже имена,
Их из уст молодых жаждут слышать опять!..

На просторах весна, на просторах весна!

И цыпленок неопытный — вот дуралей! —
Почек нераспустившихся тени клюет,
Показалось ему, видно, в пляске теней,
Что хозяйка горох с чечевицей дает.
А на мирных задворках, вблизи от гумна,
Где побегов зеленых застенчивый пух
Жизнь вернул прошлогодним остаткам зерна,
Там надменно и важно шагает петух.
На открытый гарем своих кур он глядит,
Он глазами косит, как вчерашний аскер,
Но уже величавость в движеньях сквозит —
Как-никак, он сегодня уже офицер!..
На пологих холмах и отрогах крутых
Хороводы ведут
Маки страстные всласть —
Как девчата, забывшие то,
Что на них
Похитители-варвары могут напасть!..
И прохладной повязкой умельца рука
Отшлифованный камень на раны кладет
Монастырской стены —
Скоро будет уж год,
Как турецкая пушка пробила бока!..
И латает смолою кору
Старый бук,
Что турецкою пулей
Оборвана вдруг!..

На просторах весна, на просторах весна,
Но убийце, увы, не помеха она!
И, к несчастью, не может она помешать
И армянским ручьям, и арыкам в полях
По весне половодьем от крови взбухать,
Как не может она помешать, чтоб опять
По бездонным ущельям армянской земли
Горы трупов до самых краев не росли!..

Если сердце из камня, зачем даже в нем
Жечь костры, накаляя безумным огнем?!
Кто видал, чтоб иголка и ниток моток
Перерезанных жил зашивали клубок?!

Не лишиться рассудка попробуй-ка ты
От подобного горя, от этой беды!

ЗВОН УДИВЛЕНИЯ

Нет, в этот раз не сошел он с ума!
Разум его не окутала тьма
Даже тогда, когда в край свой родной
Он из Берлина вернулся домой.
С новой насмешкой здесь рок его ждал —
Взором растерянным он увидал
Если не смерть и не крови кумач,
То близнецов их — и стоны, и плач.
Те же царили здесь ужас и страх,
Та же печаль пламенела в сердцах,
И, растерявшись от тяжких годин,
Что ему делать — не знал армянин!

Царь Николай уже «милость» творил...
Шестьдесят первый он пункт* не забыл,
Но, на бумаге покончив со злом,
Ту же нужду воцарял он кругом.
Так и моталась туда и сюда
И не тонула, как рыба, нужда
В море насилия, рабства и зла...
Но, как прилив, революция шла,
Грозной волною вздымаясь, росла.

Око царя было мстительным, злым.
Всюду, везде,

За поступком любым
Даже во сне
Наблюдало оно.
В каждом — ему было видеть дано
Лишь «террориста» и «бунтовщика»,
«Социалиста» и «трона врага».
Да и страну видел царственный взгляд
Степью бескрайней, где змеи кишат...
И уводили армян из домов,
В царские тюрьмы вели бедняков,
Черным клеймом лбы клеймили, как встарь:
«Социалист», «заговорщик», «бунтарь».
Их, как телят,
На закланье вели,
Словно ягнят
В жертву их принесли
Вере Христовой, что славит любовь.
И проливалась невинная кровь
Бедных телят,
Обвиняемых в том,
Что иногда
В огороде пустом,
Где доцветали надежды одни,
С голоду стали брыкаться они.

Там, где излишек обетов дают,
Их не исполнив, бедой воздают —
Руки отрубят, не то что крыла...
Мстительной
Царская воля была.
И князь Голицын,
Наместник ее,
Коршуном черное дело свое,
Как наказанье Кавказа, творил.
Школы армянские все он закрыл.
Нет, не забудет вовек армянин
Этого князя.
— Осанна!.. Аминь!..

Княжеский конь взял с турецких пример,
Травку жует на восточный манер —
Слаще на грядках политых она!..
И под запретом уже письмена,
И монастырские земли казна
Конфисковала —

Ей клады подай,
В каждом амбаре
Сундук открывай —
Так все, что выжато, христианин
Вновь выжимает.
— Осанна!.. Аминь!..
Школу закрыть —
Это можно и вмиг!..
Как ты закроешь народа язык?
Как ты зажмешь миллионам уста?
Может от страха заикой он стать,
Может он окаменеть от всего,
Только закрыть невозможно его!

Книги — в огонь!
Запретить письмена!..
Но если скорбного сердца струна
Боль свою хочет и стоны излить,
Кто может песню души запретить?!..

Так это.
Меры когда в чем-то нет —
Прямо обратное будет в ответ.

Вот и Голицын, наместник царя,
Над всем армянским насилье творя,
Даже армян обрусевших сплотил
В ярых фанатиков.
Он повторил
То, что в истории было не раз:
Там, где язык наш зачах и угас,
Снова звучал он
И даже трубил,
Тот, кто с презреньем глаза отводил,
Видя армянскую книгу,
Тайком
Ночи сидел над родным языком,
Тот, кто романсом гортань полоскал,
В песнях чужих утешенье искал —
С гордостью новой противился злу,
С песней армянской друзей вел к столу,
С песней армянской в застолье сидел,
С нею плясал он и с нею скорбел...
Песни армянской напев волновал,

Речи армянской поток не стихал —
Дух противления в них говорил.
В каждом народе извечно он жил,
В самых глубинах народа храним,
Непобеждаем
И непостижим.
Но, видно, в сердце армянском нашлось
Столько его,
Что у нас повелось
Всюду, не глядя, его раздавать,
Так растранжиривать,
Что не понять —
То ли достоинством это считать,
То ли считать недостатком опять...
Уничтожая, он нас сохранял,
Нас убивая,
Он снова рождал.
Может быть, в нем объясненье чудес,
Что наш народ
Как народ не исчез...

Так же как в жизни мгновенной людей,
На протяженье истории всей,
Видимо, было в потоке времен
С телом гигантским
Немало племен.
Кровь в них горячая тоже текла,
Только свернуться она не могла,
Рана... царапина...—
И как вино
Из бурдюка, где хранилось оно,—
Кровь, не свернувшись,
Течет сквозь года,
И исчезает
Народ без следа...
А наша кровь...
В пепел каплей упав,
Даже в навозную жижу попав,
Тут же свернуться спешит,
Чтоб опять
Раны открытую пасть закрывать.
Эту закваску
И смерть не берет —
Сыну отец ее передает.

И полумертвые,
Кровью сочась,
Мы из могил возвращались не раз...

ЗВОН ГЕРОИЧЕСКИЙ

Народ мой,
Еще я не существовал,
Чтоб вместе с тобой муки все разделять,
Готовый согнуться,
Но плечи обнять
Родного народа,
Чтоб он устоял.

Но ты —
Так история наша гласит,
Что перечень
Жертв
И гигантов
Хранит,—
Нужды не испытывал ты никогда
В отважных десницах,
Готовых всегда
Доспехом, броней
На груди твоей стать
И ясною жизнью своей защищать
Честь нации
И за тебя умирать,
В бою не согнувшись, титанам под стать.

Народ мой,
Еще я не существовал,
Но разве ты мало сынов воспитал,
Которые меч и винтовку могли
Достать в час опасности из-под земли
И мстили — о том повествуют века —
За кровь твою
Черною кровью врага.

Сасун непреклонный!..
В который уж раз
Ребенка Давида родил ты для нас,
Но имя Давида не дал ты ему,
Назвав... Андраником* его — почему?!..

И стали в погромах, под крик воронья,
Сасунским безумцем* — сасунец любой,
Сасунской семьею — любая семья,
Сасунским бойцом — старец и молодой.
Чтоб — хватит! —
Крутить жернова сорок дев
Не будут османцу!..

Сменился напев:
Уже не хвала в честь прекрасной Хандут*, —
Подобно гремящим сасунским ручьям,
На тропах извилистых и по горам
Повсюду могучим разливом встают
Геройские песни —
Чтоб слышал наш край
Не только печальное «ВАЙ-ЗУЛУМ-ВАЙ»...

О крепость Зейтун*,
Киликийский наш дом —
Один-одинешенек перед врагом,
Но с волей единою —
Ты сорок раз
Сражался, победами радуя нас,
Теперь —
В сорок первый,—
Дым рыжих кадил
Смешав с черной копотью пороховой,
Не крест, а знамена подняв над собой,
Ты записи рабства пути преградил.
«МЕЧ, САБЛЯ И ПУЛЯ, РУЖЕЙНЫЙ ПРИЦЕЛ —
ВОТ НАШИ ИГРУШКИ»,— врагу ты пропел.

Все то, что рассеяно было — слилось,
Цель, сердце и воля —
В одно собралось.

И чадные пули отважных стрелков
Смердели в сердцах вековечных врагов.
Им Родина вся, от зари до зари,
Внимала:
«БОЙЦЫ МЫ, А НЕ ДИКАРИ»,
Испуганный враг их не слышать не мог:
«У ВАС ЕСТЬ СУЛТАН,
НО ЗАТО — С НАМИ БОГ».

Как голос наш собственный, слышался глас:
«ЛЮДЕЙ УБИВАТЬ
МЫ УЧИЛИСЬ У ВАС»...

И замерли церкви,
Застыли во мгле —
В них четырехмесячный траур царил,
Поскольку шагала Борьба по земле,
Как Масленица, буйных полная сил,
Престолов святых занавешен порог
Был всюду на четырехмесячный срок,
Поскольку шагало с открытым лицом
Геройство
И жарким своим каблуком
Рождало Свободы
Грохочущий гром.
Невеста,
Молодка,
Ребенок
И мать
Спешили одежды нарядные снять,
Взамен — власяницы надели они,
Как воин доспехи в тревожные дни.
В армянских сердцах,
Что раскрылись, как зал,
Где близким концом для уныния стал
Вопрос «или — или»,
Теперь танцевал
Дух гордой Свободы, как дикий скакун,
В чем ржанье могучем нет горестных струн.

Там — войско в одиннадцать тысяч — врагов,
Здесь — только шесть тысяч бойцов-храбрецов,
Но с бесчеловечным османом в борьбе
Народ целый
Рок свой распял на себе.
И вражеский меч,
Что шесть долгих веков
Терзал изголовие наших детей
Над их колыбелью,
И сабля врагов —
Попали на острый наш лемех теперь,
На лезвия наших усталых серпов,
На острые иглы, что бабки хранят,

На детский наивный и пристальный взгляд,
На наших тоныров железный скелет,
На душу гайканскую — смерти ей нет! —
И не на наложницу дух возложил
Свои десять пальцев, дарующих свет,
А кровью защитника их окропил,
Чтоб богоявления день наступил
И каждый народ бы — свое получил...

В одежде своей вардапета, он в бой
Вмешаться бы мог,
Если б вдруг захотел,
И словом своим ободрил и согрел
Отчаявшихся,
И повел за собой
Отважных,
Как новый Гевонд-иерей *,
Но нет, он на жертвенный стол возложил
Иное оружие:
Сына родил
Народ музыкантом —
И песней своей
Тот звал смельчаков на сраженье светло,—
Отряд,
Взвод
И полк
Шли на битву с «ЛО-ЛО».
Напев этот души бойцов укрепил:
Один — десятью стал,
А десять — как сто,
И хоть Комитаса не слышал никто,
С бойцами «ЛО-ЛО» за него говорил.

«ЛО-ЛО» над горою Сипан вознесло,
И хриплый Немрут* повторял в унисон
Раскатистым эхом:
— СИПАНА... ЛО-ЛО...
И «Сурб Карапет» *, колокольный чей звон
С семью падежами,
Летел, как гонцы,
На бой призывая:
— ЛО-ЛО, ХРАБРЕЦЫ!..
И взгорье Вараг,
И канал Шамирам

Спрягали глагол тот:
— НАСЫТИЛСЯ МЕЧ...
И к алым от крови Евфрата волнам
С улыбкой печальною Ван* свою речь
В тоске обращал:
— В НОЖНЫ ВЛОЖЕНЫ...
Нет!
Мечи не насытились, хоть и пришлось
Их в ножны вложить...
Не сбылось, не сбылось
Мечтанье о правом и страшном суде:
Армянским страданьям — борьбе и беде, —
Огромным томам красным, не довелось
Поставить в конце восклицательный знак...
Но снова свернулась армянская кровь
В минуты народной беды —
А раз так,
То, значит, и рана затянется вновь...

И снова пришла за зимою весна,
И встретила лето за нею страна,
И вот —
Поначалу от боли бледна,
Немного растерянна, удивлена,
Затем —
Лаской вешнею озарена,
Улыбка проснулась на лицах армян,
ЛО-ЛО, обессилев, сложила крыла,
Застряла в гортани сухой ВАЙ-АМАН,
Но звонким весельем НАЙ-НАЙ ожила...

А там, где был песенный звон,
Там и он...

ПОЛУДЕННЫЙ ТРЕЗВОН

ЗВОН ПАЛОМНИЧЕСТВА

И снова осень красит все подряд,
Работая с рассвета допоздна,
Зато крестьянин передышке рад,
Когда уже волом привезена

Телега с золотым помолом в дом,
Когда полно солений в доме том,
Когда курси* расшатанный подбит
И крепостной стеной кизяк* лежит.

Земля,
Что летом облачка ждала
И душу бы за воду отдала,
Как промокашка, впитывает впрок
И дождь, и легкий иней, и снежок.
То ночью мерзнет,
То потеет днем
И, хрупкая, осенним холодком,
Как мумию, все муки претерпя,
Тихонько бальзамирует себя.

Ореховые рощи и сады
Среди полей в волнистые ряды
Листву кладут,—
Как свадебный наряд
Невесты юной,
Складки их лежат.
И только разрумянившийся пшат
Навис, весь в алых гроздьях, над горой,
Как сбившийся в клубок пчелиный рой.

Гуляка-ветер потерял покой,
Как юноша — бездельник разбитной,
Сюда несется и летит туда,
То за скалу заглянет иногда,
То вдруг бороться с деревом начнет,
И всюду он свой длинный нос сует —
В пустую вазу,
За сундук и стол,
Молодке под таинственный подол.

Вновь надевают среди скал ручьи
Стекло на юркие тела свои,
В домах же, где теплом согрет уют,
По стеклам слезы радости текут.
В тоныре каждом
Каурма стоит —
Томится масло, соль в котлах кипит.
На хаш зовут и старца, и юнца.

И арису*, стирая пот с лица,
Помешивая, варят без конца.
Рожденье чье-то — здесь,
Крестины — там,
И водка улыбается устам,
И каждая часовня — место встреч,
В монастырях — паломников не счесть,
И каждая дорога и тропа
Следами украшается —
Толпа
В лаптях, чувяках, просто босиком
К монастырям шагает прямиком
Из ближних сел и дальних сел...
Плетется за хозяином осел,
Ягненок впереди него бежит,
Но, за веревку дернутый, дрожит
И кашляет фальшиво, словно ждет,
Что блеяньем вдруг станет кашель тот.

Из черного гудящего котла,
Что на себе спина осла несла,
Как рыцарь из своих железных лат,
Надменностью и гордостью объят,
То вскинет
Золотистый петушок,
То уберет
Свой красный гребешок,
То огненными крыльями трясет,
Сноп искр рассыпав,
Пламя, что не жжет.

И тянется телег скрипучих тьма,
От копчика до самого ярма
Нагруженных шумливой детворой,
Кувшинами, тарелками, едой,
Младенцами, чьи люльки тоже тут,
И девушками, чьи улыбки жгут.
А вот и свист кнут гибкий издает,
Но прежде чем он бок быка найдет,
Он в синем небе делает разрез,
Как молния, упавшая с небес.

Кто — радостен,
Кто — горя не таит,

Тот — сирота,— нахохлившись, сидит
Птенцом печальным,
Этот — озарен
Улыбкой, потому что счастлив он,
А этот — бледен,
Тот — розовощек,
Но в каждом сердце — богомолья срок.
Топ-топ!
Скрип-скрип!
То вечер... то заря...
Но вот доходят до монастыря,
Паломничества места...
Треск лампад,
Плывет их благовонный аромат,
И свечи, словно яркие цветы,
Сверкают желтизной из темноты.
И на колени валится народ,
В едином хоре: «Господи!» — зовет.
Потом веревки развязать спешат
На стертых шеях жертвенных ягнят,
И, грея ледяной плитняк двора,
Кровь жертвы льется с ночи до утра...

Бьет барабан, звучит напев зурны *—
Чтоб древние монастыри страны
Вдруг превратились в площадь, что полна
Веселья
И от радости пьяна.

ХОРОВОДНЫЙ ЗВОН

И вскакивают с мест, легки,—
Стан узок, плечи широки,
Усы как острые ростки,—
Лихие парни — рост и стать.
Мужчина — каждый бородат,
Грудь в волосах,
Глаза горят,
И лица их опалены,
И жарок праздничный наряд.
На них чуха * иль архалук,
И пояс шерстяной вокруг,
Ремень серебрянный упруг,

Надеты пестрые носки
Под хромовые сапоги
Иль под чувяк, чей черный нос
Похож на скорпиона хвост.

Вскочив, идут безмолвно в ряд,
Их лица смуглотой горят,
Как пирамида, как стена,
Мужчины-храбрецы стоят.

И начат танец круговой:
Тяжелой поступью идут,
Не хлопают и не поют,
Идут, размеренно идут,
Прошли два круга не спеша,
Чуть запинаясь, чуть дыша,
Но вот уже ускорен шаг,
И голосистый парень вдруг
Запел, и песня ввысь взвилась:
— О, БОГОМАТЕРЬ, ТЫ ПОЗВОЛЬ МНЕ
К ПЛАТЬЮ ТВОЕМУ ПРИПАСТЬ!..—
Хор плясовую подхватил:
— О, БОГОМАТЕРЬ!..—
Видно, власть
У богоматери сильна —
И девушек влечет она
Поближе к кругу, где ведет
Поющий парень хоровод:
— АХ, ДЖАН, ДОЙТИ БЫ ПОСКОРЕЙ
МНЕ ДО ЛЮБИМОЙ ДО СВОЕЙ!..—
Хор подхватил и тянет вновь:
— МНЕ ДО ЛЮБИМОЙ ДО СВОЕЙ!..

А хоровод растет, растет,
И барабан по сердцу бьет,
И узелки зурна плетет,
Она мелодию дробит,
И песне барабан грозит,
Но им ее не разорвать,
Вот быстренько она опять
Осколки вместе собрала,
И напряглась,
И поплыла,
Учетверяясь на ветру:

— АХ, ЕСЛИ ЗАМУЖ ЗА НЕГО
НЕ ВЫЙДУ —
Я ТОГДА УМРУ!..

От грубой дроби твердых рук
Сам барабан пришел в испуг,
И безволосое лицо
Он по неволе сморщил вдруг,
И слезы, кажется, видны
На темных дырочках зурны.
Как шмель, в кудрявых волосах
Осенний ветерок жужжит,
Но жала он не обнажит —
Он только хочет к ним прильнуть:
— КОГДА ПОВЕЕТ ВЕТЕРОК,
ТО ОН ТВОЮ ОТКРОЕТ ГРУДЬ...

Молодки и невесты ждут,
Капризничают, не идут
В широкий круг, где им поют:
— ПРИДИ, РОДНАЯ!..—
Но от ног
Уже к рукам стремится ток,
Звучит стыдливый их смешок,
Притворный слышится испуг,
Когда под аханье подруг
Одна вдруг вскакивает в круг:
— АЙ, ДОРОГАЯ!..—
И за ней
Следят подруги стайкой всей,
Как перепелки — в такт бока
Раскачиваются слегка.
Ах, что за девушки стоят!
Вкус солнца их уста таят,
И гибок — стан, и жарок — взгляд,
И кос — четыре ручейка,
Грудь материнская — туга,
И пламенны,
И аромат,
Как ладан, сладостно струят.
Пригожи —
То зажгут любовь,
То вдруг ее погасят вновь,
Для десяти — палач-судьба,

Для одного — навек раба.
На лбах — уборы из монет,
И пояс — в золото одет,
Вот, затмевая солнца свет,
Переливая легкий звон,
Вдруг в ряд сошлись со всех сторон,
Точь-в-точь как бусинки на нить,
Оттенков тысячью манить.

Круг расширяется, растет,
То он узлы,
То кольца вьет,
И заводила хоровод
Веселой песней тормошит:
— Что ты ломаешься, яр джан,
С тобой ведь сердце говорит! —
И тянет хор:
— ОЙ, МОЯ ДЖАН!

— С тобой болтать желанья нет,
Знай, болтунам не верю я,—
Пропела девушка в ответ.
И хор за нею тянет вслед:
— АХ, МАМА МИЛАЯ МОЯ! —
Но балагура не унять,
Пожара в сердце не тая,
Он хочет девушку прервать,
Но вот беда — во рту язык,
Как ключ, сломался в этот миг.
А хор:
— Ха! Ха! Хе! Хе! Ха! Ха! —
Звенит,
Летит за облака.
Но юноша, хоть уязвлен,
Не сдался — жадно ищет он
Необходимые слова,
И очередь дошла едва:
— На богомолье я пришел с огнем в груди,
сожженный весь,
Заворожить твое хотел я ледяное сердце здесь...
— Я процелую стол насквозь,
Чтоб заклинанье не сбылось!
— Кто видел, гибкую, тебя,
Забудет даже хлеб, любя...
— Ну, хватит врать, собачий зять,

Хоть веточка и зелена,
Но не сломается она...
— Забуду хлеб, забуду дом,
В ваш дом войду я батраком...
— И все же ветку не сломать,
Твоя работа — складно врать...—
И снова в спор
Вмешался хор —
Дрожит от выкриков простор.
А барабанщик с зурначом
Трноци[1] играют горячо —
Мелодия стройна, нежна,
То сложится на миг она,
То изогнется, как волна,
Игривой пеной в молодых
Сердцах клокочет,
А седых,
Поживших женщин зависть жжет,
Рот даже жвачку не жует —
Немного от зубов кривых
Пусть и она передохнет.

Монистов отблеск — с шеи той
И отблеск пояска — с другой
Играют, как лучом заря,
На плитах стен монастыря,
И, барабанщику упав на узкий лоб, они горят,
В глубь выпученных глаз скользят
Откормленного зурнача.

А барабанщик бьет сплеча,
Ногой хромою в такт стуча,—
На палку хочет намотать
Мелодию свою опять.
Раздутых щек у зурнача
Мехи опали — смолк он вдруг,
Не видящие ничего
Глаза багровые его,
Что вылезали из орбит
От выпитого и натуг,
Глаза огромные вола,
Что за собою тянет плуг,

---

[1] Трноци — народный армянский танец.

Приобрели нормальный вид...
А за оградою двора —
Вновь пляска, музыка, игра,
Любви весенние ростки,
Мечты зеленые листки,
Души,
Что груз тоски сняла,
Надежды взмах,
Как взмах крыла.

Здесь —
В схватке, словно два бычка,
Сошлись под смех
Два паренька,
Там —
Тайно
Трепетной рукой
Колечко дарят дорогой,
И, пламенем любовным яр,
Он пальчик жжет любимой яр.

Здесь —
Старики, как ребятня,
Играют, бабками звеня.
Там —
Сплетнями упиться всласть
Толпа старушек собралась.

А богомольцев рать растет —
Кто в храм, кто из него идет,
Трепещет телка — жертва ждет,
В последний раз бычок ревет,
Ку-ка-реку! — петух орет,
Хоть нож наточится вот-вот.

А здесь,
На этой стороне,
Канатоходец в вышине
Ползет,
А скоморох под ним
Дерется с ветром озорным,
Который тоже кувырком
Несется, пыль подняв столбом,
И вдруг с чухи воскресной грязь

Отряхивает, веселясь,
И греет холод рук своих
О бедра женщин молодых...

И двигается целый день
Монастыря живая тень,
То наползет, то отползет.
Огромный монастырский свод
С гигантской черепахой схож —
Неповоротлив, толстокож,
То тянет голову к теплу,
То прячет в панцирную мглу.
И постепенно
Тени гор
На цыпочках через простор
К нему в безмолвии скользят
И, выпучив глаза, глядят...
Пока костров темнеет взгляд
И гаснет пламя очага,
Краснеют в небе облака —
Кровь солнца павшего на них
Как жертвенная кровь быка.

Тьма молча гасит гул шагов,
Все тише шелест голосов,
Он замирает. И никто,
Лишь ангела, быть может, взгляд,
Что всепрощением объят,
Никто из тех, кто в круг входил,
Внимания не обратил
На незнакомца с бородой,
Что, с кровли свесившись крутой,
За ними целый день следит,
Что у него блаженный вид,
Что восхищения волна
В безбрежном сердце взметена,
Что он улыбкой озарен,
Что, упиваясь, ловит он
Мелодий, песен каждый звук
И на бумаге быстро вдруг
Рисует?
Или пишет он? —
Кривых узоров вязь темна,
И чернокнижников она
Напоминает письмена.

Мог ли представить, хоть на миг,
Крестьянин, что душой привык
В наивной простоте своей
Бояться бога с юных дней,
Что вардапет — отец святой,
С усами, с черной бородой,
Шел в монастырь — и не вошел,
Что здесь искал он и нашел
Не отпущение грехов,
А прибаутки остряков,
Языческих напевов сласть,
Пустопорожних песен власть,
Разгул греховного огня:
— ПРОСТИ, О ГОСПОДИ,
МЕНЯ!

ПРЕДЗИМНИЙ ЗВОН

Все глубже осень — отжила она свой век.
На Арагаце и Масисе выпал снег,
На кровле сушатся снопы сухой лозы,
Чтоб тут же отсыреть от утренней росы
Или от инея в вечерние часы.
А в то же время — по подвалам, кладовым
Висящих гроздьев виноградных сизый дым,
Они сжимаются упруго,
Гроздья те,
Они касаются друг друга
В темноте,
Им, полновесным, жарко в душной тесноте.

Такие сливки на мацуне, что порой
Втыкаешь ложку, как лопату, в толстый слой,
Но почему-то в это время всех вокруг
При виде жирного мацуна бьет испуг,
И даже масло золотое, что вчера
Огромной тыквою глядело из ведра,
Яичком маленьким сегодня в нем лежит,—
Как все вокруг, исчезнуть и оно спешит.

Готовятся, дождь мелкий сея,
Небеса
Украсить снегом горы, нивы и леса,

И стали тоньше, растянулись в волосок
Родник смеющийся и попрыгун-поток.

И с каждым днем — мир больше дружит с тишиной:
Звон бабок, нардов * стук
Не слышен за стеной —
Довольно холодно уже, и гуще тьма.

Вслед за красильщицею-осенью сама
Самоуверенная властная зима
С небес задернутых идет степенно вниз,
По кручам, по камням, с карниза на карниз,
Садится медленно, садится тяжело,
Со всей серьезностью берясь за ремесло...
За рисование,
Хотя палитры нет,
Поскольку признает она лишь белый цвет.

Когда же солнце, проглянув сквозь облака,
Улыбкой слабой озаряется слегка
(Слабей, чем на лице больного бедняка),
То превращаются в капель и снег, и лед,
Но лишь начнут — их тут же оторопь берет,
И, осознав свою оплошность, тут же в ряд
Нанизываются на желоб, на фасад.
И — как тогда их не заметить! —
Здесь и там,
Особенно со стен, что окружают храм,
Сосульки свешиваются
Одна длинней другой —
Их аппетитный вид оценен детворой,
А бабки сказкой их пугают нараспев:
Что это пальцы оттопырил Белый Дэв *
И приготовился вцепиться в них клешней,
Пусть не собьют они сосульки ни одной,
А то, не дай-то бог, решат их пососать —
Тут «кашля синего» * никак не избежать...

Из дымоходов, лишь рассвет едва взойдет,
Тоныры жарким дымом дышат в небосвод,
Как будто в самом деле Черный Дэв уснул
И до небес свое дыханье протянул.

Когда же к зимней белизне, что так остра,
Примешивают люди, словно мошкара,
И черноту свою, и нрав безумный свой,
Когда, покинув теплый дом, они гурьбой
Идут куда-то, чтоб вернуться в тот же дом,
И от дыханья иней красит серебром
Усы густые,
Что, как крылья у скворца,
Стоят торчком по обе стороны лица,—
То именно тогда,
В тот самый миг, мороз
На караул встает, его нести всерьез,
А строгим сторожем бесплатным всех земель
И сущего всего
Становится метель...

Все камни стен
В пустом хлеву у бедняка
Так густо выбелила инея рука,
Что любящие соль
Телята и бычки,
Приняв за соль тот иней,
Тянут язычки,
Чтобы, увы, лизнув,
Отдернуть свой язык.
И чувство странное сжимает в этот миг
Сердца наивные, что, к счастью, не поймут —
То чувство разочарованием зовут...

И в пору позднюю,
Когда уже давно
Крупу просеяли, провеяли зерно
И засолили
Все, что надо засолить,
Когда успели в яму лишнее зарыть,
И все вокруг
В порядок полный привели,
И залатать кувшин
Известкою смогли,
И все заплаты
На одежды нанесли,
Когда, на кровле видя кривошеий стог,
Невольно кажется, что ты и сам продрог,
Но в том кривом стогу, хоть сверху снег и лед,

Внутри тепло цыпленком маленьким живет —
Как будто летом полонили на лугу,
И привели сюда,
И спрятали в стогу
Ломоть горячий солнца и весны убор,
С ее травой, что не поблекла до сих пор,
С морями пахнущих цветов, что тихо спят
Сном летаргическим, но аромат струят,
В такую пору позднюю,
Когда лежит
В углу
Сплошной горой
Без дела
Целый склад
Незаменимых вил и дорогих лопат,
И дышла длинные, и ярма, и кнуты
Лежат без дела и взирают с высоты
На деревянную лопату, что одна
Снег чистить с плоских крыш и со двора должна,
В такую пору,
Если дела не иметь,
Крестьянину что остается, как не петь,
Как не плясать, как душу водкою не греть?
И самая пора настала для венца,
И свадьбы правятся повсюду без конца...

СВАДЕБНЫЙ ЗВОН

Едва протрет глаза заря —
На кровле у отца царя [1]
Уже зурна напев ведет,
И к дому тянется народ,
Соседи за родней идут,
Односельчане тут как тут,
Идут смирить весельем грусть —
Здесь светлый праздник как-никак! —
По воле божьей
Каждый пусть
Им удостоится очаг!

---

[1] То есть жениха — в народных свадебных песнях жениха зовут царем, а невесту царицей.

Теперь зурна — весь день крутись:
Налево, вправо,
Вверх и вниз.
А люди с водкою вино
Мешают — лишь ему дано
И в радость горе обратить,
И боль любую утолить.
Кто в меру, кто без меры пьет,
За чаркой чарка льется в рот,—
Пусть сердце против головы,
Любя свободу, восстает!
И барабан, чей грозен вид,
В знак одобрения гремит,
И колебанья позади —
Скорей на танец выходи!
Но бабка или старый дед
Уже кричат танцорам вслед:
— Родители невесты нас который час,
волнуясь, ждут...

И с шумом, с песнями идут
Из дома через полный двор,
Через калитку и гумно —
От водки затуманен взор,
В сердцах горящее вино,
Кто шутит грубо, но не зло,
Кто нежной страсти не таит —
Толпа течет через село
Туда, где свата дом стоит.

А музыка сошла с ума — бьет барабан,
ревет зурна.
И, музыкантов обогнав, подтянут,
тонок как струна
Парнишка смуглый впереди —
Друг закадычный жениха,
Ногами он, ты погляди,
Земли касается слегка,
А руки в воздухе гребут.
Вот он присел — усталый вид,—
Но через миг летит, вспорхнув,
И, ногу в воздухе согнув,
Как цапля, на другой стоит,
Затем — шажками семенит,

На вид — стремительно бежит,
На деле — топоча, стоит,
Потом опять меняет шаг,
Вышагивает робко так,
Как будто в лужу или в грязь
Боится он ногой попасть.

И солнце зимнее на миг,
Зурны услышав дикий крик,
Из тучи вышло — и светло
Сверкнуло битое стекло
Солонки той, что на беду
Разбили и швырнули в грязь,
И вот, похожа на звезду,
Она вдруг вспыхнула, лучась.

Теперь танцует, как плывет,
Старуха, матери сестра,
И будто кто-то масло льет
В огонь веселого костра:
От шуток — жаром бьет в лицо
И горячее — смех летит,
Но даже острое словцо
Боль оскорбленья не таит...

Ах, Вардапет,
Вот так они
Всегда гуляют в эти дни,
Так с песней,
С пляской, со смешком
Они войдут к невесте в дом,
Потом, согрев сердца вином,
Попросят у нее поднос
(Подарки каждый ведь принес!),
И будут целовать старух,
И за вино благодарить,
И, водкой утоляя дух,
Без утоленья будут пить.
Ах, Вардапет,
Как им велит
Обычай —
Дальше предстоит
Затеять перепалку, спор,
И под шутливый разговор

Стащить курчонка из котла,
Тарелку свистнуть со стола.
И вора за уши схватить,
Бороться, весело шутить,
И песней опалять сердца,
И в ней излиться до конца.
Ах, Вардапет,
Тебе ль не знать,
Как вывалятся все опять
Во двор, порядком под хмельком,
И в церковь двинутся гуськом.
Иные — пряча жадный взгляд —
На спины женские глядят,
Иные — кренделя плетут,
Потом в часовню все войдут,
Где стертые, в пыли, их ждут
Грабара ветхие слова,
Который им знаком едва, —
Все понимают, как один,
Лишь фразу:
— ГОСПОДИ, Я СЫН...
Обряд, что видел сотни раз,
Хоть и святой,
Но, Вардапет,
Приелся так, что спасу нет:
Чадит, в свечах, иконостас,
Дымит кадило — нос опять
Невольно хочется чесать,
Евангелие жертвы ждет, чтоб клятв слова
запечатлеть,
Пергаментом иссохших губ оно спешит
прошелестеть:
Удел счастливый — одному,
Другому — вечную тюрьму...

И снова тянется толпа, церковный покидая
кров,
И родственники всех мастей столы выносят
из домов,
Как их вниманьем не почтить —
Не выпить и не закусить.

И палка отбивает дробь,
Бьет с маху барабану в лоб,

Из дырочек зурны летят
Колечки, выстроившись в ряд,
Потом застежкой из рулад
Она скрепляет их опять,
Чтоб цепь мелодии создать...

Усталый ветер добрым стал,
И снег на грудь его упал,
Не снег — калека из калек.

Пришли.
Стреляют из ружья —
Стреляют прямо в небеса,
Которые на полчаса
Раскрыли черных туч края.
Пускай стреляют —
Небосвод
На суд людей не призовет,
Великодушен он ко всем,
И незлопамятен совсем,
И чувства мести он лишен,
Его улыбка — голуба,
Смеется величаво он —
Щекотку вызвала стрельба.
При входе в дом
С царицей царь
(Так повелось в народе встарь)
Под ливень попадают вдруг —
На головы их с высоты
Пшат сыплется, изюм, урюк,
Листки бумажные, цветы.
А ливень переходит в град,
В нем — груши, яблоки, гранат,
Прекрасней крашеных яиц
Живые краски их горят.

И разбивают о порог
Тарелочку у царских ног —
Дробится камнем так луна
В спокойном озере,—
Она
Все горе взять с собой должна...

Ну, Вардапет, теперь пора
Под стук стаканов до утра
Здесь песням свадебным звучать,
Букетом ярким расцветать.
Ты ценишь их, ты любишь их:
Тебе знаком — напев одних,
В других — ты открываешь клад,
И все — внимания хотят.

И вправду, вьется в доме том
Под закопченным потолком
Неповторимых песен рой —
Хвала сменяется хвалой:
Чухе царя, что из сукна,
Рубашке — соткана она
Из пряжи шерстяной была,
Носкам в горошинку — хвала,
И поясу, что дал отец,
Хвала коню — за масть и стать,
И седоку,
А под конец:
    — ДА БУДЕТ
    БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ
    ЦАРЮ, НАДЕВШЕМУ ВЕНЕЦ!
А ветер зимний, озверев,
Грозит бураном ледяным —
За стенкой свадебный напев,
Но дверь закрыли перед ним.
Он в дверь стучит, в окно рычит,
По плоской крыше снег метет
И засыпает дымоход,
Который целый год открыт,
Кидает снег за горстью горсть —
Как будто соль незваный гость
Швыряет в кушанье, чтоб тем
Пересолить его совсем.

Пусть пьют пока за жениха,
Пусть ЖЕНИХУ ХВАЛА пока
Витает возле потолка,
Уже звучание слилось
С благоуханьем белых роз
И хризантем —
Как вешний сад
    ТВОЕЙ НЕВЕСТЫ АРОМАТ.

Притихла палочка. Зурна
Столь нежной песней смущена.
Они освободили круг —
Журчите, бубен и дудук:
— ОРЕШЕК ОТ ПЛОДОВ СКЛОНЕН,
И ВЫ ПЛОДИТЕСЬ, КАК И ОН.

А прославляющий напев
Течет, плывет,
Сердца согрев,
Как солнцем озаренный сад,
Где созревает виноград:
— ГРОЗДЬ ЗАВЯЗАЛАСЬ СРЕДЬ
ЛИСТВЫ,
ПЛОДОНОСИТЕСЬ ТАК И ВЫ.

Но вот смолкающий певец
Взял песню за ее конец,
Свернул и в узел завязал.
И каждый пьющий увидал
Себя в стакане, где винцо
Качает пьяное лицо,
И, чтобы замерло оно,
До дна он с маху пьет вино
И отдает закуске честь —
Спешит шорвы* тарелку съесть,
Фунт мяса жирного потом
Съедает с аппетитом он,
Как будто в рвении святом
На долгий пост был обречен.

Теперь и бубен и дудук
Играют нежный ТАНЕЦ РУК,
И девушка, чуть осмелев от просьб и от
толчков подруг,
Под восхищенный крик и стон «вай-вай!»,
«ах-ах!» выходит в круг.
Прекрасна зрелая краса,
Пушиста темная коса,
Стыдливый слышится смешок,
Поднять ресницы нелегко,
Но первый делает шажок
И за прозрачное ушко
Прядь непокорную кладет.

А музыка — то к ней плывет,
То замирает, отступив,
Но вот, мгновенье уловив,
С ней слиться девушка спешит,
Смущенья миг уже забыт,
Стан гнется, гнется, как тростник,
Она скользит,
Да так скользит
В своей чарующей красе,
Что даже дудукист, как все,
Дыханье задержал на миг...
Тут возбудимый бубен вновь, такт отбивая,
стал бубнить,
Мелодия напряжена, она натянута, как нить,
И руки вспугнутые ввысь
Метнулись, а потом сошлись
На сердце плавно, не спеша,
Уже волненьем не дыша.
Кокетливо
Одной ногой
То встанет вдруг на каблучок,
То вдруг на всю ступню встает,
К ней льнет ковер, как дурачок,
И жадно поцелуя ждет,
Другая между тем скользит,
И в ней волнение сквозит,
Как будто нравится самой
Ей гладить ворс ковра густой.
Она танцует,
И слезой глаза у всех увлажнены,
Она танцует,
И цветы на платье пестром взметены,
Вот в складки платье собралось,
и по-предательски видны
Все формы скрытые ее, что так волнующе
нежны.
И стрелы взглядов к ней летят,
Но, встретив похотливый взгляд,
Она встает,
И поворот
Вращенье телу придает,
И платье в повороте том
Ее становится щитом.

Как жарок
Танец огневой —
И забывают возраст свой
Мальчишка и старик седой,
Здесь возраст просто ни при чем,
Хлопки взлетают горячо,
От них вздымается фата
И опускается фата
Невесты —
А сама она,
Как статуя, сидеть должна,
И у сестры невесты в такт
Платок трепещет, словно флаг,—
Откроет родинку на миг
И тут же прячет в свой тайник.
И сам жених в ладоши бьет,
Забыв, чья свадьба здесь идет,
Что он не дру́жка, наконец,
И не посаженый отец.

Ну, а она... не видит, что ль,
Не слышит, что ль, восторга боль?!
Ее движения точны,
Но так застенчиво нежны,
Что ножка ворса не помнет,
Каблук ласкает, а не бьет,
И платье, как от ветерка,
То раздувается слегка,
Подвластно быстрым каблучкам,
То, застеснявшись, льнет к ногам.

Юнцы с ума сойдут вот-вот,
В сердцах мужчин любовь растет —
И жадный, предающий взгляд
Они в ресницах скрыть спешат
И рот спешат покрепче сжать,
Чтоб дрожь безвольных губ унять.

Ах, Вардапет, ты не забыл
Тот день,
Весенних полный сил!
И девушек ты помнишь тех,
Что вышли в поле рвать сибех,
И бегство в келью, в душный мрак...

Хоть это было
Так давно,
Ах, Вардапет,
Тебе никак
Забыть то бегство не дано.
И как забыть,
Когда всю ночь
Ты сон мучительный гнал прочь,
А он все жалил, и была
Боль сладкой, хоть она и жгла,—
Такой же, как и в этот миг...

И в этот миг
Под дружный крик
Храбрец в тугой чухе возник —
Огонь в глазах у храбреца,
Как пламя горна кузнеца,
А брови — угольно-черны,
Тугого пояса кольцо,
Взгляд строг, упрямое лицо,
Движения напряжены.
Он, как медведь, выходит в круг
И кружится
Под гром и стук,
Но... палочки удачный взмах,
И пойман ритм,
И на глазах
Медведь стал тигром,
Вот прыжок —
И он летит под потолок,
И как — никто не объяснит —
Он прямо в воздухе висит.

И у танцующей —
На мост ее двухарочных бровей,
Приходит дума,
Чтоб решить: как поступить, что делать ей?
Вот мост бровей весами стал, и разрешается
глазам
Одну из чаш бровей поднять, придав
движение весам,
Потом другую опустить,
Чтоб взвешенный найти ответ
И той немой игрой решить

Его судьбу —
«Да» или «нет»...

Ступая тихо, чуть дыша, по кругу девушка
идет,
Так осторожно, будто впрямь под нею не
ковер,
А лед,—
Вдруг поскользнется, упадет,
Боль — ничего, переживет!
А ножка будет вдруг видна —
Тут опозорится она!
А парень —
тот наоборот:
О пол ногами быстро бьет,
Как будто у него не лед
Под ними,
А огонь сплошной,
Костер огромный разведен,
И, чтобы не обжечься, он
Соприкасается с землей
Как можно реже,—
Ввысь летит
И, замирая там, висит...

А девушка скользит, стройна,
Еще жеманится она,
Ее улыбка —
Как росток
Весеннего цветка того,
Чей сладок нежный стебелек,
Но и колючки у него.
Боль парня — зла и горяча,
И, как подкошенный, тогда
Летит он на пол, грохоча.
Согнулись ноги, семенят,
Но тело — словно монолит,
А руки... Ярость в них кипит! —
То вверх, то вниз они летят,
Кого-то ищут и зовут,
Колеблются, чего-то ждут,
Кого-то, разъярясь опять,
Хотят догнать, хотят поймать.
И кажется — в ночной тиши

Идет незримая борьба.
Опять — подскок:
— ТАШИ-ТУШИ! —
Затем — тихонько:
— ОПТТА-ТМБА! [1] —
А в танце снова — пыл и жар,
И стали пениться, легки,
На парне крылья шаровар,
Как в кузнице из кож мехи.

Поближе дети подошли, столпились
взрослые вокруг.
С танцующих не сводят глаз,
еще тесней сжимая круг.
И жар сердечный отдают,
Когда в ладоши громко бьют,
Чтоб ритм звенящий не исчез,
Подогревают танец:
— СЭ-С-С-С!..
И женщины в душе клянут
Мужей-болванов и кладут
На грудь ладонь, чтоб боль унять
И то, что стало... набухать.

Пока танцующий — тук! тук! —
Топочет так, как будто гвоздь
В промерзший пол вбивать пришлось,
И служит молотком каблук,
Пока быстрее ног лихих
И независимо от них
Танцуют плечи танец свой,
Гляди — у девушки другой
Густых бровей мосты сошлись,
Отдельный танец — пляшет кисть,
Отдельно — пляшут и глаза,
В которых прячется гроза,
Танцует все отдельно в джан:
Согнувшись — ножка,
Стройно — стан,
А шея — наклонясь чуть-чуть,
Головка — прямо,
Как и грудь.
А две голубки — две руки

---

[1] Таши-туши, оптта-тмба — возгласы поощрения.

Летают, гибки и легки,
То чуть касаются земли,
Как будто зерна там нашли,
То снова в вышине парят,
Но вот они к гнезду летят —
И кружатся над головой,
Кончая танец круговой,
И, облетев со всех сторон,
Степенный отдают поклон,
Как будто просят извинить,
Что танец надо прекратить,
И опускаются на грудь,
Чтобы вздохнуть
И отдохнуть,
А парень — тот в последний раз,
На согнутой ноге кружась,
Отчаянно взлетает ввысь.
Шесть-семь секунд висит, прямой,
Подобно статуе немой,
И на колено с маху вниз,
Как камень рухнувший, летит...

И новый тост уже звучит:
В нем жениха отцу — хвала
И матери его — хвала,
Потом сказать пора пришла
За юных тост и за седых,
За всех усопших и живых.

Ах, Вардапет, теперь черед
Прославить в песне настает
И деда с бабкой, и сестер,
И братьев — каждому даря
Один куплет,
Их просит хор:

— ЧТОБ СЕЛИ ЗА СТОЛОМ СВЯТЫМ,
СОПРИКОСНУВ КОЛЕНО С НИМ,
ГОРЯ ЖЕЛАНИЕМ ОДНИМ —
ДОБРА ДЛЯ НАШЕГО ЦАРЯ...

Затем шутник надумал петь,
Не петь, вернее, а хрипеть
И требовать, а не просить
Его за хрип вознаградить!

СТОЛ ПОЛНЫЙ СНЕДИ —
От отца,
От брата —
НА ШАШЛЫК ТЕЛЬЦА,
А от сестры —
СЕМЬ ПАР НОСКОВ,
Хоть знает, что в конце концов,
В душе хозяев не виня,
Получит только
ДВУХ ПТЕНЦОВ
ДА КАРАВАЙ ИЗ ЯЧМЕНЯ...

И новых тостов череда
Тянуться будет, как всегда,
Знакомых с детства наизусть,
Традиционных,
Вкусных пусть,
Но надоевших с детских лет,
Как одинаковый обед.
И до́лжно их запить потом
Бодрящей водкой и вином
И надо тошноте им путь
Кусочком хашламы* заткнуть.

Еще, о Вардапет, твой взор
Увидит, как несет ШОРОР [1]
Колышущихся волн хребты,
Затем НАЗПАР увидишь ты,
И девушка,
Ах, Вардапет,
Сама не ведая того,
Всей страстью танца своего
Монаха, давшего обет,
Тебя заставит вспомнить... нет,
Не пресный рай,
А тот дженнат*,
Где тихо гурии скользят,
Где козни черные сплело
Несуществующее зло.

Затем... еще...
Есть и ДАРЦПАР,

---

[1] Шорор, назпар, дарцпар, кочари — названия армянских народных танцев.

Есть и ТРНОЦИ и КОЧАРИ,—
Уже за руки, посмотри,
Друг друга взяли млад и стар...

У барабанщика давно
От возбужденья и вина
Физиономия красна,
И с палочкою
Заодно
Он встряхивает, словно гроздь,
Копну нечесаных волос,
И в такт заправским петухом
Он кукарекает притом:
— Ай, ша-абаш, вот это да! —
«Десятки» — результат труда —
Слюнявит тщательно и... хлоп —
То лепит их себе на лоб,
То под шапчонку их сует,
Они торчат из-под нее,
Замкнув в бумажное кольцо
Затылок, уши и лицо.

Ах, эта детская гульба
Моих наивных дедов —
Ей
Семь длиться дней и семь ночей,
Что в песнях, в танцах промелькнут
И пьяных драк не избегут...
Ах, эта детская гульба
Моих наивных дедов —
Ей
Гулять судьбою повод дан:
В честь — неродившихся детей,
В честь — непосеянных семян.

Ах, клады песенной казны,
Не знали деды им цены —
Мелодиям и танцам тем —
И не заботились совсем,
Кто автор их,—
Бери сполна,
Нет у сокровищницы дна,
И, песен груды вороша,
Крестьянин — щедрая душа, —
Как это было каждый раз

Как и по случаю сейчас,
На свадьбе —
Песнею своей
Желает счастья и детей,
Любви, единства, всяких благ
И забывает в миг святой —
Не все сбывается порой,
А может ведь случиться так...

ГОРЕСТНЫЙ ЗВОН

А ведь могло случиться так,—
Не дай-то бог, как говорят! —
В постели у невесты, что благоухает, словно сад,
Сопя ягненком,
Ночи все сном беспробудным крепко спал
Жених, который лишь всего тринадцать весен повидал,
Спиной — к невесте, а лицом — к стене, что холоднее льда.

Что было делать ей тогда,
Что было делать ей тогда?..

Ах, словно оселок она, что встретился с косой тупой.
И даже камнем будь, и то истерлась бы от встречи той,
Забившись в уголок глухой,
С опущенною головой,
Кусая кисти полных рук,
Кляня судьбу и все вокруг,
Мечтой о ласке сожжена,
В слезах запела бы она:
— АХ, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, КАК МНЕ БЫТЬ,
МАЛ ЯР МОЙ, КАК МНЕ ПОСТУПИТЬ...

А ведь могло случиться так, —
Не дай-то бог, как говорят! —
Что смуглую,
С косой до пят,
Толстушку девушку женой
Взял в дом к себе ходжа седой,
Беззубый, едкий, как чеснок,
Нога — как пень, нос — как мешок,

Гной — на глазах, а голова —
На шее держится едва...

А ведь могло случиться так,
Что старец дом богатый свой
Навеки в клетку превратил
И в этой клетке золотой
Он куропатку б заточил,
Влюбленную,
Чей скорбный вид
О ране сердца говорит,—
А ведь могло случиться так,
Что с тем хрычом, кого давно уже могила заждалась,
Ей рядом с лысой головой копну волос придется
класть,
Скажите, как огонь грудей к сосульке ледяной прижать?
Скажите, как ей засыпать
В объятьях холоднее льда,
Как в песне мать не проклинать,
Как ей не повторять всегда,
Что загубила до конца
Дитя любимое свое:
Ну почему за молодца
Она не выдала ее,
А за хрыча, что рядом тут?
— ПУСТЬ В МЕД ЕМУ — ВСЯ ГРЯЗЬ МОЯ,
ПУСТЬ КУРЫ ЗОЛОТО СКЛЮЮТ.
ЭХ, ОБЕЗДОЛЕННАЯ Я!..

А если б замуж отдана
Была не за ходжу она,
А шел бы с нею под венец
Любимый юноша-храбрец,
И если б дали молодым
Дырявый, старенький карпет *,
Или циновку б дали им
Взамен земли,
Эх, Вардапет,
Что ж, весело смеясь, они весь век свой прожили
бы так?

Нет, Вардапет,
Не попадет пусть в когти бедности и враг...
Еще грохочет барабан и голосит еще зурна,

Не спрятан праздничный наряд в сундук, стоящий
у окна,
А вихрь скитальчества настиг
В объятьях милой жениха
И вдаль уносит в тот же миг,
А путь-дорога далека,
Уходит он,
И... год, и два,
И даже три... он не придет.

И, от тоски едва жива,
Она тоскою и живет,
И тело раною сплошной
Горит, болит порой ночной,
Любовь дымится — едкий дым глаза усталые слезит,
Как сучья мокрые костра, когда в пещере он горит.
Постель огнем невесту жжет.
Стемнело. Милый не идет.
— ПРОКЛЯТАЯ ПОДУШКА, ПРОЧЬ,
БЕЗ МИЛОГО МНЕ СПАТЬ НЕВМОЧЬ...

Так песня — раною горит,
А рана — песнею болит,

На сердце камня тяжкий гнет,
Когда в солдаты друг идет:
— ТОТ ГОД ИСЧЕЗ БЫ И ПРОПАЛ,
КОГДА СОЛДАТОМ МИЛЫЙ СТАЛ...—
Когда не сложится любовь:
— ВЗДОХНУТЬ МНЕ СТОИТ —
КАПНЕТ КРОВЬ...—
Когда изменит клятве друг:
— КРОВЬ ЖАРКАЯ СВЕРНУЛАСЬ ВДРУГ... —
Когда...

Кем был ты, Вардапет,
Ведь матерью своей на свет
Ты не землею был рожден,
Чтоб впитывать без слов сквозь сон
Дожди,
И росы,
И снега?
Но даже если бы ты был землей, лишенной языка,
Куда, скажи, твоя душа все это бы вобрать могла?

Ведь все равно должна была
Она однажды, в снег иль в зной,
Артезианскою водой
Взорваться —
Чтоб из глубины
На все четыре стороны
Рассеять вдруг в родном краю
Фонтанов радужных струю!..

ТРЕЗВОН РАЗРАСТАЮЩИЙСЯ

ЗВОН ЧУДОТВОРЕНИЯ

Раньше — где песня была,
Там и он,
Ныне — где он,
Там и песенный звон.

В залах просторных, с концертных вершин
Слушал впервые себя армянин.
Новыми стали — как радуга струй
«ВАЙ-ЛЕ-ЛЕ-ВАЙ»
И его же «ТУЙ-ТУЙ» [1].
То же — и поле, и та же — вода,
Семя — такое же, как и всегда,
А урожай небывалый расцвел —
Очень глубокой была борозда.

Песен армянских стихийный порыв
И половодье мелодий родных,
Ливнем звучащий напев плясовых —
Больше уже не терялись в веках
Вихрями — на каменистых полях,
Бурным потоком — в ущельях глухих
И потому —
Бесполезных таких.

Песни, что были стихийно дики,
По мановенью волшебной руки,
Там, где их ждут,— становились дождем,

---

[1] Названия армянских народных песен.

Чтобы поля зеленели кругом,
Мельницею становились не раз,
Ветром, что к ней прилетал
В нужный час.

Песен армянских стремнина реки
По мановенью волшебной руки
В русло глубокое стройно влилась,
Чтобы скрепить неразрывную связь
С сердцем любым —
Будь то близкий сосед:
Русский, грузин,
Будь то дальний сосед:
Чужеголосый
Француз
Или швед.

Колос пшеницы, что собран с трудом,
Так становился отборным зерном,
Камень скалы — монолитным столом
В ризнице
Или на плитах стены
Ланью, склонившейся над родником.

Так молодое цветенье в лугах
Вдруг становилось венками в руках
Юных невест
И на их головах.

Так — иней, стекла покрывший вокруг,—
В рамке окна
Превращается вдруг
В дивный пейзаж.

И неведомо как
Верой — надежда становится так...

К меланхоличной мелодии он
Щедро добавил веселье армян,
И словно солнце зажгло небосклон,
Чтоб отступили и мрак, и туман.

Он как хирург, что искусной рукой
Вырезал лишний отросток слепой,

Выбросив что-то и что-то зашив,
Тело для жизни опять возродив.

Он... что он делал?
А то, что песок
Делал с посудой:
Снял ржавчины клок,
То, что с мальчишкой чумазым вода —
С личика грязь отмывает всегда,
То, что лишь мать совершает в судьбе —
Плод девять месяцев носит в себе,
Мучиться болью ей страшной дано,
Чтоб звезд число — возросло на одно.
Обыкновенное... но все равно
Необычайное чудо оно.

ЗВОН ПОБЕДЫ

И песня пахаря с тех пор
Не в поле оглашала дол,
А пел в концертном зале хор:
— НУ, НАПРЯГИСЬ, ТЯНИ, МОЙ ВОЛ!..—
И не под ясным небом дня
Скитальца губы,
А со сцен
Стенали горький свой рефрен:
— АХ, В ПЛАМЯ БРОСИЛИ МЕНЯ!..—
Уже не в сельской тишине —
Средь городских звучало стен:
— РАСКРЫТА СКАТЕРТЬ НА ГУМНЕ...—
Не в хижинах, чей тесен плен,
А в залах пахло, как вино:
— АХ, ЯБЛОКО ЕСТЬ У МЕНЯ,
ДА ЖАЛЬ, ОТКУШЕНО ОНО!..

...А наше яблоко и впрямь,
Кровоточащее от ран,
Надкушенное тут и там,
Добыча тысяч разных стран
Плод наших бесконечных мук,
Избавилось от этих рук.

Впивались тысячи когтей,
Вонзались тысячи ногтей
За те века в его бока,
Но полноводные века
Ил приносили, чтоб опять
Земля могла его питать.

А сколько варваров-врагов
Навек исчезло в тьме веков
И сгинуло с лица земли,
Оставив в пепле и пыли
На темных плитах у дорог
Обрывки клинописных строк.

Но след клыков, что рвали нас,
Не зарубцован и сейчас —
Кровавой памяти печать.
Смешалось с песнею родной
Дыханье музыки чужой —
Чтоб соль на рану посыпать,
Засыпать урожай песком,
Мешая воду с молоком.

Каким же уху надо быть,
Чтоб все чужое отличить,
И как же быть должна крепка
И очистительна рука,
Чтоб снять всю накипь не спеша,
Какими горло и душа
Должны быть,
Чтобы в песне всласть
Душа народа излилась,
В концертах взяв над миром власть.

Когда боль причиняют нам —
За болью вслед слеза идет,
И боль как будто отстает,
Для ран находится бальзам,
Уж так устроен мир — всегда
Есть выход, как ни зла беда.

И ты пришел к нам, великан,
И зеркало души армян
Хозяина приобрело,

Стекло, что грязью обросло,
За слоем слой, до чистоты
Протер рукою доброй ты.

И, глядя в зеркало его,
Мы отраженья своего
Не узнавали — были в нем
Мы в украшенье дорогом,
У всех благообразный вид,
Который сердце нам пьянит.
Как наши сказки говорят —
Менялся так внезапно сад,
Который, без воды сгорев,
Готов уже был смерть принять,—
Безмолвно оживал опять
И вновь листвою шелестел,
Когда чарующий напев
Жар-птицы Азаран звенел.

Учениками были мы
В своих глазах,
А ты для нас —
Чарующего пенья класс,
Мы были все как лепесток,
Который иссушил и сжег
В саду безводном ураган,
А ты — жар-птица Азаран.

И с той минуты, Вардапет,
Ты начал шествие побед
От древних монастырских стен
До самых отдаленных сцен.
И все, что твой народ собрал
На протяжении веков,
Ты полной горстью рассыпал
Народам всех материков,
Как необычный ростовщик,
Что под проценты брать привык
В обмен за свой бесценный клад —
Восторженный, как солнце, взгляд.

То, что на борозде в Лори иль в Апаране
над жнивьем

Тянул крестьянин-армянин с натугой
в голосе своем,
Из уст твоих,
О Вардапет,
В... Лозанне разливало свет.

Стенанье юноши в селе, чьи ожиданья
не сбылись,
О Вардапет, из уст твоих
Летело над... Женевой ввысь.
Бароны, графы, господа,
Чьи титулы как изо льда,
От пальцев пламенных твоих
НАЗПАР услышав и ШУШИК,
Надменный оставляли вид и забывали лоск
и шик,
Все маски, парики вокруг,
Как дети, с восхищеньем вдруг
Платили удивленью дань
И видели сквозь дивный звук
Они... танцующую лань.

И горькие слова тоски,
Что сердцу нашему близки,
Их жар, таящийся в словах,—
Пылали на твоих устах,
Однако слышались они не в винограднике
густом,
Не с плоских крыш и не с полей они влетали
в сельский дом,
В... Берлине жгли они огнем.
Свирелью лишь, что сотворил из ветки абрикоса
ты,
Движеньем пальцев лишь одних, творящих чудо
красоты,
Ты в Цюрих, хмурый и чужой, вошел
властительным царем
И нашей песней напоил,
Что вечно смешана с вином,
И будто хмурый Цюрих тот
Попал в армянское село,
Где на пирушке озорной
Веселье буйно расцвело.

И сам изысканный Париж
Был потрясен, как ты творишь:
На сцене закачалась вдруг
Стена танцующих мужчин —
А был на сцене... ты один,
Игрой твоих волшебных рук
Была та группа создана.
Свела с ума Париж она,
С хлопками восхищенных рук
Ресницы хлопали вокруг,
Ведь ты своей игрой исторг
И удивленье и восторг...
И, словно сразу посвежев, встречая музыку
твою,
Здоровой крови от тебя впитав бодрящую
струю,
Италии прекрасный лик помолодел на много
лет,
Когда в Венецию пришел ты с нашей песней,
Вардапет.

Каноны веры преступя, гнет суеверия забыв,
Религиозные свои пустые споры отложив,
Католик, православный, «хлыст»
И протестант-евангелист
Почувствовали в эти дни,
Что в жизни — братья все они,
Когда, то бурей становясь,
То еле-еле шевелясь,
Духовной песни океан
Поведал о судьбе армян
Из уст твоих, о Вардапет.
И волнами
Струился свет,
И простирался далеко,
И высоко,
И глубоко.

Европа, знавшая, что есть Восток какой-то
вдалеке,
Что однослоен, одноуст он в вековой своей
тоске
И расположен этот край,
Как близкий ад

И дальний рай,—
Теперь Европа поняла,
Что для себя приобрела
Народ, в чьих жилах ток кипит,
Что он и прошлым знаменит,
И миру новое несет.
Земле, чьей музыке внимать
Она теперь не устает,
Решила должное воздать —
Италией Востока звать...

ЗВОН ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Вновь осень настала.
С ущелий и гор
Плывет материнства святой аромат,
И вкусом плодов
Пропитался простор,
И гроздья заплакали,
Видно, хотят,
Чтоб их раздавили — пусть струйкой вино
Иль водка прольются,
Все ждут их давно.

А ветер веселый подует едва —
Как в ярком осеннем наряде листва
Летит кувырком, осыпаясь вокруг,
И непосвященному кажется вдруг,
Что стая фазанов сорвалась с ветвей
И вдаль понеслась по дороге своей.

Клинки камышей
Пожелтели слегка —
Им ржавчина будто покрыла бока.

Подсохли колючки, начальства полны,
На всех и на все они обозлены.
Прохожим почувствовать сразу дают,
Что именно им подчиняться должны,
Поскольку они лишь — хозяева тут.

Открытое небо — храм без алтаря,
И пчелы концерты в том храме дают
И с осами в хоре бесплатно поют,

Шмели же — ораторским чувством горя,
Высокому небу стремясь удружить,—
Молебен весь день продолжают служить.
На скалах рябых
Старый мох как кора,
И ящерицы на камнях под горой
У солнца тепло вымогают с утра,
Как божья насмешка, их облик смешной —
Они крокодилам хотят подражать,
Но вечно на суше им жизнь коротать.

А тучи идут — за грядою гряда,
Не ведая чести, не зная стыда,
На солнце набег их — упрям и жесток,
А солнечный лик — он совсем одинок,
Он словно герой, чей народ очень мал,
Весь день с тьмою карликов он воевал,
А вечером — жизнью пожертвует он,
Как... великомученик будет сражен...

Такою приятной
И светлой была
Та осень, когда, все закончив дела,
Оставив Европу, домой он спешил,
Европу, которую он покорил.
Но даже не смыл он дорожную грязь,
Со лба даже пот не успел отереть,
Как топь под ногами его затряслась
И стала гнильем нестерпимо смердеть.

Тот, кто всю Европу сумел покорить,
Тот, кто возвратился домой как герой —
С руками всесильными, с яркой душой
И сердцем, где солнцу победы светить,
Вдруг в доме родном
Лед сплошной застает
И чувствует, что не растопит он лед,
Что стал побежденным, что стал не у дел
Он раньше, чем даже вернуться успел!..

Его — клеветы черный ветер настиг,
Пыль сыплет в глаза, засыпает всего,
Шипы бесконечных колючек-интриг
Терзают и тело, и душу его,

Поскольку
Гнилой — вечно свежему враг,
К высокому — низменный тянет кулак,
Поскольку
Ведется их спор искони,
И спор продолжать будут вечно они!

С линейкой и циркулем —
Истина вот! —
Всегда с необычным сраженье ведет
Ее Высочайшая Светлость — сама...
Посредственность
Сердца, души и ума!

Посредственность!..

Да, пара глаз ей дана,
Но лишь... на затылке;
И видит она
Не пламя лампады,
А тени края,
Не голову видит,
А хвост бытия!

И уши есть тоже,
Но им не дано
Зов новый услышать;
Доступно одно
Лишь эхо
Того, что умолкло давно!

И сладость ей ведома — сладость плода,
Что болен и раньше других, как всегда,
И зреет, и падает с ветки легко,
Хоть лето еще далеко-далеко!

Цвета и оттенки она признает,
Но в сердце ее восхищенье живет
К одной только краске — способной всегда
Другие замазать цвета без следа!
Посредственность!

Если и птица она,
То быть попугаем судьба ей дана:

Чему научили,
О том и твердит!
А если животным ей стать предстоит,
То лишь обезьяной,
Чье дело всегда,
Увы, повторенье чужого труда!
А если сильна,
То как тягловый мул —
Всю мощь
У родителей он почерпнул,
Увы, одного
Не могли они дать —
Такого простого —
Родителем стать!..

И вот — от волненья и страха бела
Посредственность эта сегодня была!
Ничтожество, с кровью, в которой вода,
Горячность его и его теплоту,
Что лишь раскалялись в присутствии льда
И пульса усиливали частоту,—
Считали болезнью, опасной для них.
Людишки, чья только одежда нова,
А ветхие души в заплатах сплошных,
Живящего ветра коснувшись едва,
Врага в нем увидели:
Вдруг он дохнет,
Одежды нарядные с тел их сорвет
И миру покажет святая святых —
Их ветхие души в заплатах сплошных...

И люди, с наборами новеньких слов
И стершейся мыслью — как после торгов
Монета, видавшая тысячи рук,—
Очаг его мысли, взметнувшийся вдруг,
За страшный пожар поспешили принять
И дрожи испуга не в силах унять.
От ужаса в колокол начали бить:
— Скорее!.. Огонь помогите тушить!..

Посредственность,
Суть неизменна твоя!
На алгебру вечную злобу тая,
Ты — лишь арифметика мысли живой!

Не свод поднебесья, всегда голубой,
А синька всего лишь —
Обычный товар,
Для купли-продажи неси на базар!
И всюду в веках — ты удачник большой
Дешевого счастья и славы пустой.
И ты всемогуща... лишь тайной своей,
Не скрыта она от великих людей,
Но именно тем и велики они,
Что тайны подобные им не сродни,
Хоть знают они,
В чем удачи секрет,
Да следовать тайне желания нет!..

Посредственность,
О, как блаженна всегда
Незрелость твоя,
Что несет сквозь года
Младенчество мысли и старость души!..
Но как исказился в келейной тиши
Твой самодовольный откормленный лик:
Маштоца открытие — письмен язык
До буковки был в услужение дан
Устам несмолкающим лжехристиан.
И тотчас в глазу увидала чужом
Соломинку мнимую — толстым бревном
Толпа лжесвятых.
В их нечистых руках,
На их, перемазанных ложью, устах
Копились
И злоба, и зависть, и месть,
И кучи наветов, которых не счесть.
Поставила парус посредственность та,
И ветром подула в него клевета —
Все было замечено:
В песнях его
И в мыслях — порока нашли торжество,
И что богохульник поэтому он,
Что он нарушает священный канон,
Что видит он тень в лучезарном раю,
И — господи, душу помилуй мою! —
Не верит — а душу его покарай! —
Что есть в небесах сам божественный рай!..

И даже сам воздух был так заражен,
Что в нем задыхался беспомощно он,
Густою и острой зараза была —
Не воздух вдыхал,
А осколки стекла!..

И сердце его боль зажала в кулак,
Сжимается сердце крестьянина так,
Когда среди лета обрушится град
На поле ячменное и виноград!..

Твой хлеб горьким стал, как полынь, Вардапет,
Лоб потом покрылся, ты так побелел,
Как слой штукатурки, которой одет
Собор, где впервые ты песню запел.

Взор тех,
Кого братьями должен ты звать,
Согласно законам седой старины,
Тех, руку кому должен ты целовать,
Иль тех, кто к твоей приложиться должны,
Взор их
Стал крапивой тебя обжигать...

В том Братстве* небратском,
В тех стенах чужих,
Среди малодушных, никчемных и злых,
Средь зависти их
И поступков дурных,
Как чувствовал сердцем себя ты тогда?
Как древний,
Непризнанный всеми святой?
Нет!
Время не то, и эпоха не та,—
Себя ты мог чувствовать лишь...
Сиротой!

ЗВОН ВОПРОШЕНИЯ

Рожден сиротой, сиротой он и рос,
Как начались дни, так они и идут:
Ему навсегда сиротой стать пришлось
В обители, давшей сиротам приют.

Бездомным он был и остался таким —
Лишь келья... бумаги... лампады дымок...

Один-одинешенек, всеми гоним,
Душа без поддержки — он так одинок.

А прежде всего, он родился отцом...
Но так он ребенка и не заимел *,
Чтоб в доме поставить в углу колыбель,
Повесить на ней талисманы кругом,
И чтобы он сам колыбельную спел,
Когда же ребенок чуть-чуть подрастет,
По дому топ-топ осторожно пойдет,
Чтоб перемешал он бумаги отца
И чтоб лепетал, лепетал без конца —
Зеленый росток,
Вырастающий в ствол,
С которым бы дом и семью он нашел.

Он пальцы имел —
И какие притом! —
Просящие, тонкие, с добрым теплом,
Рожденные — ласкою боль утолять,
В объятьях держать и к груди прижимать.
Но где он и как
Мальчугана найдет,
Что за руку с ним
И с сестричкой
Пойдет?..
Он губы имел —
Как они горячи! —
Дрожащие жгучей тоскою в ночи,
Они для лобзаний родились на свет,
Они поцелуя искали в ответ,
А жизнь, наделив его жаждой такой,
Толкала и к ручке, и к щечке чужой...

А сердце его — для любви рождено,
Для власти и плена родилось оно,
В том сердце
Безмерное море любви,
А сам он — иссушен пожаром в крови,
А сам — по любви голодающий, он,
Отшельник, монах,

Как свеча он зажжен,
Свеча, что себя истончает, горя
В покинутой ризнице монастыря,
Глазам и душе отдавая лишь дым,
А свет — никому...

Жизнь, скажи, почему
Людей подвергаешь ты играм таким,
Что кровь даже плачет над сердцем живым?!

Стерпеть еще можно
И можно понять,
Что бог предпочел, бог решился избрать
Посредником между людьми и собой
Тебя,
Бог, которого в сущности нет,
Как нет Моисея, что создал Завет,
И можно простить, что язык твой порой
С грехом пополам, заикаясь, служил
Тому и за то — что он вовсе не жил,
Но... Мильтонов — зренья навеки лишить,
Бетховенов — тьмой глухоты окружить,
Сердцам Комитасов — любить запретить?..

Жизнь, злую игру почему ты ведешь,
Такую, что даже бросает нас в дрожь?
Зачем? Отчего? И опять — почему?
Иль этим ты выход даешь своему
Могуществу?
Право, тебя не поймешь...

Раз так — то должны мы отныне тогда
Могущество жизни принять навсегда,
Пусть сделает только одно лишь для нас,
Чтоб новый, явившийся в мир Комитас
Любовь свою в сердце не замуровал,
Невинную —
Скрытно в тюрьме не держал,
Суда не боясь осуждающих глаз...

...Кто был этой тайной — счастливая та
И все же несчастная, как сирота,—
Кто грешной любовью твоей был согрет?
Свободно откройся!

Скажи, Вардапет!
И не исповедуйся в том, а гордись —
Нужней человек, а не новый святой.

Ведь ты, Вардапет, — словно смерч огневой,
Неужто твою заморозила жизнь
Тяжелая риза своей чернотой?
О, было бы это тягчайшей виной,
Виной перед жизнью
И перед весной.

Или победил ты,
И трепетный жар
Твоих, по любви изнывающих, рук
Горячим объятьем обжег СОНА-ЯР,
ХУМАР иль ШОХЕР заключил в этот круг —
И в жарком объятии было без слов
За всю твою жизнь отпущенье грехов?

Так кто же
Любовью твоею была?
Владычицей скрытной
Кто в сердце вошла?
Не быть не могла она в жизни твоей,
Должна она быть.
Кто скрывается в ней?
Как тут докопаться — попробуй узнай!
Скажи, Вардапет, ничего не скрывай! —
И не исповедуйся нам, а гордись:
Не новым святым — человеком родись!

Как звали ее? Кто была эта яр? —
СОНА, иль ШОХЕР, или все же ХУМАР?
Носила ль сережки-сердечки она?
И родинкой щечка какая цвела?
На личике смуглом очей глубина
Под стать богоматери, верно, была?
Она на нее
Походила во всем:
И рост, и колени,
И косы венцом,
Рубашка была голубой у нее,
По платью лилось золотое шитье,—
Как миниатюра далеких времен,

Чей лик нереален, как призрачный сон,
Хоть в красках немеркнущих
Запечатлен...
А может, имела она из всего
Лишь мир необъятный — тебя самого,
Моля, чтобы ты ее не покидал,
Моля, чтобы хлебом насущным ты стал,
Не глядя молила, чтоб спрятать свой страх,
В твоих замирая горячих руках...

А яркость ее — лучезарной была,
Как с нею, скажи, сочетаться могла
Твоих одеяний полночная мгла?
Не требовала неужели она,
А требовала,
То тогда почему
Желанью дала отступить своему,
Она тебя плачем была бы должна
Измучить, всю душу твою измотать,
Чтоб эти одежды полночные снять,
Чтоб светлый душой, светлым внешне ты стал
И в жизнь воротился из монастыря
Уже — человек, человечность даря...

Кого же любил ты,
Отец наш святой?
Кто стойкая та
С затаенной судьбой,
Владевшая в горестном счастье тобой?
Кто эта ШОХЕР — лучезарный родник,
Твоя Шохакат, или нежно — Шохик,
Что сердцем своим, молчаливым всегда,
Когда на тебя низвергалась беда,
Ее принимала, себя опаля,
Как молнии
Добрая наша земля.

Кем в жизни была и откуда пришла,
И как обмануть даже близких смогла,
И как всех родных убедить удалось,
И с бьющимся сердцем, что страхом зашлось,
В которое дятлом сомненья стучат,
А ужас с тоской,
Словно щепки, летят,

Куда приходила — любовь и судьба —
Гнать тучи ладонями с бледного лба,
Из мира, где злоба царила всегда,
Куда-то тащить за собой? Но куда?..

И что оставалось несчастной в судьбе? —
Лишь голову пеплом посыпать себе,
Да разве могли руки слабые стать
Опорой тебе — помогать, защищать?
Когда тьма невежества слала послов
И стаей клубились жрецы темноты
Со злобой со всех налетая концов,
Найдя сотни поводов для клеветы,
Когда тебя жалили, били и жгли
И старой враждою взрывались вокруг,
Когда озлобленье
И зависть росли,
Когда золотое зерно твоих рук
Они называли сгоревшим пшеном,
Могла ли ШОХЕР, что любила тайком,
Покорная женской несчастной судьбе,
Могла ли помочь, став опорой тебе?!..

ЗВОН НЕИСТОВСТВА

Если он, мыслям отдавшись, шагал,
Кто-нибудь ножку ему подставлял,
Если он белкой кружил в колесе,
В спицы шесты ему тыкали все.
Но он — Апостол,
Апостольский путь
Не позволяет
С дороги свернуть,
Но он — Учитель,
Пусть жизнь его бьет,
Мертвые хазы
Он первым прочтет,
Должен забытое он раскопать,
То, что рассеяно,— вместе собрать,
Чтоб стало близким, волнуя живых,
Прошлое песен и тагов родных...

Он,
Что рожден был товарищем стать,
Радость с народом своим разделять,
А коль придется, с народом грустить,—
Вынужден был в одиночестве жить,
Ах, одинокого дерева шум,
Сколько в тебе неразгаданных дум,
Плодоносящее,
Ширь,
Высота,
И одинокое, как сирота.

Повод не повод, но, крону губя,
Палки и камни швыряют в тебя
И не дают завязаться плодам
Год... и одиннадцать...
Скольким годам
Длиться еще?..
Неужели весь век?..
И как глаза под защитою век
Прячутся, если опасность грозит
(Добрый инстинкт поступать так велит!),
И Вардапет — от ухабов пути
Ноги и душу пытаясь спасти —
Резко свернул, чтоб окольным путем,
Эчмиадзину промолвив — прости,
Вдруг оказался в Поли́се * чужом...

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЗВОН

Полис, Полис!..

В себя вглядись —
Сначала женский облик твой
Гетерой греческой расцвел,
Потом в сердца людей вошел
Он византийской госпожой,
Теперь — турецкая ханум,
Владычица сердец и дум.
Ах, как манила ты армян —
Мой предок, словно ветеран,
Тоской сгоравший и во сне
По женской ласке на войне,

Чья жажда словно кряжи скал,
А ревность как морской оскал,
К тебе кидался, распалясь,
Любил, горел,
Но, истощась
Той связью многовековой,
Насытиться не мог тобой...

Полис, Полис!..

Царица дум,
Гетера-госпожа-ханум,
Ты — в ярком платье чаровниц
И с кипарисами ресниц,
На тонкий твой платок пошел
Весь моря Мраморного шелк,
Босфор — как пояс голубой,
Как солнце — ясные глаза.
Ты — куртизанка, чья краса
Чарует добротой лица́,
А в сердце — злоба без конца,
Что от семьи уводит нас,
И только пальцем поведет,
Как танцевать любой идет,
Хоть скован цепью он сейчас
Твоей улыбки,
А она
Другому будет отдана.
И все понять она могла,
Но чувством маленьким жила:
Ей выгода — важней, чем страсть,
Давно в свою поверив власть,
К себе не очень-то звала,
Но и особо не гнала.
И лучший среди нас — кто мог,
Переступив ее порог,
Стать кесарем —
Дай бог, чтоб в дом
Вошел к ней... жалким примаком...

Полис, Полис!..

А сколько здесь
Армянских дедов — их не счесть —
Ты страстью ложной завлекла,

Кокоткой опытной зажгла
В сердцах огонь, что их сожжет,
Потом из них
И кровь, и пот
Ты лоном выжала своим,
Но стоит заикнуться им,
Чтоб ты потомка родила
(Как кошка, ты рожать могла!),
Вдруг сразу обрывала связь,
Как мул, бесплодной становясь...

Полис, Полис!..

А сколько здесь
Плодовых косточек — не счесть! —
Мы врыли в землю под сады,
А кто, скажи, сорвал плоды?
Здесь поколения армян
Рыхлили землю для семян,
А урожай пошел куда —
Другим — зерно, а нам — нужда?!..

Полис, Полис!..

Как твой наряд
Блестящ, роскошен и богат,
Серебряный и кружевной,
Ты стянут золотой каймой.
Веками этот блеск тебе
Мы придавали — он в резьбе
Твоих камней и куполов,
В сиянии твоих дворцов,
Ведь то — сиянье наших глаз
И одаренных рук рассказ,
То — гений наш
И дар святой:
Неповторимой красотой
Украсив,
Снова украшать,
Чтобы сиять тебе опять
Своим нарядом дорогим...
И все оставили другим...

Полис, Полис!..

Ты сердцем — дэв,
Личину ангела надев.
Эдем — снаружи, но смотри:
Ведь ты геенна — изнутри,
А человечий облик твой
Самим изваян сатаной...

...Пока армянская резня в Адане
кончила посев
И тридцать тысяч человек еще лежали,
не истлев,
Пока в Салониках рука
Хозяина Елдыз-кешка *
Смывала кровь, оставив трон своим
достойным сыновьям,
И в платье европейском те уподоблялись господам,
Чтобы до времени под ним припрятать когти и клыки,
А каждый книжный магазин пьянили, сладостно
легки,
Языческие песни и Голгофы горькие цветы —
Рукой волшебной Варужан * творил то чудо
красоты,—
Пока рука Сиаманто ловила молнии во мгле,
Чтоб, молниями написав, «Весть Красную» нести
земле,
И Текеян * еще сидел над «Воскресеньем» в поздний
час,—
Когда явился Комитас:
Гнездо хотел найти здесь он
Или... без сна войти в свой сон?..

Ах, эта ночь в родном краю, не уходила б лучше
прочь,
Пусть, удлиняясь без конца, окаменела б эта ночь,
Чтоб над тобою роковой жестокий день бы не навис,
На путь окольный не позвал
И не привел тебя в Полис...

ЗВОН ЗАВОЕВАНИЯ

Обычным деревьям засохнуть легко
От знойных ветров и ветров ледяных,
От сломанных веток,

Царапин простых!
А кедр-великан лишь вздохнет глубоко
И вновь распрямляется, снова растет,
Пусть ветви безжалостно срубят — найдет
Он средство от этих губительных ран,
Зальет их целебной смолой великан —
Не этой ли силою... гений живет!

И вот — свежих ран
Затянулись края,
Открылась душа, что закрыта была,
Да так распахнулась,
Щедрот не тая,
Что в каждый армянский квартал донесла
Дыханье родной воскрешенной земли,
Чтоб пить ее зной и прохладу могли.
Открылась душа, что была под замком,
Над Мраморным морем, в краю голубом,
И слыша оваций восторженный гром,
Моря горделивые, вдруг онемев,
Вставали на цыпочки и, замерев,
С него не спускали восторженных глаз —
Так море, крутою волною взлетев,
С... картин Айвазовского смотрит на нас!

Армянский священник —
без пушек и пуль,
И даже без золота, и без креста! —
Пришел, чтобы взять неприступный Стамбул,
Но только не так, как когда-то орда
Султана Фати,
Что кровавой уздой
И север и юг затянула враждой.
А он неприступный Стамбул захватил
Лишь... песней —
Народ эту песню сложил
Из боли, веками терзавшей армян,—
Лишь песней и хором,
Чье имя — ГУСАН —
В честь предков он дал, что из Гохтна пришли.
Свои голоса в этом хоре сплели
Взволнованно
Триста сердец молодых,
И хор, что составлен из юных одних,

Звучал многошепотно, словно тростник,
Что нежно к ногам Арарата приник,
И переливался, как озеро Ван,
Разливом Евфрата летел в океан,
Извилистым был, как Аракса поток,
Стройней Арагаца, подтянут и строг,—
Хор в триста послушных ему сыновей,
Отзывчивых, верных ему до конца,—
А жизнь беспощадной насмешкой своей
Убила в нем с юности ранней отца!
И вдруг — сразу триста любимых детей,
Родных дочерей и родных сыновей,
Которые дышат дыханьем отца,
И звуки колышут звучаньем отца,
Единое сердце,
Едина любовь,
Все триста —
Единая воля
И кровь!..

Но триста, скажи наш отец, почему?
Скорее шестьсот полагалось ему —
Хор нужен в шестьсот голосов, Вардапет,
Ведь столько в сиротстве чудовищных лет,
С щемящею болью, с тоской наш народ
Провел — бесконечные эти шестьсот *
Воистину тяжких и горьких годин,
За каждый из этих годов чтоб один
Из горла невинного голос кричал
В том городе,
Что посылал янычар
Сжигать наши села,
Крушить города,
В пустыню сады превращать навсегда,
И все шесть веков этих
Ночью и днем
Пьянеть
Нашей кровью
И нашим вином...

Так триста армянок и юных армян,
А вместе — один сладкозвучный ГУСАН,
Сеть заговоров не сплетая вокруг
И кровь не пролив,

Только властью двух рук,
Что правили ими,
Свирелью одной,
Роялем одним, набегавшим волной,
И звуком трехсот зачарованных уст:
Заставили плакать —
Но только от чувств,
Заставили вопли и крики издать —
Но лишь от восторга,
А если дрожать —
То лишь от волненья,
Так хор покорил
Тот город,
Который, наверное, был
Не городом даже —
А слил на века
В себе два расколотых материка!.. *

И тот, кто Европу вчера покорил,
Сегодня и Азию стал покорять,
И пашни он потом своим оросил,
И плугом он стал, чтобы их распахать,
Стал сеятелем он, и стал бороной,
Шагая все время сплошной целиной,—
Он консерваторию в городе том
Надумал создать,
И хоть был он во всем
Простым человеком —
Монах как монах,
Их столько в селениях и городах!—
Но в том человеке, обычном на вид,
Труды многотомные память хранит,
Сам консерваторией был он живой:
Певец, музыкант,
Дирижер огневой,
Хормейстер, ученый,
Фольклора знаток,
Историк всезнающий
И педагог,
Он был археологом —
Страстно стремясь
Раскрыть тайных хазов туманную вязь,
Он был композитором,—
Всю его жизнь

Шли песни за ним и напевы неслись,
Божественной — он — литургии творец,
И он — оперетты веселой отец!..

И вот его руки, что чудо творят,
Свершают над хазами тайный обряд,
И дряхлые старцы от магии рук
В младенцев уже превращаются вдруг,
Хотя не понять их еще языка,
Лепечут пока, заикаясь слегка,
Но годик-другой незаметно пройдут —
И эти младенцы слова обретут!..

И скоро АНУШ обретет свою плоть,
Чтоб острой насмешкой не мог уколоть
Его — ироничный всегда Фигаро:
Скажи-ка, а где же Моси и Саро?!
Да, опера плотью скелет облекла —
Так двое, которых судьба родила
И в том же году, и в народе одном,
Так двое, что боль и тревогу о нем
В бессмертные песни свои облекли,
Два сеятеля, два жнеца той земли,
Смогли урожай к урожаю сложить,
Одну гениальность — другой завершить.

И в доме своем в Панкалты *,
И когда,
Гуляя, по Принцевым шел островам *,
Он весь отдавался манящим мечтам,
Что вдаль уносили его... но куда?
Покинув Стамбул, путь у них был один —
Опять уносился он... в Эчмиадзин!

Там в кельи свои пробирались не раз
И он, и соседи лишь в утренний час,
А ночью...
Всю ночь из Шатаха старик...
Да разве он может забыть хоть на миг
Те ночи, в какой бы дали он ни жил?!
Старик в академии сторожем был —
Бездомный Нахо, что в Шатахе рожден,
Морщинами лоб его изборожден
Был так,

Словно балки и бревна на нем
Мороз искривил, иссушило тепло,
А своды бровей утопали в густом
Кустарнике, спутанном словно назло...

Когда же от горестных дум иногда
Он своды бровей своих спутанных тряс,
То балки ходили туда и сюда,
Как будто сорвутся
И рухнут сейчас.

Все дядя Нахо, что имел и любил,
В Сасуне оставленном похоронил,
И вот — монастырь, вдалеке от могил,
Один-одинешенек он сторожил.
И каждую ночь,
Уступая мольбам
Питомцев прилипчивых, севших к ногам,
Он вновь возвращался душой сквозь года
В Сасун и Шатах,
Начиная всегда
Словами:
— Господь с вами, дети мои!—
И стоном глубоким рассказ нарастал
О славных безумцах сасунской земли,
И молния-меч
В том рассказе сверкал,
И конь Джалали
На Вороний утес
И горы Марута *
Всех вместе их нес.
Так медленно сказывал дядя Нахо
И верил в рассказанное глубоко,
С героями вместе он переживал,
Словами и мыслями их рассуждал,
Их чувствами он ненавидел, любил
И речитативом в конце говорил:

— С ПОКЛОНОМ ПОМЯНУТ
ДА БУДЕТ МОЙ РОД,
С ПОКЛОНОМ ПОМЯНУТЫМ
БУДЬ, МОЙ НАРОД!..

И снова он пел, как певали отцы,
И голос хрипел, но сказанья текли:

— А ГРУДИ ЕЕ —
КАК ЛУНЫ БЛИЗНЕЦЫ,
А ЛОБ — КАК РИСТАЛИЩЕ
ДЛЯ ДЖАЛАЛИ...

И в голову разве могло бы прийти
Нахо простодушному, мог ли он знать,
Что чаще и чаще
Его вспоминать
Питомец на жизненном будет пути —
Хоть черную ризу потом он надел,
Но к песням мирским он душой прикипел.
И мог ли подумать Нахо и понять,
Что в мыслях питомца он будет опять
С каким-то там... Вагнером рядом стоять.
Нет, видно, недаром, вздохнув глубоко,
Неграмотный, жизнью забитый Нахо
На гордого Вагнера взглядом косил,
И то ли он требовал,
То ли просил:
БЕЗУМЦЕВ САСУНСКИХ яви ты на свет,
Чтоб оперой этою ты, Вардапет,
С его НИБЕЛУНГОВ спесь чуточку сбил!..

Народ твой — в крови, а ее — океан,
В неслыханной боли от ноющих ран,
Но к нам сквозь истории плотный туман
Доносятся крики его сыновей,
Что требуют вспомнить о славных делах,—
Они шли сквозь смерть, забывая про страх,
К победе в борьбе справедливой своей!..

В такие минуты к тебе приходил
И рядом с Давидом Сасунским вставал
Вардан *— его Красным народ окрестил,—
И он из Стамбула тебя уводил
В Тхмут и в Аварайр*,
И, исполненный сил,
В ушах героический хор нарастал —
ВАРДАН, так ты оперу эту назвал...

ЗВОН КОНЦА СОСТЯЗАНИЯ

Уже однажды совершив
Победный марш игрой своей
И пол-Европы покорив,
А следом — Азию за ней,
И новый приступ заглушив целебной силой вещих
рук —
НЕЙНИМСКОЙ, САЗОВОЙ тоски * тяжелый песенный
недуг,—
Исполнен радостных надежд, в Европу снова едет он:
Сначала посетить Берлин, потом — в Париж он
приглашен.

Туда со всех концов земли спешили музыканты
в путь,
Со вкусом тонким, а порой и привередливым чуть-чуть,
Конгресс международный их по просьбе Общества *
созвал.
Сверкал огнями каждый зал,
Доклад любой,
Любой рассказ —
Наглядный завершал показ
Напевов, танцев той страны,
Откуда все приглашены.
А от Востока, что велик и так разноплемен, —
Лишь он...

Другие —
Чтобы хорошо
Доклад на публике прошел —
Приводят в зал со всех концов
Ансамбли танцев и певцов,
А этот — сам и говорит,
И комментарий сам творит,

Во внутренний карман
Рукой
Зачем-то тянется,
И вот
Он не оркестр выводит свой —
Простую дудку достает,
И не солист —
Ее к губам
Он медленно подносит сам.

И в дудке, простенькой на вид,
Вся мощь оркестра вдруг звучит —
То извивается, журчит,
То кольца, петли вьет у ног,
То извергается, звенит,
Но пальцем — дикий он поток
Уводит в сторону
И там
Его узлом надежным сам
Завязывает наконец.
И покорителю сердец
Овацией зал воздает,
А он в кармашек вновь кладет
Тихонько дудочку — устал,—
Но бурей — песню просит зал,
И снова он солистом стал,
И в наступившей вновь тиши
Поет он голосом души...

Ах, Вардапет, в тот день опять
Ты смог немного разогнать
Из мыслей — мрак, из глаз — туман,
В тот день прославил ты армян,
Подарок сделав
И себе —
Став победителем в борьбе.
Вот под оваций гром сплошной
Со сцены боя,
Как герой,
Спускаешься ты молча в зал
При жизни
Встать... на пьедестал...

ТРЕЗВОН ЗЛОДЕЯНИЯ

ПРЕРВАННЫЙ ЗВОН

Опять вернулся из Европы он домой
К молчавшим хазам и ГУСАНУ своему,
Опять АНУШ его звала порой ночной
И горделиво басом пел ВАРДАН ему.

Он должен памятник из звуков изваять,
Чтоб тот возвышенностью чувств и красотой
Горе Сасунской величавой был под стать,
Он должен в песне и сердечной, и простой
О Багдасаре, Санасаре спеть тепло,
Из Мсра идущее, проклясть он должен зло,
Чтоб с песней пахаря Давид — совсем юнец —
Один, без упряжи
И даже без волов,
Мог плуг тащить по полю из конца в конец,
Чтоб на виду у всех друзей и всех врагов
Владельца Мсра сразил мечом своим храбрец...

Он должен был...

Под черной ризою ночной
Вставало утро,
Озарив голубизной,
И становилось все теплее и ясней,
Все чище, ярче становилось и нежней.
И сердца — гул в груди.
Он об одном твердит —
Твори мелодию!
Пускай нас зной палит,
Пусть истощает нас —
Ты музыку твори!
Перед лицом врага,
Что нас берет в кольцо,
Напевам чуждым вопреки,
Ему в лицо
Своею музыкой в ответ ты говори,
До часа смертного
Ты музыку твори!

И он творил, за инструментом день встречал,
Родник обильный, он обязан был творить,
Печалясь песнею — он разгонял печаль,
Пел о надежде, чтобы веру возродить,
Но... в ночь ужасную, что налетела вдруг,
Оделись в кровь поля зеленые вокруг,
Надежды, вера, грезы, жизнь и прочный дом —
Средь бела дня вдруг оказались скверным сном.

На мир беспомощный надвинулась, грозна,
Мир пожирающая, черная война...

ЗВОН ТРЕВОГИ

Война мир пожирала.
А была весна...

Снег на вершинах
Обожгла голубизна,
Слезился он прозрачно,
Порванный в клочки,
И, с гор сбегая,
Превращался в ручейки,
И вот поток
С высот родных срывался вниз,
И с ревом вдаль его рыдания неслись,
С тоски он, как змея-вишап, кататься стал,
Себя в ущелья и на скалы он бросал
И, став рекою новой, вдаль валы катил,
Но для прощения он слов не находил,
Как женщина, когда покинута она...

Смерть, кровь
Царили в мире,
А была весна...

Цветов глазами перемигивался луг,
И каждый куст, и стебелек любой вокруг,
Струною, клавишею став, рассыпал звук,
Когда касался ветер их прохладой рук.
Шел день за днем. Стал воздух мягким
от тепла.
И теплой, пахнущей такой земля была,
Как будто мать любвеобильная прошла
По миру целому и жар весь собрала,
Чтоб землю, как дитя, согреть и приласкать
Дыханьем жарких уст — на то она и мать...

Бои,
Резня,
Пожаров красная стена,
В крови сердца людские,
А была весна...

Сквозь молоко тумана зорь лучи горят,
Они росой прозрачной ноги холодят,

И украшают ветви дерева листвой,
Не только пастбища
Цветами и травой
Они одели
И не только склоны гор —
На тропках вытоптанных зелени узор...

Сестра и мать
Оплакивают смерть родных,
А птичка маленькая села возле них
И, глупая, в саду все утро напролет,
Свой голос пробуя, восторженно поет...

Со всех деревьев — песни новые летят,
И даже камни — потихонечку звенят,
А на полях — роса сверкает, как алмаз,
Переливаются цветы — сияньем глаз,
А чуть поодаль скромный маленький цветок —
Зовут коленопреклоненником его —
Расправить согнутый свой хочет стебелек,
Но... из попытки не выходит ничего...

ЗВОН ПОГРОМА

И мы, как тот маленький скромный цветок,
Не только не выпрямили стебелек,
Что шесть злых столетий изогнутым рос,
Под корень сломали его в этот раз
Те руки, что варварски мучили нас, —
Османская Турция, взявшись всерьез,
Решила прикончить армянский вопрос
Неслыханным средством — ему не найдет
Подобного весь человеческий род,
И даже в истории турок самих
Позорных страниц не найдется таких:
В Армении — в целой стране — ни один
В живых не останется пусть армянин!..

Мечом сразу целый народ истребить,
Лес целый под корень, под корень срубить!..

И девушки,
Лани пугливей самой,

Чьи груди ни разу тайком не видал
Во мгле даже месяца свет озорной,
Бесплотные,
Словно с них автор писал
Роман идиллический,
Рдевшие вмиг
Не только от шуток —
От ласковых слов,
Стыдливые, чистые, словно родник,
Пьяневшие лишь от Вийона стихов,
Когда на французском читали его,
А песню безумной Офелии петь
Могли на английском, —
Теперь от всего
Что выпало им испытать, претерпеть,
Сошли, как Офелия, сами с ума,
Их разум окутала черная мгла,
И в черном аду,
Исступленно крича,
Забыть не могли в помраченных ночах
Тех злобных, насилующих янычар,
Тех, в чьей голове процветает давно
Не разум людской —
Злодеянье одно!

И те, что меняли белье раз в семь лет,
В покой новобрачных врывались чуть свет,
Его оскверняли всей грязью своей,
Бесчестя армянских святых матерей...
Те люди, в которых наивно искать
Людские черты —
Обезьянам под стать,
Тяжелые камни подняв не спеша,
Камнями теперь разбивали, круша
Прекрасные головы тех,
Кто векам
Дарил чудеса, уподобясь богам,
А если и разнились с богом,
То тем,
Что, в сущности, не было бога совсем,
А эти, живя,
Все создали вокруг,
И вот под ударами варварских рук
Они, как и боги, исчезнуть должны —

Так камнем армянским
Армянской страны
Армянские головы размозжены
Талантов, которым нет в мире цены!..

Явись справедливость, явись ко мне, чтоб
Навечно плевком заклеймил я твой лоб! *
Так выкрикнул тот, кто упал, как и все,
С расколотым черепом, в красной росе.
Так выкрикнул он не теперь,
А тогда,
Когда кровью пьяная
Эта орда
С инстинктом, понятным одним дикарям,
Пожары и пепел несла городам,
Сжигала посевы и рушила храм!
Теперь же, теперь,
Когда был не погром,
И не избиение,
И не резня,
А смерть,
Целой нации страшный содом,
Вихрь смерти сплошной
Среди белого дня, —
Забитые,
Дети,
Мужи,
Старики,
Теперь взять откуда, скажите, плевки,
Чтоб в лоб справедливости плюнуть опять?! —
Кто будет плевать
И чем будет плевать? —
Рот высох и горло в армянской стране,
Живых не осталось в родной стороне,
Коль целую нацию жадно глотал
Кривой, ледяной ятагана оскал,
По рыжей пустыне
Вихрь смерти гоня,
Не тайно —
Открыто,
Средь белого дня!..

Да был ли у той справедливости лоб?
Нет, не был!

Имела она только зад,
Чувствительный зад,
Не увидела чтоб,
Как головы нации целой крушат,
Лишенной мужчин, чтоб ее защищать*,
А если за лоб что-нибудь и считать,
То русско-турецкому фронту* дано
Им стать,
Приближался он медленно,
Но...

Но боже безбожный,
Ну в чем их вина,
За что их
Судом этим страшным судить?!..

...Железной дороги тянулась струна,
Берлин и Багдад
Чтобы соединить.
Но как протянуться ей, как ей пройти —
Вокруг аравийской пустыни пески,
Где чахлая зелень не может расти,
Чтоб станции спрятать лицо от тоски,
Где нет ни домов, ни поселков, ни сел, —
Могло ли виной армянину служить,
Что он добровольно в пустыню не шел
В том рыжем аду и работать, и жить,
И смерть свою встретить средь выжженных дюн,
Покинув места вековые армян:
Твердыню Карин*,
Неприступный Сасун,
Свой Муш плодородный
И щедрый свой Ван...

...Столетие — если не больше — одним
Флот русский желанием страстным томим:
На севере снежном, где вьюги мели,
Мечтали, снедаясь тоской, корабли
О знойном востоке, о южных краях
И страсть поверяли в безумных словах
Они Дарданеллам,
Кокотке в шелках,
Той, что без любовников жить не могла,
Но к русскому флоту

Холодной была.
Кривляка кривляется?! —
Не проведешь!
И вот уже русским совсем невтерпеж!
И в этом — армяне виновны опять:
В турецких глазах, злобных как у совы,
Мы — ветер, что парус спешит надувать,
И парус, надетый на мачты Москвы...

...В век двигателей и моторов стальных
И в Англии в топках горит не вода,
А нефть и бензин.
На просторах морских
Хозяйка она всех морей навсегда,
Но нефть — под Мосулом. Сплошной океан.
— Чья в этом вина?
Ну конечно армян!..

...Из глины колосс оттоманский не смог
Лучей жгучих разума выдержать жар,
Он трещины дал,
Он уже изнемог,
Его иссушал окружавший пожар,
И оторвались от боков его так
Болгарин, и серб,
И румын, и словак.
А тут еще к мысли приходит такой,
Болезнью опасной такой заражен
Уже армянин —
На земле своей он
Участок мечтает иметь небольшой,
И просит гроши он из денег своих,
Что вырваны силой из рук трудовых,
А если притом он пытался кричать,
Пинком ему рот затыкали опять.
Ах, вздумал о чем-то просить армянин
Иль даже мечтать о свободе посмел?
— Так, значит, во всем виноват он один!

...А он, как всегда, над работой корпел
И ногти до мяса опять обдирал,
И кровь из ладоней потертых текла,
Скалу он долбил и ее превращал
В невиданный храм, где на стенах была

Резьба — лань из камня, прекрасный гранат,
И своды бровей над глазами ворот,
Лепил изваянья в том храме,
И вот...
— За все и во всем он один виноват!..

Не курят гашиш,
Но вино пьют в обед;
Не грабят,
Но трудятся в поте лица;
У них нет гаремов
И евнухов нет,
Не славят аллаха они без конца
И даже чалмой
Не прикрыты притом,
Священник их — в ризе!..

— Виновны кругом!..

Следы рук отцов их
Печатью легли
На всем протяжении этой земли —
То клинописью,
То могильной плитой,
То известью с камнем,
То фреской живой,
То в скалах туннелем,
Где плещет вода...
— И кто же виновен?
Они, как всегда!..

Так как же в то горло им нож не втыкать,
Которое смеет от боли кричать
Или о спасенье — других умолять?!..

...Избавиться надо от пристальных глаз,
В которых мечтаний огонь не погас,
Способных без слов боль свою передать, —
Ведь могут ненужной причиною стать
Те слезы, что горестной льются волной:
Вдруг плачущего... пожалеет чужой!..

...Колено преступное как не сломать
И локоть, привыкший ему помогать?! —

На них опираясь,
Кровавый от ран —
Что там человек! —
Даже волк и кабан
Ползут, чтоб из тяжкого плена уйти...
— Преступнее дело возможно ль найти?!

Ну как тут, от злобы и бешенства яр,
Не выйдет опять из себя янычар?!..

...А люди умели красиво любить,
И мыслить умели, и радостно жить,
Умели чураться
Греховных сетей,
С улыбкою
Солнечных жаждать лучей,
И пусть — безграничны в страданьях своих,
Зато — безграничны в мечтаньях своих.
— Вот в чем преступление тяжкое их!..

И все же одна —
Всех страшнее вина.
И знаете, в чем она заключена?! —
Когда человек — как его не избить! —
Не может дурацкое имя забыть,
Которым когда-то его нарекли.
— Как наглость такую позволить могли:
Свое имя собственное не забыть?!
Нет, надо за это их строго судить,
А раз не желают понять ничего,
То, значит, от имени надо того
Иначе избавиться — просто убить!

В Европе — о цивилизаций оплот! —
Не раз становился профессором тот,
Кому был армянский знаком алфавит,
И среди ученых вдвойне знаменит
Тот, кто был с историей нашей знаком,
В Европе, где стало уже ремеслом —
В минуты, когда человечности вдруг
Ее сотрясали восторг и испуг —
Хвалить нас, порой до небес возвышать,
Творцами науки армян величать,
Во мгле азиатской, царящей кругом,

Единственным
Нас называть маяком,
А варваром — турка,
Поскольку он дик —
Так с детства считать европеец привык, —
И, занятый только своею судьбой,
Он земли османские между собой
Готов был делить
Или с торга продать —
Не может же вечно земля... пустовать!..

И та же Европа — культуры оплот! —
Уже не краснея,
                    уроки дает
Султана Кровавого внукам сама —
Как сделать, чтоб разум окутала тьма,
Как лучше убить, как усилить разбой,
А сводницы роль бережет за собой!

В чем разница между Европой тогда
И турком-аскером была в те года,
Который, от карт утомившись, кладет
Армянке беременной меч на живот
И держит пари
                    на вино и обед:
Мальчишку иль девочку
                              явит на свет?
И кесаревым сеченьем рассечь
Живот, как ланцетом, спешит его меч...

Армения —
Женщиной тоже была,
Что в чреве пречистом дитя зачала,
В живот уже солнечный мальчик стучит,
Ваагнообразный, душою — Давид,
Спасения нашего светом зачат,
Надеждою нашей он вскормлен в ночах
На нашем тяжелом
Пути вековом,
Где был под ногами — бугор за бугром.
Но и у Европы был тоже свой путь,
И, чтобы преграды
С дороги спихнуть,
Собакам кость бросила нам на беду:

Пока, мол, дерутся — я дальше пойду,
И было ли так
Или не было так —
Но в этой игре
Ей хватало собак!

И в этой собачьей возне и грызне
Вот-вот и погиб бы по чьей-то вине
Под лапами
Целый народ коренной!
И путь был — всего в волосок нитяной,
Чтоб нация стала бумажным листком,
Свидетельским актом о чем-то былом, —
В нем идолов много она обрела,
Но тотемом в нем не собака была,
А пашущий бык,
А журчащий родник,
А громом весенним рожденный тростник...

В краю, что, родившись, еще на заре
Армении имя носил — Айастан —
С времен фараона до Пуанкаре,
Рукой своих внуков кровавый осман
И кайзер Вильгельм своей царской рукой
Со слова «Армения»
Буквы,
С живой,
Соскабливали, как ненужную тень,
И день настоящий,
И завтрашний день,
Чтоб с ними и прошлое тоже смести...

И выскребли,
Выскребли все же почти!
А Вильсон,
а с ним
и Ллойд Джордж,
и Гладстон
Считали, что в этом мешать — не резон!..

ЗВОН ГЕНОЦИДА

Мешать? Зачем? Пусть так идет!..

Была весна. До летних дней
На землю рухнул небосвод,
Снег пал на головы людей,
Снег, обжигающий огнем...
— ВЕСНА! А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!

За речкой речка вдаль неслась,
Подобием набухших жил...
— ВОДОЮ НАША КРОВЬ ЛИЛАСЬ!.. —
Овраги стали — мглой могил,
Погостами — ущелий мгла...
— БЕДА! ВОДА НАШ ДОМ СНЕСЛА!..

Могильным — камень стал любой,
Что ни очаг — пожара след...
— МЫ — ПТИЦЫ, А ГНЕЗДА УЖ НЕТ!..
И что ни слово — стон сплошной,
И что ни песня — горький плач...
— ЭХ, ПАРЕНЬ, ГОРЮШКА
НЕ ПРЯЧЬ!..

Там — сабля, меч, огонь, а тут —
Лопата, серп, коса да кнут...
— СКИТАНЬЯ ГОРЕМЫКУ ЖДУТ!.. —
Опустошен наш край опять,
Отчизны милой не узнать...
— ТЫ В ЧЕРНОЕ ОДЕНЬСЯ, МАТЬ!..

Так нация, древнейший род,
Вот-вот умрет, вот-вот умрет!..
— ВЕСНА! ВЕСНА! А СНЕГ ИДЕТ!..

Шло лето. Вывела птенцов
Мать-куропатка средь хлебов,
А армянин — лишен детей,
Тоныров, пышущих огнем,
Отцов, любимых матерей,
Гнезда и всей земли своей...
— ВЕСНА, А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!..

Ну как забыть тот черный рок? —
Незабываема беда!
— КТО ПОЗАБЫТЬ ТАКОЕ МОГ,
ПУСКАЙ ОСЛЕПНЕТ НАВСЕГДА!..

Ни чабаны, ни пастухи
В долины не вернулись с гор,
Не запоет их дружный хор:
— ПРОХЛАДУ ГОРЫ МНЕ НЕ ШЛЮТ,
РАЗВЕЯТЬ ГОРЕ НЕ ДАЮТ!..

Зарезан жнец в жнивье густом
Своим же собственным серпом...

И как невестке молодой
Петь сквозь горючую слезу:
— ОБЕД С ОТКРЫТОЮ ДУШОЙ
В ОТКРЫТОЙ МИСКЕ Я НЕСУ!..

И в Ванском озере конец
Находит свой — рыбак-пловец...
Невеста, верная ему,
Напрасно криком изойдет:
— Я ОЖЕРЕЛЬЕ ДАМ ТОМУ,
КТО К МИЛОМУ ПЕРЕВЕЗЕТ!..

И не было людей в стране...
Хоть одного — чтоб в тишине
Спел для армян:
— ЭХ, ДЛЭ ЯМАН!..[1]

Ну как забыть тот черный рок? —
Незабываема беда!
— КТО ПОЗАБЫТЬ ТАКОЕ МОГ,
ПУСКАЙ ОСЛЕПНЕТ НАВСЕГДА!..

Огонь обедни не погас
И колокол еще звучит,
А сам звонарь уже висит
На той веревке, что он тряс...

---

[1] Длэ яман — горе, несчастье, беда.

Крестьянин с мельницы помол
Вез, перепачканный мукой,
В своей арбе — он гроб обрел,
В муке — обрел он саван свой...

Погибла бабушка, в насест
Вцепившись под куриный крик, —
Она надеялась в тот миг,
Что внук больной цыпленка съест...

Дед на гумне погиб, когда
Цепом ячмень он молотил, —
Хоть нищий сам, но, как всегда,
Дань турку выплатить спешил...

Та, кто в тоныре хлеб пекла,
Сама в нем испеклась дотла...

Та, кто паломницей пришла,
И свечку желтую зажгла,
И на коленях перед ней
Просила бога дать детей,
«Подай, господь», — не допросив,
Упала, свечку погасив
Намокшим алой кровью лбом...
— ВЕСНА, А ВЫПАЛ СНЕГ
КРУГОМ!..

И ясным днем, и по ночам,
По-крупному, по мелочам
Кромсали, резали и жгли,
Уничтожали, как могли,
И кровь лилась, и слез река,
И кровенели облака,
И рушилась голубизна,
И хлебородная страна
С народом целым шла под нож.
Народ исчезнет? — Ну и что ж!
В живых оставим одного
Мы для музея своего,
Пусть экспонатом будет в нем!..

— ВЕСНА, А ВЫПАЛ СНЕГ
КРУГОМ!..

ЗВОН ИЗГНАНИЯ

Мольбы напрасны — бог не спас!..

Разбой-грабеж,
И ятаган,
И обезглавливали нас,
И рвали на клочки армян,
Рубили сабли, резал нож,
Бросали прямо под обрыв,
Тела утопленников сплошь
Покрыли реки, их закрыв,
Не разбирая, всех подряд —
От стариков и до ребят.

Кому бить в грудь,
Судьбу кляня:
— АХ, ДО КАКОГО ДОВЕЛОСЬ ДОЖИТЬ НАМ
ГОРЕСТНОГО ДНЯ?!.

Мольбы напрасны — бог не спас!..

Одних — распяли в черный час,
Других — и женщин, и мужчин,
Гоня, как стадо, из долин,
Как камни скатывая с гор, —
Погнали вдаль... куда?
В Дер-Зор *.

Нагие, жалкие, без сил, босые — дети, старики,
Мужчины, женщины — плелись через арабские пески
Путем могил, где каждый шаг отмечен новым
трупом был,
Своей жестокостью тот путь
Голгофу удесятерил!..

И крики о спасенье вдаль напрасно над землей
неслись,
Напрасно на весь мир набат звучал, оплакивая жизнь,
Увы, он стал в конце концов глубоким вздохом,
чуть звеня:
— АХ, ДО КАКОГО ДОВЕЛОСЬ ДОЖИТЬ НАМ
ГОРЕСТНОГО ДНЯ?!.

...10 апреля, год 15-й...

Цветы пьянят,
Плывет апрельский аромат
Медвяным запахом отав
И шествием цветов и трав —
И в той ночи, в апреле том
Подкрался — подло — зло — тайком —
Тот суховей,
Что унести был должен миллион армян,
Армянские кварталы он вот-вот сметет, как ураган,
В Константинополе сейчас...
И огненная ночь зажглась,
И смерть пришла со всех сторон,
И вздох последней из надежд в развалинах был
погребен...

Чудовищная ночь!
Она
К утру была обагрена
Не солнцем — кровью наших ран,
Все ризницы святынь армян
Ограбила, сожгла дотла,
Разрушила и разнесла
Армянской письменности храм,
Что был всего дороже нам,
И обрубила ветви все
У дерева во всей красе
Армянских гениев,
Потом
Из книги музыки она
Страницу вырвала — притом
Ярчайшую...

Те имена,
Что лишь вчера слетали с уст
Друзей и близких, как заря,
Чьи книги знали наизусть,

Восторга трепетом горя, —
В ту ночь одну — существовать
Вдруг перестали.
Волей злой —
Убитым варварской рукой —
Им суждено отныне стать

Лишь статуей, что создает
В воображении народ...

Ах, Панкалты средь синевы!..
В Галате церковь в три главы!..
Под вечным куполом твоим,
Горя мгновением святым,
Вел литургию Комитас —
Вчера лишь, не сводили глаз
С него, восторга не тая,
Зограб... * Севак — его друзья...
И тысячи других умов —
И молодых и стариков
Он воедино собирал.
И каждый что-то создавал —
Мелодий новых высоту,
Полотен новых красоту,
Словами, нотами, пером,
Резцом, тончайшим молотком, —
И были краски так светлы!..
Потом спешили в Панкалты,
А вот и дом,
Что так знаком,
И Вардапета снова в нем
ЧИНАРА, ТЫ — просили спеть
И сердце ЖУРАВЛЕМ согреть...

— ЧИНАРА, ТЫ НЕ ГНИСЬ,
НЕ ГНИСЬ!..

А ты попробуй распрямись,
Когда топор под корень бьет,
Пила за ветвью ветвь грызет,
Вот и иди тут, и
...НЕ ГНИСЬ...

Что?

— НЕ БРОСАЙ РОДНОЙ ПОРОГ!..

Да тут и пес уйти б не мог, —
А если волки и зверье
Всех режут и сожгли жилье,
А если всех изгнанье ждет

И ужасом объят народ?! —
Иди и
— НЕ БРОСАЙ ПОРОГ...

Но как?
— С ТОБОЙ ЛЮБИМЫЙ БОГ... —
Но где же бог? Но где же бог?
А если он ослеп, оглох
И тщетно «Смилуйся!» просить, —
Как бога этого любить?..

Что?

— ТЫ ВДАЛИ НЕ ЗАБЫВАЙ...

Забыть? Попробуй-ка давай
Забудь, как в предрассветный час
Та огненная ночь зажглась —
Руками варваров, она
К утру была обагрена
Не солнцем — кровью наших ран,
Все ризницы святынь армян
Ограбила, сожгла дотла,
Разрушила и разнесла
Армянской письменности храм,
Что был всего дороже нам,
И обрубила ветви все
У дерева во всей красе
Армянских гениев,
Потом
Из книги музыки она
Страницы вырвала, притом
Те, что сияли ярче звезд, —
Все фанатичный вихрь унес,
Все в ночь одну разбито вмиг, —
Смерть, боль, изгнание, тупик.
Вихрь злодеянья роковой
В Константинополе весной
Не пожалел ни одного,
Талант ли,
Гений —
Никого!

И люди — им бы жить и жить,
Свое бессмертье заслужить
Иль славный подвиг совершить —
В изгнанье шли
Дорогой той,
Где смерть их подведет чертой...

Жрецы,
Что музыку творят
И вечных слов святую нить,
Теперь должны и желчь и яд
Геенны огненной вкусить...

Попробуй-ка найди уста, чтоб не хотели плюнуть
всласть,
И сердце каменное, чтоб в нем трещина не завелась!..

...Изгнанья путь тянулся вдаль...

Тянулся он вдоль пирамид из трупов, черных,
как печаль,
Шел вдоль холмов из детворы, что надвое рассечены,
Молящих только об одном — погребены мы быть
должны...
Святые бедра матерей пытались стыд прикрыть песком,
Песком, желтеющим кругом,
А не подолом.
Нет его,
Как больше нету ничего —
Святынь
И бога самого!..

Подростки-девушки, что смерть от мук насилия нашли,
Невесты светлые —
Прикрыть пытались грудь клочком земли,
А не платочком.
Нет его,
Как больше нету ничего —
Святынь
И бога самого!..

Найди попробуй губы, чтобы
не проклинали все вокруг,
Найди кулак, тугой кулак,

Который бы не жаждал вдруг
Вонзиться в небо,
Чтобы так ему проклятье передать!..
Нет, надо не проклятье слать —
Отборной руганью мужской
Покрыть бы в небесах творца!..

Изгнанья путь тянулся вдаль, и не было
ему конца...

Из обезлюдевших домов
Летел, как жалкий жизни зов,
Тоскливый вой бездомных псов,
Они по глупости своей
Понять, конечно, не могли,
Что предпочтительней людей
Собаки стали той земли,
Где бесконечно долгий срок
Был человек — и царь, и бог...

Лежат столбы,
Дома в золе,
Собаки, рыская во мгле,
Хозяина холодный труп
Обнюхивают,
День-другой
Тоскливо в тишине ночной
(Как будто болью жжет их струп)
Скулят и воют,
А потом,
Не выдержав голодных мук,
Впиваются слюнявым ртом
Хозяину в одну из рук,
Что их кормила лишь вчера.
И труп, урча, жрут до утра...

Мог длиться этот адов путь
До бесконечности —
Но вот
День ужаса права сдает,
И караван людских колонн,
Что умереть приговорен,
В тюрьму Чанкырскую ползет,
Построен этот мрачный свод
Руками турок... для армян —
Здесь ждет бесчестье караван,

Такой насилия кошмар,
Что смерть пред ним — желанный дар,
А рок, что злобен и жесток, —
Уже не бестелесный рок:
В обличии аскера он,
Что до зубов вооружен,
Чтоб охранять тюрьмы порог...

И в этот миг:
— СПАСИ НАС, БОГ...

Как никогда
И как нигде
Был к месту вопль скорбящий тот,
Ах, Вардапет, в большой беде
Устами скорбными народ,
Чью душу черный траур сжег,
Молил, рыдал:
— СПАСИ НАС, БОГ...

И в тесных камерах вскипал
Мужских рыданий грозный вал,
Горячий, горький всхлип мужской,
И сердце воодушевлял
Он, в песне вылившись такой,
Что всех волнует, как весна,
И светлых слез струю родит —
Не болью, не тоской она,
А восхищением кипит...

— О БРАТЬЯ, ВОПРОСИМ ТОГО,
ПЛЕНЕННЫМ УВЕЛИ КОГО,
ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ ЕГО...

Но больше нет уже отцов,
Нет братьев — саблями сплеча
В горах убили молодцов,
И по ущельям, горяча,
Кровь льется вместо родников...

— В ГОРНИЛЕ ЖАР ОГНЯ ПОГАС...
СПАСИ, ВСЕМИЛОСТИВЫЙ, НАС...

Но пользы нет в моленье том,
Когда чудовищным огнем

Горнило,
Словно хворост, жрет
Страну армян и весь народ.

— К ТЕБЕ В СЛЕЗАХ ВЗЫВАЮ Я,
СЛОВАМИ УМОЛЯЮ Я —
ПОМИЛУЙ И СПАСИ НАС, БОГ...

Что завтра им готовит рок?
Какой к ним завтра смерть придет? —
Увы, мужей великих ждет
Не смерть геройская в бою,
А жертвы смерть в чужом краю...

— ПРИМИ МОЛЬБЫ, ЧТО ВОЗНОШУ,
ТЫ — ДОБРЫЙ, СМИЛУЙСЯ, ПРОШУ...

А если бы он добрым был,
То разве бы вооружил
Толпу зверей и к нам пустил
На нивы и сады армян
В Акин, Арчеш, Карин и Ван?..

— СВОЮ НАМ МИЛОСТЬ ПРОЯВИ —
МИР МИРУ ЭТОМУ ЯВИ...

Мир...
Если бы еще чуть-чуть все это бы
продлилось вдруг,
Глядишь — и вправду навсегда мир,
воцарился бы вокруг,
Одев цветущую страну
В кладбищенскую тишину,
Где нет живых, чтоб в горе там
Завидовали мертвецам...

— ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ...

О нет,
Не сжалился он, Вардапет.
А наказал тебя опять —
Не стал твою он душу брать,
Как через день
Он души взял
Тех, кто от жажды так страдал,

Как желтый выжженный песок,
Кто — гениальный — голодал,
Надеждой даже не кормясь,
Святая кровь их пролилась,
Но не от пуль и сабель злых...
Камнями всех побили их...

И в чем
Причина та была,
Которая оторвала
Тебя от горестной судьбы друзей,
с кем счастье ты делил,
От рая дорогого, путь в который
камень им открыл,
И бросила в широкий ад,
Где смерти нет, а только мрак,
Где краски жизни не горят?!

Ах, почему оторвала?
Освободила поздно так?

Но то... свобода ли была...

ЗВОН ПОМРАЧЕНИЯ

Ах, если то было спасенье...
О Спас,
Избавь от такого спасения нас!..

...Искусные пальцы забыли рояль,
Безмолвна заброшенных клавиш печаль!..

Он вновь в Панкалты в своем доме живет,
Чанкырской тюрьмы удручающий свод
Уже далеко от него,
Но в мозгу...
В мозгу к оболочке клок тьмы прилипал,
Как пар кипятка, что летит к потолку,
Клубился под черепом,
Вился, витал,
И, словно слизняк, копошился, скрипел
Тот мрак
И никак отлипать не хотел.

По улице шел он, накинув пальто, —
В ушах его оклик внезапно гремел:
Казалось, зовет его Сиаманто,
Казалось, окликнул его Даниэл...
Когда же смеркалось,
Казалось ему —
В гостиную, прямо к нему, через тьму
Шагает кабаноподобный аскер
И, сняв ятаган, отстегнув револьвер,
Горячие камни вздымает в руках.
И... криком взрывался
В душе его страх,
И он зажигал все лампады вокруг,
Садился, вздыхал облегченно.
И вдруг
Глазами вращал — в них метался испуг,—
Казалось, лампад языки — это кровь,
И он задувал их затравленно вновь.

А чаще он вскакивал так... без причин,
А чаще... был там он —
В отчизне армян, —
Бродил он по Мушу, входил он в Карин,
С любовью глядел на престольный наш Ван...

Хоть сам он —
                    в Стамбуле,
А мысль его —
                    там!..

В Армении там, говорят,
Без армян
Цветут анемоны по тихим садам,
Чей цвет восковых лепестков источал
Вина аромат и сердца опьянял,
Теперь —
            не навек ли?
                        багровым он стал,
И запах тяжел их —
                        так пахнет лишь кровь,
Дразня раздражающе ноздри бычков
Кочевников-курдов...

А юный вьюнок —
Эстет, что не терпит уродства ни в чем,
Карабкался молча на горный отрог,
Чтоб собственным нежно-зеленым крылом
Прикрыть капли крови
На серых камнях,
Спешил занавесить утесов бока,
На выступах чьих,
Как на острых клыках,
Дрожал
От победных рывков ветерка
Нарядной одежды армянки клочок,
Поблекший теперь уже до белизны
От солнца ли
Или от горя, что рок
Дал полною чашей испить без вины,
Дрожал он от ветра,
Белесый клочок...
Почетного самоубийства флажок...

А те из утесов,
Куда и вьюнок,
И даже лишайник забраться не мог,
Чьи красные стены
В отвесной дали
Расщелины белые пересекли
Подобно колоннам различной длины, —
Огромным органом они взметены
Над амфитеатром армянской страны, —
Так эти утесы
Стонали с тоской,
Когда ветер-варвар холодной рукой
В них бил, музыкального слуха лишен,
Гудели утесы,
И жалобный стон
Органным аккордом над миром несло:
— Что здесь приключилось?
Что произошло?!!

А глупой кукушке никак не понять —
Бескрылый мозг птичий
Не может объять
Случившееся, —
И наивно она,

Как только вокруг расцветает весна,
В эфир
через паузы
весточку шлет,
Домой
языком телеграфным зовет:
— Ку-ку! Отзовитесь!
Что с вами? Ку-ку!.. —
Напрасно кукушке кричать на суку!
Умершим услышать тебя не дано,
А те, кто по свету рассеян давно
Как горсть ячменя —
среди птиц у гумна,
Как пригоршня крови —
в воде, что мутна,
Те, хоть позывные твои и поймут,
Уловят их сердцем, душой обоймут,
Но только — увы! — на призыв дальний твой
Ответят они лишь горючей слезой,
Миганием век и биением жил,
Набухших от гнева, что их опалил,
И сердцебиеньем ответят на зов,
Но только не радостным гулом шагов
Счастливых скитальцев, идущих вдали
К родимому дому дорогой побед:
— Топ-топ! (Мы идем!)
— Топ-топ-топ! (Мы пришли!..)

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Там —
В горном Сасуне, где за облака
Деревья ореховые забрались
И спорят с оленями, кто на карниз
Быстрее поднимется,
И, как рога,
На лбу волосатом утеса растут,
Там —
В горном Сасуне, где реки ревут,
Где в темных оврагах колючки, как лес,
На них, на листву — и вкусна, и бела —
Действительно сыпалась манна с небес *,
Что бедным крестьянам подспорьем была.

Но... манна небесная заменена
Небесною карой — повсюду она!..
Теперь
На камнях Цовасара * следы —
Что с детскою ванночкой схожи слегка —
Следы от железных лаптей пастушка *
Заполнены струйками талой воды,
И в них полумесяц, холодный как лед,
С намеками речь о прощенье ведет...
А в храме Марута, что эпосом свят,
Паломников нет —
Только совы грустят
И стонут, что мир — суетою объят...
Орехи горою лежат,
Им опять
Гнить осенью:
— Некому их собирать!.. —
Овец одичавших и диких стада
С гор тянутся:
— Некому больше стрелять!.. —
До Мушской долины дойти иногда
Решаются:
— Некому их воровать!.. —
И кошка в кадушке для теста рожать
Котят приготовилась:
— Некому гнать!.. —
Коровы
О яслях уже вспоминать
Давно перестали, но все же пока
Страдают, —
Как полный кувшин молока,
Набухшее вымя им трудно носить,
Не выплеснув:
— Некому их подоить!.. —
Его о ладони камней они трут
И хрипло мычат:
— Нестерпим этот зуд!.. —
И манну в Сасуне средь ласковых гор
Медведи сосут, наживая запор,
И, в храмах святых алтари оскверняя,
Катаются с ревом, закончив обед,
Тем ревом Огана-Горлана дразня, —
Почтенья к сасунским безумцам уж нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Венера с вершины Немрута блестит
Так ярко,
Как будто горит не звезда,
А миски пастушьей сверкает луда,
И кажется облаком белым тогда
Путь Млечный,
Когда чужеземец глядит...
И сын армянина,
Того, кто сумел
Лишь чудом судьбы всех родных избежать,
Когда он, приехав в родимый предел
По визе туриста, начнет целовать
Ногою Сипана священного склон,
Не примет ли тоже за облако он
След саманокрада * — ваагновский след...

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Царит там теперь
Паутина одна,
Лениво зевая, мечтает она:
Хоть волки бы сытые стали рыгать,
Чтоб голос живой — пусть любой —
услыхать!
Но волк редко сытым бывает,
И вот
Вновь дремлет она,
Оживая раз в год,
Когда в обезлюдевший вымерший край
Зачем-то заедет
Заптий-полицай,
И взвоет ШАРКИ *
Навевая тоску, —
Ни ПЕСНИ ГУМНА;
Ни ХВАЛЫ ЖЕНИХУ;
Ни ЛУННАЯ НОЧЬ;
ОРОВЕЛ не плывет;
В Армении
Кто без армян запоет,
Кто в танце характер покажет живой?

Ни песни обрядовой,
Ни трудовой —
Нет песни армянской в Армении.
Нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!

А ночь, тяжело придавив чернотой,
Заляжет, как буйвол, угрюмый и злой,
Рогами держа небосвод над собой.
Уродливым ртом
Будет молча, с трудом
Жевать злодеянья она и погром,
А их — если даже скотиною быть —
И то нелегко будет переварить.
Тьмы черной чернила, печально до слез,
О бойне элегию станут писать,
Но вместе с рассветом
Чернила опять
Сотрутся, как... кровь и армянский вопрос...

А утро!..
Глаза каждый раз открывать
Оно, как наивный ребенок, начнет,
Ему будет мниться опять и опять,
Что жизнь как текла,
Так и ныне течет:
Вот-вот мать шлепки маслобойки прервет
И соню-сынулю
Во двор позовет...
И снова над тихой деревней вот-вот
Мычащего стада волна потечет...
Услышав, как стонет в саду ветерок,
Сорвется и вдаль полетит лепесток...
Вода
        через рыхлые грядки, как крот,
Прорыв их, тихонько ужом поползет...
Плуг с пашни ближайшей
К дороге свернет,
И лемех, как зеркало, зайчик пошлет,
И яркие блики скользнут по лицу
Соседской невестки,
Ее испугав:

Какому надумалось вдруг удальцу
Заигрывать с нею!
Об этом узнав,
— Ой, господи! —
Муж не простит никогда.
— О боже! —
Кровь может пролиться тогда!..

А утро,
Глаза открывая опять,
Обманется, словно ребенок, на миг,
Но тотчас придется всю правду узнать —
Что стало армянской сиротке под стать:
Ему б закричать —
Но не вырвется крик,
Ему бы заплакать —
Где слезы найдет,
Ему б умереть —
Смерть к нему не придет,
Ведь происхожденье свое он ведет
От Младшего Мгера * — о проклятый род!..

Ну кто, Вардапет,
Тут с ума не сойдет!..

Скучающий ветер стрелой полетит
По Мушской долине,
Чтоб грусть излечить,
Но ни одного он не встретит в пути
Ердыка, чтоб дым из него подхватить,
Как дикую кошку, трепать, теребить,
Пока от него не исчезнет и след...

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Бюракном * нагорье звалось, но пришли
Османы —
Бингёлом его нарекли.
А в нем — десять тысяч сверкает озер,
А в нем десять тысяч звенит родников,
Теперь —
　　　　　　все они в ожиданье с тех пор:
Людских ждут шагов

И людских голосов,
Чтоб голову кто-то над ними склонил,
Как в зеркале, в них отразившись, возник
И, фыркая, жажду свою утолил,
Иначе, без этого — что за родник!
Иначе — родник ты,
Но станешь прудом,
Иначе —
              не озеро,
А водоем,
Не то предстоит старой девой им стать,
Меж тем как инстинкт материнства опять
Щекочет ее все сильней и сильней,
Хоть сделай прививку, как оспы, чтоб ей
В себе жажду женщиной стать превозмочь,—
Но оспинки чешутся каждую ночь...

Евфратом звалась —
И... назвали — Мурад!
Шайтан с ним, Мурадом зовись, как хотят,
Лишь только б река оставалась рекой —
Сплавляла бы лес,
А не... трупы весной,
На берег швыряла бы
Пни и снопы,
А не черепа и не кости стопы!..
Лишь только б река оставалась рекой —
За все воздавала
Крестьянам с лихвой:
За то, что сажали сады искони,
За то, что пахали и жали они!..
Лишь только б река оставалась рекой —
Вращала бы жернов живою водой,
В глубоких ущельях ревя, словно зверь...
Так было всегда.
А теперь!..
                  А теперь
Какая там пахота или полив,
Какая там мельница — нет больше нив!..
Как девушке снится колечко во сне,
Так грезит река о мостах в тишине,
О бедный Евфрат,
Тех мостов уже нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

У скольких народов есть озеро Ван?
Такое — чужой только спросит язык,
Подобный вопрос — для туристов и книг,
А спрашивать Вана лишенных армян
Смешно — не вопросы они задают,
Они утверждают — и этим живут!
— Есть рай на том свете,
А здесь — это Ван!..

Эх, сердцеобразное озеро Ван,
Ты морем считалось всегда у армян,
Звалось ты Бийан, и Тушпа, и Бзнуник... *
Тебя окружили, чтоб видеть твой лик,
Священный Вараг *,
И Сипан, и Немрут,
Как невод, они свои тени плетут,
Забросив в тебя — не селедку ловить,
А краски, которых ни с чем не сравнить,
Ни с чем не сравнить и нельзя уловить!

В Востане * спит ветер — глубок его сон,
Хмельными он запахами опьянен,
То хмель Айгестана * его усыпил,
Его аромат Артамеда * сморил,
На яблоне спит он, чей в косточках плод
Гремит, если кто-нибудь сильно встряхнет,
Как будто в нем спрятана горсть янтаря!
Где ванец спасенный,
Тоскою горя,
Услышит тот звук,
Что знаком с детских лет?!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

И в том же Востане,
Когда после сна
Встает пьяный ветер от стука плодов
Деревьев рожающих,
Долго спьяна
Петляет сначала он между стволов,

Потом устремляется к озеру он,
Чтоб там, у студеной водицы, согнать
Похмелья угар и прилипчивый сон,
Но ветер так жарок, что озера гладь
Трепещет, как женщина в страстной тоске,
И тут же стыдится — ведь невдалеке
Святой Ахтамар *,
И покаянно ввысь
С мольбой уже волны как руки взвились.
Ах, волны,
Ах, ванские волны!

Пастух,
Что мыла не видел и месяц, и два,
Войдет в эти ясные волны едва —
И чист, словно стеклышко, легок, как пух,
А кожа так бархатна и так нежна,
Как теплая яловой телки спина.
И значит, без мыла мог ванец прожить
И так потихоньку богатство нажить! *
А может быть, Семирамиды канал *
Здесь золото
Тысячу лет рассыпал
По солнечным нивам и белым садам,
По красным оврагам и черным полям!..
Ах, Ванское море,
Когда темнота
Спускалась,
Воссев на Сипан и Немрут,
И клинописи, что века не сотрут,
Стирала на склонах,
Где Вана черта,
Когда восседала на озере тьма,
То небо бросалось в него, словно раб,
И резвая рябь превращалась не в рябь —
А будто вода закипала сама
От огненных звезд
В том озерном котле.
И звезды ли там пламенели во мгле,
Иль плавали тысячи ванских котов *
С глазами, что ярче печных угольков,
Пытаясь от черного мрака спастись,
Иль тысячи тысяч каменьев
Зажглись

И завистью жгут ювелиров они,
Которыми славился Ван искони?!..
И вот, напоследок,
С цедилкой-ковшом
Большая Медведица — неба краса, —
Покинув в предутренний час небеса,
Без звука, без плеска ныряла тайком
В глубь озера,
чтобы воды зачерпнуть
И яркой лазурью на небо плеснуть,
Пусть блеклые краски заменит оно.
Но... в дырки-цедилки
Лазурь все равно
Стекала обратно — и озера гладь
Лазурью сияла,
А небо опять
Тускнело, чтоб блеклым по-прежнему стать!

Ах, Ванское озеро,
Что тебе в том —
Тускла иль лазурна небес глубина,
Когда в твоем городе,
Да и кругом,
Фанатик, всю жизнь ненавидящий свет —
Тьма,
злобу сгущая,
И рвенья полна —
Власть хочет продлить
До скончания лет!..
И это в то время,
Когда и близка
Родная сестра твоя
И далека —
Севанское озеро...

Мой Вардапет,
Несчастный
И все же счастливый ты мой,
Поскольку не знал,
Да и знать ты не мог,
Что озеро
Собственной крови ценой
Даст свет
Даже скалам, где нет и дорог,

Под хрипы оленей и фырканье коз,
Когда, их пугая, сиянье зажглось.
Одно не смогла лишь сестра,
Что щедра —
Дать городу Вану спасительный свет
И Ванскому морю, чей берег одет
В сплошную кромешную тьму до утра,
Севанское озеро
Вана сестра,
Навек превратившая кровь свою в свет!..

Счастливый ты мой
И несчастный ты мой,
Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

У многих ли стран в мире
Есть Арарат?!
А если найдутся сказавшие «да»,
То бросит на них иронический взгляд
С презрением Библия даже тогда
И спросит, пергаментный вытянув лик:
— Прочти-ка... Таких я не видела книг!
У многих ли есть Арарат?
Арарат!..
Для нас и у нас,
Эх, и есть он, и нет —
Одна только видимость, как говорят!

Несчастный,
Счастливый ты мой,
Вардапет! —
Поскольку не знал,
Да и знать ты не мог,
Что смелых армян —
Альпинистов толпа,
Хоть рядом стоит Арарата чертог,
Спешат к поездам,
И ведет их тропа
К Эльбрусу двуглавому и на Казбек,
Чтоб над покоренной вершиною встать,
Взойти на Памир сквозь морозы и снег,
Тогда как —
Всего лишь рукою подать

От дома им
До араратских высот,
Вершины, чья девственно белая грудь
Армянские пальцы горячие ждет,
Зовет приласкать,
В поцелуе прильнуть,
Ведь ей не забыть поцелуй жениха,
Кто «Раны Армении»* в сердце пронес!..
Немало армян
Верит в бога пока,
Но пусть не наука решает вопрос —
Библейской горы
Однозначен ответ,
Жестокой судьбою,
всем тем, что стряслось,
Им сам Арарат говорит:
— Бога нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Несчастный ты мой
И счастливый ты мой, —
Поскольку увидеть был жребий не дан,
Что будет Масис,
Арарат наш родной,
У новой, последней столицы армян
Стоять пред глазами,
Как будто дразня,
И будет безжалостно нас возбуждать,
Магнитом притягивая и маня,
И раны, что стали уже заживать,
Опять бередя:
Хоть и есть он, а нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Что может быть горше, страшней, тяжелей,
Чем матери боль,
Потерявшей дитя?! —
А если поступят еще с ней страшней,
Ту боль недостаточно сильной сочтя,
Погибшего

Выставят труп перед ней,
Причем не на день,
А на множество лет?!!

Коль мать ты,
Попробуй ума не лишись!..

Так
    перед лицом Еревана
                                        Масис
Поставлен!..

Попробуй-ка тут,
Вардапет...

ЗВОН ПОМЕШАТЕЛЬСТВА

От страшных картин,
Что он видел кругом,
Сначала глаза помешались,
Потом —
Державная мысль...
И, познав дикий крик,
Проклятья и воплей безумный язык,
В душе его,
Стонами полной до дна,
Настала кладбищенская тишина.
А ум,
Что небесным светилом сиял,
Отныне какой-то планетою стал,
Все той же снаружи,
Но как же ей быть
Той самой —
Светило... не стало светить!

И он не успел в Аварайрском бою
Варданом пожертвовать,
Сам жертвой став, —
Ах, если бы жизнь он закончил свою
Подобно Вардану, в сражении пав,
Иль новым Мушегом он умер бы пусть,
Чье слово последнее знал наизусть

Он иноком юным,
Твердя в тишине:
— УЖ КОЛИ ПОГИБНУТЬ И ВЫПАЛО МНЕ,
ХОЧУ УМЕРЕТЬ Я В БОЮ НА КОНЕ... —
А сам не с коня
Пал в разгаре борьбы —
Пал жертвой предательства...
нашей судьбы.
Несчастную, в горе Ануш не успел
В той опере дивной с ума он свести *,
А сам —
От чудовищных варварских дел —
Не смог потрясенный рассудок спасти...
И он не успел сделать то, что мечтал:
Заставить сасунских безумцев запеть,
Сам —
Стал Младшим Мгером
И замуровал
Себя в Агравакре * он, заживо тлеть...

...И тот даже, кто в эти дни умирал,
От боли — тебя потерять, Вардапет, —
ГЛАЗА МОИ ПЛАЧА ПОЛНЫ... застонал,
Без слов, без мелодии — сердцем в ответ —
СГОРАЮ, СГОРАЮ... сгорая, запел,
Однако... без пользы.

А тот, кто успел
Спастись от резни —
Справедливую злость
Забыв от бессилья, бесправья и ран,
Вновь к несправедливому богу армян
Взывал молчаливо, чтоб все обошлось,
Однако... напрасно.

И в церкви любой,
И в храме любом, уцелевшем пока
В армянской стране, по тебе, как река,
Молебны текли,
Призывался с тоской
Губами дрожащими пастырей бог

В хранители — чтобы он спас и помог,
Однако... не спас.

Взгляд безжизненным был,
Твоя голова, что светилом была,
Планетою стала, чей пламень остыл,
А свет поглотила кромешная мгла...

ЗВОН НЕПРЕХОДЯЩЕЙ СКОРБИ

В Шишли * вблизи Стамбула он
Был на два года заточен,
Он, что народом вознесен.

Лечили...
Что лечить взялись? —
Мозг мертвый,
Раненую мысль,
В которой лед и мрак царят?..

Но те, кто светлый разум чтят,
Смириться с этим не хотят —
И вот в Париж отправлен он.

Париж, Париж!..

Ты покорен
Был около двух лет назад,
Когда к тебе он приходил,
Чтоб дудкой, полной дивных сил,
И страстью в голосе своем,
И ясной мыслью, и умом
Конгресс собравшийся пленять,

Париж, Париж!..

К тебе опять
Он возвратился,
Но не петь,
А в ранах угасать и тлеть —
Нет крыльев, чтобы ввысь лететь,
И нет огня, чтобы пылать...

Настала горькая пора —
Ни «Бис!»,
Ни «Браво»,
Ни «Ура!».

Париж, Париж!..
Пришел просить
Тебя он — мысли возвратить...

Париж, Париж!
Будь добрым с ним,
Щедр милосердием своим,
С кривой дороги уведи
И выведи на светлый путь —
Ну, сделай, сделай как-нибудь,
Чтоб он опять в твоей груди
Восторг мелодией зажег,
Тебя омыть бы мыслью смог,
Чтоб из свирели на простор
Летел танцующий ШОРОР...
Но бедному Парижу где лекарство нужное найти,
И есть ли вообще оно, чтоб чудом гения спасти,
Ведь он — когда на корабле перед отплытием стоял
И от своих учеников
Любви букеты молча брал, —
Улыбкой доброй не сиял,
Не нюхал нежные цветы,
А — равнодушною рукой — бросал их в море
с высоты,
И застывал холодный взгляд
На груде каменных громад...

...И вот ползет за годом год —
Никто твой гений не спасет...

Уходит год, приходит год —
Кто к нашим хазам ключ найдет,
Которые он двадцать лет
Учил глядеть на белый свет,
Ночами мучаясь, как мать,
Их поднял,
Научил шагать
И вывел их на ровный путь, —
Теперь же хазы те опять

Одеревенели — не согнуть! —
Что было сделано с трудом за двадцать
бесконечных лет,
Злым ветром все разметено — и среди скал утерян
след...

А по следам годов года
Опять шагали, как всегда:
Один — одиннадцать, — и вот
Уже идет двадцатый год.

А он, умерший, двадцать лет,
Не погребен — и жив, и нет,
Не погребен он,
Труп живой,
И одинокий,
И святой!..

И дышит в спину года год,
Рожденный годом, год идет,
А он, подобно Азаран,
Жар-птице сказочной армян,
Что не расстреляна была
И не зарезана со зла,
А просто сбита на лету тупым ударом прямо
в лоб, —
Так трепыхался двадцать лет он без сознания.
О, чтоб...
Но нет надежды, средства нет
Смягчить ту боль, что сердце жжет,
Скорбь, причитанья заглушить
И наши слезы иссушить —
От них, как борозда, идет
По всей душе кровавый след...
Так он, умерший, двадцать лет
Не погребен — и жив, и нет,
Труп —
И живой, и не живой.
И одинокий,
И святой...

УСИЛИВАЮЩЕЕСЯ ЭХО

ЗВОН ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ах, Вардапет,
Живя во мгле,
Ты умер, собственно, давно,
Еще не преданный земле,
Еще нетленный все равно!

Но что происходило —
Нож,
Погромы, ятаган, резня,
И козни тайные, и ложь,
Злодейство среди бела дня,
И вырубленный целый бор —
Нечеловеческий позор!
Нечеловеческой была об этом даже мысль сама,
И от ужасной мысли той попробуй не сойди с ума!

Но вот — на камень
Зла коса
Нашла, и он ее сломал!

Но ты-то этого не знал,
Ты в Вил-Жуифе* угасал,
Не ведал ты, что по земле
Промчались грозные грома,
И буря грянула во мгле,
И навсегда исчезла тьма,
И твой народ, который был,
Как ты, бездомным сиротой,
Истерзанный, лишенный сил,
Весь в клочьях, с раною сплошной,
Людьми и богом в трудный час
Покинутый,
Надежд лишен,
Встречавший сводников не раз
В друзьях, которым верил он,
Народ, который осушил
Всю чашу горестей
До дна
И все отчаянье сполна,
Тот, что на ложе смерти был

В агонии, —
Вдруг ощутил,
Что возродился снова он,
Что новой верой окрылен,
Что к новой жизни путь нашел,
Надеждою вооружен,
Что в старом верном друге вдруг
Он друга нового обрел;
Да, новым был тот старый друг,
Четырехлетний *, но такой
Самоотверженный, большой,
Что, слыша крик предсмертный твой,
Ответил грозным, как прибой,
Спешащим топотом шагов,
Пришел и спас от всех врагов
И обнял сироту, тебя,
И пояс подоткнул любя,
Чтоб снова мощь ты ощутил
Рассеяннных когда-то сил,
И уважение к тебе
Глубоким было у него,
Хозяином в твоей судьбе
Тебя поставив самого.

Народ родной твой, Вардапет,
Хоть со слезами на глазах,
Весь в ранах после тяжких бед,
Истерзанный,
В сплошных клочках,
Твой, Вардапет, народ родной,
Пока ты двадцать лет лежал
И в заточенье угасал,
Навек «прощай» тюрьме любой
И заточению сказал,
Определив судьбу свою,
Вошел в могучую семью,
Как в солнечный просторный дом,
Где служит дружба —
потолком,
Где крышей —
общая мечта;
Семья, в которой никогда —
Ни распрей,
Ни твое-мое,

Всеобщий дом, где бытие
Надежно — потому что в нем
Фундамент братства держит дом!..

Ты светлый разум потерял
От мрачной мысли, что настал
Для нации последний час,
Что ждет исчезновенье нас,
И не узнал,
Что, в землю мы
Закопанные средь зимы,
В ней не истлели,
А глаза,
Как виноградная лоза *,
Раскрыли в первый день весны,
В земле расправились, стройны,
Вздохнув весенний ветерок,
Побеги дали в нужный срок —
И снова заиграл наш сок!

Стояла новая весна,
Да и какой была она!..
И вековая наша кровь,
Пузырясь, горячела вновь,
Со старой лимфой новый сок,
Вошли в наш ствол, как кипяток.
Ветвям, что сломаны со зла,
Они несли поток тепла,
И наша древняя душа,
Как новорожденный дыша,
Свой звонкий голос подала!

Мы — недовольствуясь лишь тем,
Что сохранили от потерь, —
Как лед, растаявший совсем,
Распространились,
И теперь
Везде, куда ты ни пойдешь,
С армянским именем найдешь
Ты человека, что хранит
Армян величие и честь,
Да и таких, кто знаменит
Достойной славою,
Не счесть!..

Сироты жалкие — вчера,
Сегодня — полный дом добра,
Народ, что море потерял,
Народам... адмирала дал!.. *

И нация,
Давным-давно
Войск не имевшая своих
И полководцев боевых,
Растоптанная за века
Нашествиями много раз,
Несметным полчищем врага
Разгромленная в прах,
Сейчас —
В домах разрушенных смогла
Нам полк полковников родить,
И генералов подарить,
И даже... маршала дала!..*

А наше тело — хоть оно
Все, бедное, снести могло —
Так мучили жестоко, зло,
Как лишь Христу было дано,
Но мало этого! Потом
Они добрались до души,
И способ хитрый был притом:
Души нас навсегда лишить,
Убив последнего певца,
Который мог бы нас воспеть
Или оплакать нашу смерть, —
С душой покончив до конца,
И так — ни одного певца!..
И ведь добились своего!
Но — чудо! — не столетий вал,
А десять лет прошло всего,
Как твой народ Чаренца дал.
И кажется, что он рожден
Не матерью,
А... прямо он
Из сказок выскочил армян,
Что через смерть мы пронесли.
И брата
В нем приобрели
Погибшие от тяжких ран

Сиаманто и Варужан —
Их младший брат,
Их младший сын,
Который совершит один
То, что хотели, говорят,
И средний брат,
И старший брат!..

Мы, что судьбой осуждены
На избиенье каждый миг,
К скитаньям приговорены,
Несчастные из горемык,
Мы, под огромным небом звезд
Лишенные звезды своей,
Спаслись,
Хоть пережить пришлось
Смерч, ураган и суховей.
И смотрит в звездный океан
Глазами жадными армян
Неболюбивый Бюракан,
Которого вчера не знал
Мир, а сегодня он вручал
Не новую звезду ему —
Ассоциаций звездных тьму,
Чтоб на лицо науки лег
Прохлады свежий ветерок!..

Под тем же небом, где вознес
Вершины Арагац средь гор,
Уже сиянье не лилось
Лампады, что зажег Григор *, —
Не по велению творца,
Умом армянских сыновей
Букет
Космических лучей
Горит лампадой без конца!..

И сети все мы обошли,
И избежали всех крючков,
Приманки нас не завлекли
И вот,
когда не страшен лов,
Мы сами рыбкой золотой
Теперь награждены судьбой,

А тех, кто взял наживку в рот,
Разбитое корыто ждет!..

Напрасно ждущий похорон,
Уже нетленный на века,
Ты мумией был с тех времен,
Но с сердцем, бьющимся пока,
Угасшая среди ночей
И возгоревшая опять
Ты — люстра в тысячу свечей,
Чтоб наши души освещать!
Не знал ты,
Да и знать не мог —
От Арарата до Карпат
Квартет * проложит сто дорог,
Великой гордостью объят,
Что назван именем твоим,
Твоих мелодий стройный лад
По-новому озвучен им,
И возвещает этим он,
Что кончен временный твой сон,
Что жизнь — безбрежна впереди,
Неумолкаемый в груди
Твой резонанс растет, растет
Из края — в край,
Из уст — в уста,
Из сердца — в сердце
Он идет,
И прославляют голос тот
И наш лазурный небосвод,
И Гималаев высота!..

Мечтатель — ты, увы, не знал
И знать не мог ты наперед:
Все, что душой большой желал
Лишь полушепотом,
Придет,
Дыханье, форму обретет!
Не знал ты,
Не видал зари...

А ныне,
Ныне... Посмотри!..

ЗВОН ВОПЛОЩЕННОЙ МЕЧТЫ

Нарядные девочки чинно идут,
Опрятные мальчики следом спешат,
Их за руки бабушки, мамы ведут
То в шумную школу, то к дому назад,
И статные юноши — смуглы, сильны, —
И стройные девушки — очи черны —
Идут со свирелями, скрипки несут,
Под мышками нотные папки держа,
Они в магазин музыкальный идут,
И там покупают, волненьем дыша,
Твои сочиненья —
Прекрасней их нет! —
И с ними спешат на занятья чуть свет!

Попробуй-ка в это поверь,
Вардапет!

Вот — храм небывалый, невиданный храм,
Очаг негасимый, что светит векам,
Культуры, истории, лиры армян
Дворец чудотворный — Матенадаран,
Он — житница,
Нашей души урожай
Заполнил его до конца, через край,
Месроповских букв он печатью согрет,
А рядом с ним
Зданье, дарящее свет, —
Армянская консерватория здесь,
Носить твое имя ей выпала честь!

Ну вот и найди тут слова,
Вардапет!..
Крещенные духом бессмертным твоим —
О, сколько теперь их под небом родным,
Армянских певцов, музыкантов-армян,
Влюбленных в тебя,
Озаренных тобой,
Они во всем мире
На сценах всех стран
И танцем, и песней смогли огневой
Всех заворожить,
Дав бессмертную жизнь

Мелодиям нашим, спасенным от бед,
И речи армянской!

Ну вот, Вардапет,
Попробуй-ка ласково не улыбнись!..

И, русло расширив у песни родной,
И новых симфоний рождая прибой,
О, сколько теперь композиторов вдаль
Несут наших душ и восторг, и печаль
От Норка к Нью-Йорку,
От синей волны
Севана и до Ниагарской стены.
И в каждом концерте, и в каждом из них —
В певицах, в певцах, в музыкантах самих —
Ты — вечно присутствуешь, ты — их отец,
Их крови, текущей по жилам, творец,
Что новые формы нашли наконец.
Ведь ты — Патриарх, ты — то самое ЯН,
Что встретишь в фамилии каждой армян,
Дыхание наше,
Ты — нации дух,
Тобой он пронизан,
Тобою он дан,
И может быть назван фамилией вслух
От имени светлого —
КОМИТАСЯН!..

Воскресни, умерший,
Зовет тебя жизнь!

Скиталец,
Попробуй-ка тут не вернись!..

ЗВОН ВОЗВРАЩЕНИЯ

И он возвратился...

Но прежде него,
По миру рассеянные, как песок,
Армяне, которые на волосок
От верной погибели были всего,
Которых лишь случай от смерти сберег,

Чтоб дать им взамен только стоны и плач,
Чтоб мучить и мучить взамен, как палач, —
Рассеянные по земле, как песок,
Армяне, от гибели на волосок,
Теперь в край родной возвращались опять,
Чтоб старый потухший очаг разжигать,
Чтоб дым задышал
И проснулся ердик
Пред ликом Масиса, что строг и велик,
В честь тех, кто пришел к Арагацу живой,
И павших бесчисленных за упокой.

И он возвращался, и он приходил,
Кто жертвой того же изгнания был,
На том же горячем и на ледяном
Помешан —
На песнях, на танце родном,
Опора единственная, что могла
Связать с новым старое крепче узла,
Та лента из радуги,
Что в горький час
Нож злобный однажды отрезал от нас,
Которую двадцать томительных лет,
Сначала — с мечтой, что настанет рассвет,
Затем — с жаждой сердцем покой обрести,
Мы ждали,
Чтоб вместе с любовью найти
Сегодня — на ране зажившей — рубец
И чистым — наш завтрашний день наконец:
— УМРУ ЗА ПРИХОД ТВОЙ, ОБЪЯТА ОГНЕМ,
МОЙ БРАТ, ДОРОГОЙ, ПРИХОДИ, И УЙДЕМ...

Он —
Истосковавшийся в дальней дали,
Он —
Сын наш единственный отчей земли,
Он —
Горький скиталец,
Он —
Жертва тех бед,
Домой возвращался спустя двадцать лет:
...МНЕ И УМЕРЕТЬ ЗА ПРИХОД ТВОЙ
НЕ ЖАЛЬ,
...ТОСКУ УТОЛИТЬ БЫ СВОЮ И ПЕЧАЛЬ...

Он с черной бородкой, с усами ушел,
Он в черной одежде покинул порог,
Он черным ушел, поседевшим пришел...
— О МНОГОМ СМОЛЧУ, ХОТЬ СКАЗАТЬ БЫ Я МОГ,
НУ ЧТО ТЕБЕ СКАЖЕШЬ, НЕПРАВЕДНЫЙ БОГ?..

Ушел он,
Теперь вот — его привезли,
Из дома ушел на своих он ногах,
Теперь вот —
Певца нашей светлой земли,
Теперь вот —
Его принесли на руках...
— АХ, МАТЕРИ ЛУЧШЕ Б ПОГИБНУТЬ С ТОСКИ,
ГРАНАТ, ПОТЕРЯВШИЙ СВОИ ЛЕПЕСТКИ...

Ушел он в тот миг,
Когда бешено, зло
Дыхание ужаса
Смерть нам несло, —
Армянское племя, как страшный пожар,
Сжигал суховея губительный жар,
Он, как людоед ненасытный, нас жрал,
И зверский его аппетит не стихал,
Теперь же домой возвращается он,
В дом,
Что от неистовой бури спасен,
И вновь был отстроен,
И с разных сторон
Лозой виноградной укрыт был кругом.
— ВЕСНА, ТЫ ТЕПЕРЬ ПРИХОДИ, ПРИХОДИ,
НО ЧТО С ТОБОЙ СДЕЛАЛИ...

Звали — приди! —
И он возвратился в свой край дорогой,
Который — он думал — навек потерял,
И именно мыслью той, дикой такой,
Был мозг источен, и безумным он стал...

Вернулся к Масису, что дремлет во мгле,
Пришел к Арагацу, что четырехглав,
К своей непорочной воде и земле,
К дворцам своим, храмам, чей вид величав,
К садам своим, к пастбищам, к ниве своей,
К тоске
Своих прошлых
И будущих дней,
К той всепоглощающей страшной тоске,
Что несокрушима была вдалеке,
Что двадцать пять лет собиралась во тьме —
В его темном сердце,
В сраженном уме
Со дня рокового,
Когда через двор
Прошел, Кафедральный покинув собор,
И с болью, обиженный, новую жизнь
Ушел он искать в тот далекий Полис,
А после... в Париж... в завершенье пути...
— АХ, ЧТОБ ТЫ ПРИШЕЛ
И НЕ СМОГ БЫ УЙТИ...

И он возвратился, заочный святой,
Сошедший с ума от немыслимых бед,
Не зная, что все двадцать лет над страной
Звенит его колокол звоном побед,
С безумною мощью он отклик родит —
И плач восхищенья,
И праздничный свет
Поднялся, разлился, потоком летит
По новому руслу,
С теченьем другим
Смешался и стал половодьем одним.
— НАДЕЖДА МОЯ, ВОТ БЫ МАМА ПРИШЛА
И ВСЕ ТВОИ БОЛИ С СОБОЙ УНЕСЛА...

Вернулся,
Чтоб не уходить никогда,
Пришел, чтоб душа под покровами льда
Согрелась горячей любовью людской,
Пришел и не знал наш заочный святой,

Что стать ему памятником предстоит,
Одетым и в бронзу, и в гладкий гранит,
И там... голове, что от горя седа,
Как прежде — навек — потемнеть предстоит,
Во взгляде исчезнет туман навсегда,
И блеском былым он опять заблестит
И снова рассеет
Повсюду, кругом
Талант человеческий, став божеством,
Движеньем руки он
И песней немой
Уроки вновь даст —
Лейся соло волной
И многоголосья цвети красота...
— ГЛАЗА ТВОИ ЯСНЫ
И СВЯТЫ УСТА...

Вернулся,
И вот — вся страна,
Весь народ
С печалью на сердце
Поднявшись, встает,
Проститься идет он в колоннах сплошных
С волшебником, магом напевов родных
И тагов и песен, что славят наш край...
— ЗЕЛЕНОЕ СОЛНЦЕ МОЕ, КАК «ПРОЩАЙ»
ТЕБЕ Я СКАЖУ...

ЗВОН ПРОЩАНИЯ

И Арагац, и Арарат
Глазами скорбными глядят
На черный туф дворца,
На зал,
Печальный зал,
Где он лежал —
Царь, хоть и без короны он,
Царь, что имеет гордый трон,
Но не спускается с него,
Святого трона своего.

И наш народ, что все подряд
Престолы старые столкнул

И целый мир перевернул,
Возмездьем праведным объят —
С царя другого в этот час
В слезах, в тоске не сводит глаз,
И не скрывают слез тоски
Мужчины, дети, старики.
И флагов целый океан
Окаменел, в печаль одет, —
Флаг государственный армян,
Наш флаг,
Ты слышишь, Вардапет?
Столица родины моей —
А не колония, как встарь! —
Старается в душе своей
Запечатлеть твой образ, царь,
Запечатлеть в последний раз
Твои любимые черты,
Что не сверкнут уже сейчас,
Как блещут яркой красотой
Твои нам песни,
Бледен ты,
Но бледностью не сироты —
А праведною бледнотой...
И Арагац,
Масис,
Синан *
Встают в почетный караул,
Седые головы склонив, на прах твой
смотрят сквозь туман...
Армянских деятелей ряд
Встает в почетный караул,
Варпеты * мудрые стоят,
Сердца и руки протянул
К тебе народ —
И стар, и млад...

Народ, оставшийся с тобой, —
Теперь тебе он сыном стал,
Слит воедино скорбью той,
Что в час прощанья испытал,
От боли сгорбясь, — ведь отца
Теряет он и вся земля,
И жарким пламенем сердца
Скорбь обжигала, опаля, —

За человеком человек
Идут с безмолвною тоской,
Чтоб сохранить в душе навек
Твой образ светлый,
Лик святой...

ЗВОН ПОГРЕБЕНИЯ И ВОСКРЕШЕНИЯ

И вот он, похоронный путь, — процессия была длинна,
От Абовяна через центр до Пантеона шла она,
Но — раньше — был оплакан он
Рекой Раздан, она, как мать,
Была сдержать не в силах стон,
И, чуть покачиваясь, плыл над морем из людских голов
Святой кораблик в вышине, поднявший парус из венков...

И многотысячной толпой
Сыны столицы — молодой
И нашей древней —
Шли сюда,
Чтоб с ним проститься навсегда,
Но не они одни сейчас
Скорбели в этот горький час,
Не только весь народ скорбел,
Не только те, кто от резни
Бежали за родной предел,
Чтоб там свои закончить дни,
Но... миллионы жертв тех лет,
Покойников несметных тьма,
Чьих и могил на свете нет,
Те, что свели его с ума
Своей злосчастною судьбой...

В процессии печальной той
Шли горы —
И родной страны,
И те, что были пленены...

И ветер родины звенел...
И колокольчиком запел
Девичий нежный голосок,

Он был печален и высок
В невыразимой тишине
У ямы той, где мрак на дне,
А песня поднималась ввысь:
    — ЧИНАРА,
    ТЫ НЕ ГНИСЬ, НЕ ГНИСЬ! —
И до земли от этих слов
Склонялись тысячи голов,
Упали слезы на венки —
Всеобщей скорби и тоски,
И плач был общим в тот момент,
Как песне аккомпанемент...
И среди всех было нельзя найти хотя бы одного,
Кто не услышал бы в себе звучанья сердца своего:
«Нет, не согнуть нас никому!» —
Свидетель и залог тому
И Арагац,
И Арарат,
И песня, чьи слова звучат,
Как просьба светлая к нему:
    — НЕ УДАЛЯЙСЯ!

Уходил.
Но уходил как солнце он,
Что покидало небосклон,
Лишь для того, чтоб свет дарить
Другим краям
И вечно жить.

Он уходил.
Но уходил, чтобы от близкого уйти,
Чтоб, простираясь широко, распространиться по пути,
Незавершенное свершить,
Дополнить и распространить,
Чтоб в памяти навечно жить,
И песне зря его молить:
    — НЕ ЗАБЫВАЙ...

Когда во тьму
Той ямы, что могилой звать,
Гроб стали тихо опускать,
На удивление всему
Дождь заструился, как родник, —
Иль в самом деле потому,

Что небо плакало о нем
Печально-умиротворяющим сердца своим дождем...
— НЕ ЗАБЫВАЙ!

...Когда во тьму
Той ямы, что могилой звать,
Гроб стали тихо опускать,
В тот миг —
По миру по всему
Рассеянные в годы зла
Церквей армянских купола
Ударили в колокола,
И просьба к небу в них была:
— Открой свои врата ему!.. —
Со всех амвонов к небу плыл
Его бессмертный ПАТАРАГ:
— И Я КОГДА-ТО СВЕТОМ БЫЛ,
ТЕПЕРЬ Я — СМЕРТИ ТЕНЬ, Я — МРАК...

Нет, литургист, ты в этот раз
Ошибся — он всегда для нас
Был ярким светом, и опять
Ему ликующе сиять
До нескончаемой поры
В глазах — армянской детворы,
В умах — пытливых молодых,
В грудях набухших — юных жен,
В улыбке засияет он
Армянских бабушек седых,
Качающих своих внучат,
В сердцах — что трепетно стучат,
Когда любви приходит час.
Ах, Вардапет, тебя сейчас
Мы не хороним в душной мгле,
А на хранение земле
Вручаем — ею ты любим,
И тщетно литургии стон
Стенает песней похорон:
— ВСЕВЫШНИЙ ИЕРУСАЛИМ...
Не литургии нужен стон,
А яркий воскресенья звон:
— ХВАЛА ВСЕВЫШНЕМУ! —
Нужна.

— БЛАГОСЛОВЕН ТЫ! —
Песнь слышна.

Тебя здесь не хоронят, нет, ты не становишься землей,
Ты воскресенье обретешь, всегда живой, во всем живой:

— БЛАГОСЛОВЕН ТЫ,
АГНЕЦ МОЙ...

Воистину, ты — агнец тот,
Кому в кровавый черный год
Стать жертвой горький жребий дан, —
Пал без ножа ты, Вардапет,
Когда осталась без армян
Земля армян в годину бед...

— ВЗОЙДИ НА ГОРУ
И РАЗДАЙ НАГРАДУ СЫНОВЬЯМ СВОИМ... —
И роздал ты награду им,
Сынам народа своего
И... человечеству. Его
Ты тоже одарил, как бог,
Ты роздал всем и все, что мог,
И сам богаче стал притом...
— ТЕБЯ ВОССЛАВИМ,
ВОЗНЕСЕМ...

Но где слова нам отыскать,
Чтобы тебе хвалу воздать,
Коль оказался бедным вмиг
Гайканский щедрый наш язык,
Чем нам воздать тебе в ответ,
О Вардапет?
. . . .
Ты — Вардапет!
Всея Армянской Песни Бог,
Месроп Маштоц и букв, и строк
Армянской Песни,

А она
Была пока как целина,
Ты — борозда, что глубока,
Ты — золотые семена,

Ты — вера, и наверняка
Даст новый урожай она...

Ты — абрикосовый побег,
Чьи ветви — как их ни ломай —
Приносят новый урожай,
И ...снова счастлив человек...

Ты ласточка, что навсегда
Избрала место для гнезда
У нас в душе,
Средь куполов
Полуразрушенных дворцов
И храмов, что еще стройны
Под небом милой нам страны...

Ты — наша лира,
Чья струна,
Хоть и надорвана она,
Армянской музыки полна...

Ты — горло всех сердец армян,
Что, духом падая от ран,
Стон по-армянски издает...

Ты — камень
В гладкой кладке, тот,
Что крепость зданью придает;
Ты — хлеб насущный
И запас,
Что в черный день спасал не раз;
Мир наших душ, что под замком,
И мир, распахнутый кругом;
Ты — та причина,
Что опять
Бежавших помогла вернуть,
В одно — весь гений наш собрать
И преградить навеки путь
Судьбе, что зло, за годом год,
Разбрасывала наш народ...

Ты — наш незыблемый Масис,
Опора наша, вера в жизнь,
Ты — наших песен Цовасар,

Исток прозрачный,
Ярый жар
Душ, переполненных тоской
И звонкой радостью людской.
Ты — наших песен нота, хаз,
И нотный знак,
И жизни глас,
Армянских песен сводный том
И голоса хранящий дом...

Мы — поле, пахарь — ты на нем,
Солома — мы, ты — колосок,
Мы — долы, ты — седой отрог.
Мы — синь, ты — неба синий дом,
Мы — холод, ты — огонь во всем,
И ты — тоныр,
И ты — очаг...

Прими как воздаянья знак
Тобою совершенных благ
Твоей же нивы вечный звон.

Ты — для веков,
Для всех времен
Вечноиграющий орган.
Ты — наш духовный шаракан,
Ты — собиратель для страны
Реликвий, что разметены,
Ты — для душевной чистоты
Купель священная,
И ты —
Библейский посох,
Что на миг
Коснется — и забьет родник.
Ты — стон души,
Слеза из глаз,
Жрец песен,
Поднятых в зенит,
Ты — колокольня,
Что для нас
Неумолкаемо звенит...

11 сентября 1957 г. — 28 ноября 1958 г., Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 3. *Григор Нарекаци* (951—1003) — великий армянский поэт и мыслитель.

Уолт Уитмен (1819—1892) — всемирно известный американский поэт.

Григорий Сковорода (1722—1794) — выдающийся украинский поэт, философ-просветитель, педагог.

Наапет Кучак (годы рождения и смерти неизвестны) — жил и творил в XVI веке; один из выдающихся лириков средневековой армянской поэзии.

Саят-Нова (наст. имя и фам. Арутюн Саядян; 1712—1795) — великий средневековый поэт-гусан, писавший на трех языках: армянском, грузинском и азербайджанском; оказал значительное влияние на развитие искусств закавказских народов.

Ованес Туманян (1869—1923) — выдающийся классик армянской литературы, писатель, публицист, общественный деятель.

Аветик Исаакян (1875—1957) — крупный советский поэт, прозаик, публицист.

Ваан Терьян (наст. фам. Тер-Григорьян; 1885—1920) — известный армянский лирик начала XX века, революционный, партийный и государственный деятель.

Егише Чаренц (1897—1937) — крупный советский поэт.

Стр. 6. *Рубен Севак* (наст. фам. Чилингарян; 1885—1915) — западноармянский лирик. Жертва геноцида 1915 года.

Стр. 7. *Комитас* (наст. имя и фам. Согомон Согомонян) — выдающийся композитор, сыгравший огромную роль в формировании и развитии национальной композиторской школы, фольклорист, дирижер, певец, основоположник армянской научной музыкальной этнографии. Будучи монахом, композитор принял имя главы армянской церкви, жившего в VII веке, великого гимнотворца Комитаса.

Сиаманто (наст. имя и фам. Атом Ярджанян; 1878—1915). Пал жертвой геноцида 1915 года.

Стр. 10. *Бюракан* — астрофизическая обсерватория Академии наук Арм. ССР, находится неподалеку от Еревана.

Стр. 11. *Ясунари Кавабата* (1899—1962) — выдающийся японский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Кобо Абэ (1924) — известный современный японский прозаик.

Стр. 19. *Ердык* — отверстие в крыше, служащее дымоходом.

Стр. 70. *«Божественный свет»* и *«Багряный рассвет»* — названия армянских церковных песнопений.

Стр. 96. *Пшат* — дерево с мучнистыми мелкими плодами.

Стр. 128. *...явился на свет мальчик в Дсехе...* — Речь идет об Ованесе Туманяне.

Маро, Саро, Давид Сасунский, Мелик, Гикор — герои произведений Ованеса Туманяна.

...Еще один мальчик явился на свет... — В одном и том же году родились Ованес Туманян и Комитас.

Архалук — мужская деревенская одежда.

Хавиц — сладкое блюдо из сахара, муки и масла, которым обычно кормят рожениц.

Стр. 129. *Дебет* — река в Лори — родине Ованеса Туманяна.

Стр. 130. *Азаран* — жар-птица.

Шараканы — церковные гимны-песнопения.

Одзунский монастырь — известный центр церковной культуры VI века в селе *Одзун* Туманянского района.

...Приставки «Турецко...» и «Русско...»... — После присоединения в 1828 году восточных областей Армении к России эта часть стала называться Восточной или Русской Арменией, западные же области, оставшиеся под господством Персии и Турции, — Западной или Турецкой Арменией.

В ноябре 1920 года в северных провинциях Восточной армении была установлена Советская власть.

Стр. 132. *Тоныр* — круглая глиняная печь, врытая в землю, для выпечки хлеба.

Стр. 133. *...Куропатка поет...* — «Куропатка» — известная песня Комитаса.

Кутина — провинциальный город в Турции с армянским населением.

Масис — одно из названий горы Арарат.

Гохтн — область в Западной Армении, славившаяся своими гусанами-певцами.

Пандир — старинный армянский бубен.

Арташес (Арткаскнй, ум. ок. 160 г. до н. э.) — царь Армении Великой (официальное название Древне-Армянского царства с 189 г. до н. э. до 387 г. н. э.).

Артавазд I (ум. ок. 150 г. до н. э.) — царь Армении Великой.

Стр. 134. *Трдат или Тиридат* (287—332) — царь Армении Великой, при нем в 301 году страна приняла христианство.

Шамирам — ассирийская царица Семирамида.

Ара Прекрасный — царь, к которому, согласно легенде, воспылала любовью Семирамида. Когда Ара отверг ее чувства, ассирийская царица пошла войной на Армению. На поле боя Ара погибает, сохранив верность жене Нвард.

...с огненною бородой... — Имеется в виду языческий бог Ваагн, о рождении которого говорится в древнейшей песне.

Навасард — первый месяц года по армянскому языческому календарю, соответствовал концу сентября.

Вардавар — праздник весны, сохранившийся и поныне с языческих времен.

Стр. 135. *Арагац* — высокая гора в Армении.

...Собора Кафедрального кресты... — Имеется в виду Эчмиадзин, религиозный центр армян.

Стр. 137. *Вардапет* — архимандрит.

Католикос — глава армянской церкви, патриарх.

Грабар — древнеармянский язык.

Стр. 140. *Гайк Храбрый* — легендарный прародитель армян.

Ара и *Арам* — мифические герои, защитники границ армянских земель.

Тигран Великий (царствовал с 95—56) — царь Армении Великой.

Месроп Маштоц (360—440) — создатель армянской письменности, великий ученый, переводчик, просветитель.

Стр. 145. *Сибех* — съедобная трава.

Стр. 146. *Хазы* — древнеармянские нотные знаки, ключ к расшифровке которых утерян. Долгие годы их исследованием занимался Комитас; монография его, посвященная этому вопросу утеряна. Однако некоторые случайно уцелевшие черновые записи и изданные статьи свидетельствуют об огромном вкладе его в дело расшифровки хазового письма, давая основание предположить, что Комитас находился в преддверии разгадки тайнописи. После установления Советской власти в Армении продолжились научные поиски в этом направлении. В настоящее время при Матенадаране (Государственное хранилище древних рукописей в Ереване) и Институте искусств при АН Армянской ССР идет интенсивная работа по расшифровке древних нотных знаков с привлечением электронно-компьютерной техники.

Стр. 150. *Манрусум* — музыкальная книга, написанная нотными знаками, в данном случае — книга хазов.

Стр. 158. *Чачар* — молотильная доска с железными клинообразными зубьями.

Кам — молотильная доска с кремневыми зубьями.

Стр. 159. *Карас* — большой глиняный кувшин для хранения вина и злаков.

Стр. 160 *Авелук* — съедобная трава; ее для сушки плетут косичкой.

Стр. 167. *Мацун* — род простокваши.

Оровел — песня пахаря.

Стр. 168. *Джан* — ласкательное слово вроде: дорогой, дорогая, милая, милый.

Стр. 169. *Калерг* — песня молотьбы.

Нейним — восточная мелодия.

Бейт — двустишие в поэзии народов Востока.

Молния-меч — меч Давида Сасунского, героя одноименного эпоса.

Конь Джалали — конь Давида Сасунского, героя одноименного эпоса.

Оган-Горлан — персонаж из эпоса «Давид Сасунский», обладающий громовым голосом.

Пахлава — восточная сладость.

Стр. 170. *Таг* — стихотворение, армянская духовная песня.

Баяти — протяжная жалобная мелодия.

Стр. 173. *Патараг* — обедня.

Ануш — героиня одноименной поэмы Ованеса Туманяна, по мотивам которой Комитас писал оперу. Партитура оперы утеряна, до нас дошли лишь несколько отрывков.

Адат — обычаи, освященные стариной, традиционные представления, морально-этические нормы поведения, которых строго придерживались в патриархальной Армении.

Моси — один из героев поэмы «Ануш» Ов. Туманяна.

Стр. 178. *...Его и на это обрек...* — Имеется в виду Берлинский конгресс 1878 года, который пересмотрел решения мирного договора, подписанного по окончании русско-турецкой войны (1877—1878) в Сан-Стефано, и лишил армян, живущих в Турции, самоуправления. Воспользовавшись этим, пришедший через несколько лет к власти султан Гамид учинил первую резню.

Стр. 180. *...Шестьдесят первый он пункт...* — Имеется в виду 61-й пункт решений Берлинского конгресса, по которому армянам, проживающим в Турции и России, предоставлялись на бумаге некоторые, крайне ограниченные, права.

Стр. 184. *Андраник Озанян* (1865—1927) — народный герой Армении времен первой мировой войны.

Стр. 185. *...Сасунским безумцем...* — Имеются в виду герои эпоса «Давид Сасунский», которых народ любовно называл «безумцами» из-за их беспредельной отваги, отчаянной смелости.

Стр. 185. *Хандут* — возлюбленная Давида Сасунского, героя одноименного эпоса.

Зейтун — область в Киликии с армянским населением.

Стр. 187. *Гевонд-иерей* (Гевонд Ерец; годы рождения и смерти неизвестны) — армянский историк V века, летописавший битву при Аварайре (см. примеч. к с. 246).

Сипан, Немрут — горные вершины в Западной Армении.

«Сурб Карапет» — храм Святого Предтечи в Муше (Западная Армения), построенный в IV веке; излюбленное место паломничества армян.

Стр. 188. *Ван* — древний город на берегу одноименного озера в Западной Армении.

Стр. 189. *Курси* — приспособление в виде столика над тоныром, покрытое одеялом и служащее для обогрева помещения.

Кизяк — высушенный в форме кирпичей навоз с примесью соломы, служащий топливом.

Стр. 189—190. *Ариса, каурма, хаш* — армянские национальные блюда.

Стр. 191. *Зурна* — восточный духовой инструмент.

Чуха — верхняя деревенская мужская одежда.

Стр. 199. *Нарды* — игра, распространенная на Востоке, с шашками и костями.

Дэв — дракон.

...*«кашля синего»*... — так в народе называют коклюш.

Стр. 207. *Шорва* — суп из фасоли или пшенной крупы.

Стр. 214. *Хашлама* — вареная баранина со специями.

Дженнат — рай по-персидски.

Стр. 217. *Карпет* — палас, ковер без ворса.

Стр. 231. *...В том Братстве...* — Имеется в виду Эчмиадзин.

Стр. 232. *...он ребенка и не заимел...* — Комитас, как монах, не имел права жениться и иметь детей.

Стр. 237. *Полис* — так в прошлом армяне называли Константинополь (ныне Стамбул).

Стр. 240. *Елдыз-кешка* — дворец кровавого султана Абдул-Гамида II. В переводе — Звездный дворец, находится на берегу Босфора.

Даниэл Варужан (1884—1915) — выдающийся западноармянский поэт, публицист. Пал жертвой геноцида 1915 года.

Ваан Текеян (1878—1945) — крупный западноармянский лирик.

Стр. 242. *...бесконечные эти шестьсот...* — Имеются в виду шесть веков османского ига, под которым находился армянский народ.

Стр. 243. *...два расколотых материка...* — Стамбул расположен на границе двух материков: Европы и Азии.

Стр. 244. *Панкалты* — квартал в Стамбуле;

Принцевы острова — расположены неподалеку от Стамбула в Мраморном море.

Стр. 245. *Марута* — гора в Западной Армении.

Стр. 246. *Вардан.* — Имеется в виду Вардан Мамиконян — выдающийся армянский полководец V века, возглавлявший освободительную борьбу армянского народа против Сасанидской Персии.

Аварайр — место решительного сражения между армянскими и персидскими войсками, где армяне отстаивали свою свободу и независимость. Битва произошла в 451 году. Армянскими войсками командовал Вардан Мамиконян.

Стр. 247. *...Нейнимской, сазовой тоски...* — заунывные, тягучие мелодии, не свойственные армянской национальной песне.

...По просьбе Общества... — Имеется в виду Международное музыкальное общество.

Стр. 253. *...Явись справедливость, явись ко мне, чтоб*
Навечно плевком заклеймил я твой лоб! — цитируемые строки принадлежат поэту Сиаманто, которого вместе с другими писателями убили камнями. Их этапный путь разделял и Комитас, которого, однако, турецкие правители вернули с полдороги — у него уже от всего увиденного и пережитого появились признаки душевного заболевания.

Стр. 254. *...Лишенной мужчин, чтоб ее защищать...* — Перед тайным решением учинить резню реакционные турецкие власти объявляли мобилизацию, собирали и увозили армянских мужчин, могущих носить оружие, тем самым оставляя женщин, детей и стариков беззащитными.

...русско-турецкому фронту... — непереводимая игра слов: армянское слово «лоб» имеет два значения — и лоб и фронт.

Карин — армянское название Эрзерума.

Стр. 263. *Дер-Зор* (Тер-Эль-Зор) — пустыня в Сирии, куда в апреле 1915 года пантюркистские реакционеры согнали сотни тысяч армян и предали смерти.

Стр. 265. *Григор Зограб* (1861—1915) — выдающийся западноармянский новеллист, публицист, критик, политический деятель. Пал жертвой геноцида 1915 года.

Стр. 274. *... сыпалась манна с небес...* — Сасунские горы изобилуют манноносным ясенем, чей клейкий затвердевший сок и зовут манной.

Стр. 275. *Цовасар* — гора в Сасуне.

...от железных лаптей пастушка... — Имеется в виду Давид Сасунский, пасший в детстве стадо в горах.

Стр. 276. *...След саманокрада* — так называют армяне Млечный Путь. Согласно легенде, бог молнии и неба Ваагн в тяжелый не-

урожайный год украл у других богов саман (солому) и, убегая по небу, рассыпал его, оставив след, который и выглядит как Млечный Путь.

Шарки — вид восточной песни.

Стр. 278. *...От Младшего Мгера...* — Имеется в виду сын Давида Сасунского, навеки заточенный в утес. Мгера, согласно эпосу, земля не держала, он ушел в пещеру, чтоб пробыть там до тех пор, пока в мире восторжествует справедливость.

Бюракн — имеющий много родников, ключей.

Стр. 280. *...Звалось ты Бийан, и Тушпа, и Бзнуник...* — урартские и древнеармянские названия озера Вана и одноименного города.

Вараг, Востан, Айгестан — районы города Вана.

Артамед — пригород Вана, славившийся ароматными сортами яблок.

Стр. 281. *Святой Ахтамар* — монастырь X века на острове Ван, шедевр армянской средневековой архитектуры.

...потихоньку богатство нажить... — Ванцев считали народом бережливым до скупости.

Семирамиды канал — сохранившийся с урартских времен оросительный канал, действующий и поныне. По преданию, его построила ассирийская царица Семирамида.

...тысячи ванских котов... — порода ванских котов отличалась пушистым ворсом и большими глазами.

Стр. 284. *«Раны Армении»* — известный роман классика армянской литературы, великого демократа-просветителя Хачатура Абовяна (1805—1848). В 1829 году Х. Абовян принял участие в научной экспедиции, которую возглавлял профессор Дерптского университета Ф. Паррот, и вместе с ним совершил восхождение на вершину горы Арарат. Впоследствии был за это предан анафеме и отлучен от церкви.

Стр. 286. *...Ануш не успел... с ума... свести...* — Имеется в виду героиня одноименного произведения Ов. Туманяна, которая в финале поэмы лишается рассудка, когда убивают ее возлюбленного.

Агравакр — психиатрическая клиника близ Константинополя, куда в первое время поместили Комитаса.

Стр. 287. *Шишли* — долина, где находилась психиатрическая лечебница.

Стр. 290. *Вил-Жуиф* — предместье Парижа, где в лечебнице для душевнобольных провел двадцать лет жизни Комитас.

Стр. 291. *...тот старый друг, Четырехлетний...* — Имеется в виду Советская Россия, четвертый год ее существования.

Стр. 292. *...Как виноградная лоза...* — В Араратской долине ви-

ноградники закапывают на зиму в землю, чтобы предохранить от морозов.

Стр. 293. *...адмирала дал...* — Имеется в виду Исаков Иван Степанович (1894—1967), адмирал флота Советского Союза, Герой Советского Союза, выдающийся военный деятель Великой Отечественной войны.

...маршала дала... — Имеется в виду Баграмян Иван Христофорович (1897—1982), маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, выдающийся полководец Великой Отечественной войны.

Стр. 294. *...что зажег Григор...* — Имеется в виду Григор Просветитель (Партев, конец III и начало VI вв.) — первый армянский католикос, распространитель христианства в Армении. Согласно легенде, на горе Арагац горит зажженная им лампада. На Арагаце действительно наблюдается порой фосфорическое свечение, которое, по преданию и приписывается горению лампады.

Стр. 295. *Квартет* — Имеется в виду прославленный советский квартет имени Комитаса, организованный в 1932 году.

Стр. 302. *Синан* — гора в Армении.

Варпет — мастер.

СОДЕРЖАНИЕ

Тебя нет и не будет

ПОЭМА

Севак П. Р.

С 28 Избранное. Пер. с арм./Вступ. статья И. Драча; Худож. А. Зефиров. — М.: Худож. лит., 1983. — 319 с.

Паруйр Севак (1924—1971) — известный советский поэт. В его «Избранное» входят лирические произведения и поэма «Неумолкаемая колокольня», переведенная на русский язык поэтом-переводчиком Г. Регистаном.

С $\frac{4702080200\text{-}362}{028(01)\text{-}83}$ 81-83

ББК 84Ар7
С (Арм) 2

Паруйр Рафаэлович Севак

ИЗБРАННОЕ

Редактор А. Макинцян

Художественный редактор С. Данилов

Технический редактор И. Жаворонкова

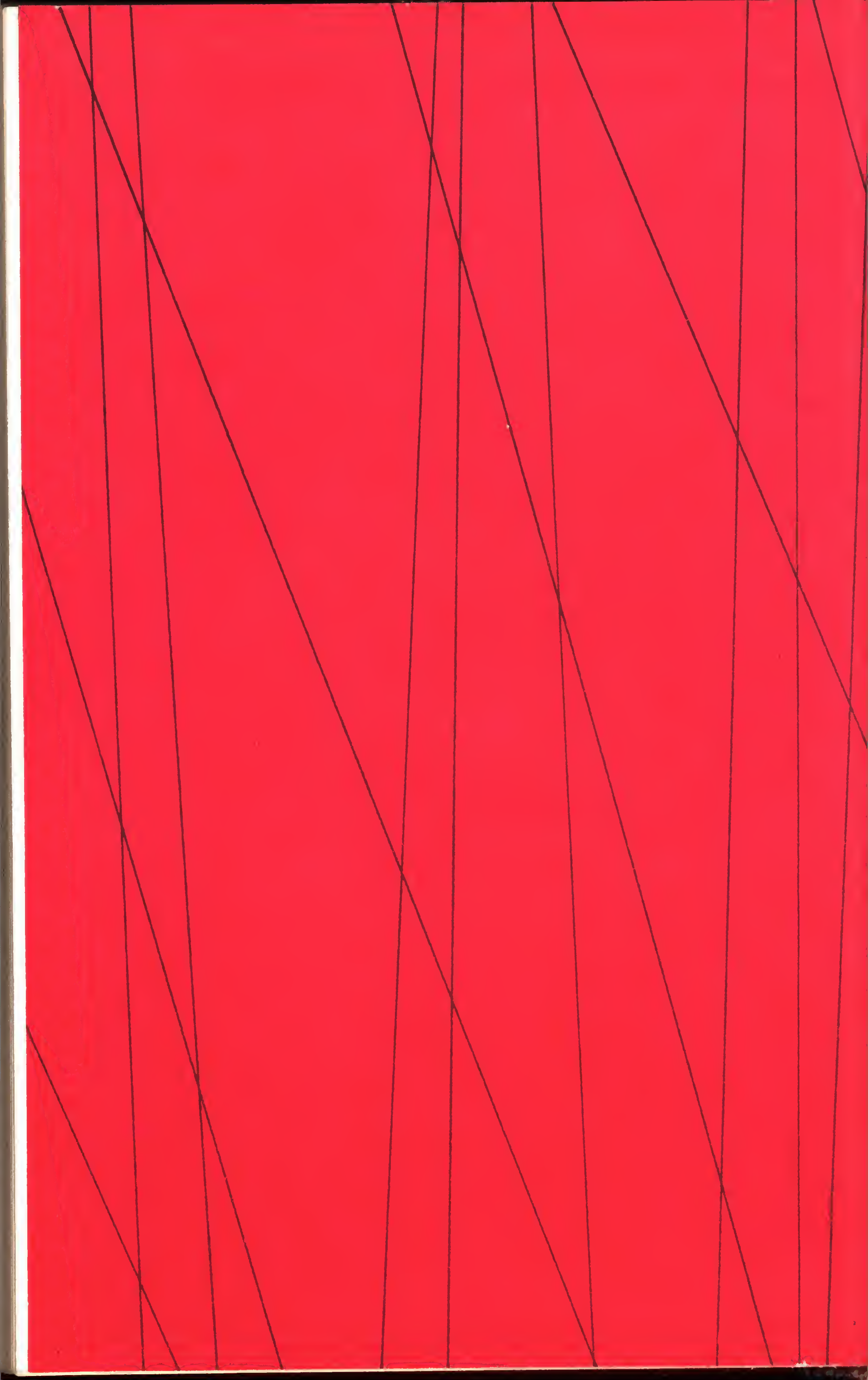
Корректор С. Свиридов

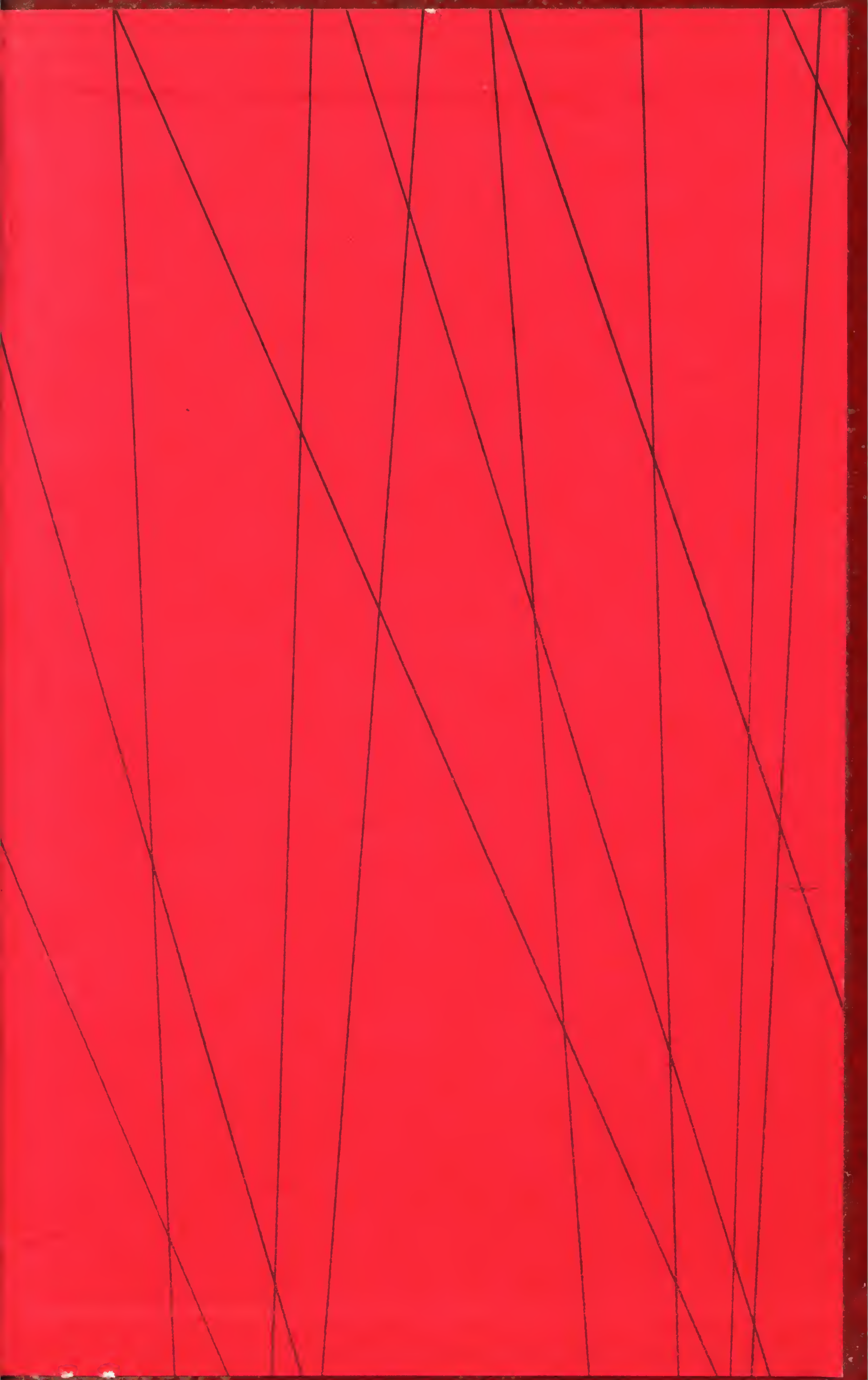
ИБ № 2879

Сдано в набор 17.02.83. Подписано в печать 14.06.83. Формат 84×108[1]/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая, Усл. печ. л. 16,8 + 1 вкл. = 16,85. Усл. кр.-отт. 17,27. Уч.-изд. л. 17,19 + 1 вкл. = 17,22. Тираж 25 000 экз. Изд. № IV-1216. Заказ 14046. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Типография издательства «Калининградская правда». 236000. г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18





ПАРУЙР СЕВАК